

СМАЛЬТА

Международный научно-практический
и методический журнал

№ 3, 2021

Ольга Олеговна Андронникова
главный редактор, кандидат
психологических наук, доцент, декан
факультета психологии, профессор
(Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия

- А. С. Тишкова* – заместитель главного редактора, доцент (Новосибирск, Россия);
Г. Г. Буторин – доктор психологических наук, доцент (Челябинск, Россия);
М. М. Каишапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия);
Н. В. Клюева – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия);
О. А. Овсяник – доктор психологических наук, доцент, профессор (Москва, Россия);
А. А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Новосибирск, Россия);
М. С. Яницкий – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент САН ВШ (Кемерово, Россия);
А. В. Серый – доктор психологических наук, доцент, профессор (Кемерово, Россия);
Ю. М. Первозкина – доктор психологических наук, доцент, профессор (Новосибирск, Россия);
Р. Р. Халфина – доктор биологических наук, профессор (Уфа, Россия);
И. А. Маврина – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия);
И. А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Б. О. Майер – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор (Новосибирск, Россия);
Е. А. Пушкарёва – доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
А. А. Изгарская – доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
И. Р. Хох – кандидат психологических наук (Уфа, Россия);
Н. В. Буравцова – кандидат психологических наук, доцент (Новосибирск, Россия);
М. В. Тендрякова – кандидат исторических наук (Москва, Россия);
Ф. Прюс – доктор педагогики, профессор (Грайфсвальде, Германия);
С. А. Стельмах – кандидат психологических наук, доцент (Усть-Каменогорск, Казахстан);
Т. В. Панышина – кандидат педагогических наук, доцент (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал Смальта/Smalta зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-76348 от 19 июля 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ДРУГИХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

Ветерок Е. В. Проблема социальной апатии в зарубежных и отечественных исследованиях.....	5
Ефремова О. А. Исторические аспекты возникновения понятий «личностные конструкты» и «психологические новообразования» в психологии	15
Юшкова Л. А. Психологические размышления об образе российского потребителя.....	21

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

Андронникова О. О., Жданова М. Г. Профессиональное самоопределение студентов-медиков 2 курса: факторы и противоречия.....	29
Ганпанцурова О. Б., Космынин С. А., Напреева С. А., Максименко П. А. Изучение индивидуально-психологических характеристик личности детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами.....	45
Зиновьева Л. В. Ролевые конфигурации в структуре взаимодействия IT-команды.....	57
Мекебаев Н. С., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих.....	65
Перевозкин С. Б. Мотивационно-ценностная структура военнослужащих.....	77
Тишкова А. С., Елистратова Д. Э. Предпосылки ролевой идентичности личности в контексте социальной сети Instagram.....	89

ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

Федотова В. А. Антиципационная состоятельность и стратегии совладания со стрессом у иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре	99
Чанова А. В., Гладышев Д. Ю. Тренинговые занятия как один из инструментов адаптации совершеннолетних инвалидов с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития	115

Журнал основан в 2014 г.
Выходит 4 раза в год
Электронная верстка И. Т. Илюк
Редактор М. В. Праско
Адрес редакции, издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск,
ул. Виллойская, 28, т. 8 (383) 244-18-93

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 9,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 91.
Формат 70×108/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет 15.10.2021
Отпечатано в Издательстве НГПУ

SMALTA

International scientific-practical
and methodical journal

№ 3, 2021

Olga Olegovna Andronnikova
Chief Editor, Candidate of Psychological
Sciences, Associate Professor, the Dean
of the Faculty of Psychology, Professor
(Novosibirsk, Russia)

Editorial board

- A. S. Tishkova* – Deputy editor-in-chief, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);
G. G. Butorin – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Chelyabinsk, Russia);
M. M. Kashapov – Doctor of Psychological Sciences, Professor (Yaroslavl, Russia);
N. V. Klyueva – Doctor of Psychological Sciences, Professor (Yaroslavl, Russia);
O. A. Ovsyaniuk – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor (Moscow, Russia);
A. A. Utyuganov – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);
M. S. Yanitsky – Doctor of Psychological Sciences, Professor (Kemerovo, Russia);
A. V. Sery – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor (Kemerovo, Russia);
Yu. M. Perevozkin – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor (Novosibirsk, Russia);
R. R. Khalifina – Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa, Russia);
I. A. Mavrina – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Omsk, Russia);
I. A. Fedoseeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia);
B. O. Mayer – Doctor of Philosophical Science, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);
E. A. Pushkareva – Doctor of Philosophical Science, Professor (Novosibirsk, Russia);
A. A. Izgarskaya – Doctor of Philosophical Science, Professor (Novosibirsk, Russia);
I. R. Khokh – Candidate of Psychological Sciences (Ufa, Russia);
N. V. Buravtsova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);
M. V. Tendryakova – Candidate of Historical Sciences (Moscow, Russia);
F. Prus – Doctor of Pedagogy, Professor (Greifswalde, Germany);
S. A. Stelmach – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan);
T. V. Panshina – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical University, 2021
All rights reserved

The journal Smalta is registered by Federal service on supervision in sphere of communication, information technologies and mass communications PI № FS77-76348 from July, 19th, 2019

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included in the Russian Scientific Citation Index

CONTENTS

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF PSYCHOLOGY AND OTHER HUMAN SCIENCES

Veterok E. V. The problem of social apathy in foreign and domestic studies	5
Efremova O. A. Historical aspects of the emergence of the concepts of “personal constructs” and “psychological neoplasms” in psychology.....	15
Yushkova L. A. Psychological reflections on the image of the Russian consumer	21

CURRENT EXPERIMENTAL STUDIES OF PSYCHOLOGY AND RELATED SCIENCES

Andronnikova O. O., Zhdanova M. G. Professional self-determination of 2 nd -year medical students: factors and contradictions	29
Ganpanturova O. B., Kosmyinin S. A., Napreeva S. A., Maksimenko P. A. Research of individually-psychological characteristics of personality of young school age children with neurological disorders.....	45
Zinoveva L. V. Role configurations within IT-team collaboration	57
Mekebaev N. S., Perevozkina Yu. M., Fedorishin M. I. Mental models of social interaction of military persons	65
Perevozkin S. B. Structure of motivation and value of military.....	77
Tishkova A. S., Elistratova D. E. Background of the personal role identity in the context of the Instagram social network.....	89

PRACTICAL DEVELOPMENTS IN THE FIELD OF PSYCHOLOGY AND RELATED SCIENCES

Fedotova V. A. Anticipatory competence and coping strategies of international students regarding their cultural affiliation	99
Chanova A. V., Gladyshev D. Yu. Training sessions as one of the tools for the adaptation of adults with disabilities from childhood with intellectual disabilities and social development	115

The journal is based in 2014 Leaves 4 yearly Electronic make-up operator I. T. Iliuk Editor M. V. Prasko Editors address, publisher and printing house: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. 8 (383) 244-18-93	Printing digital. Offset paper Printer's sheets: 12,4. Publisher's sheets: 9,0. Circulation 500 issues Order № 91. Format 70×108/16 Release date 15.10.2021
--	--

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ДРУГИХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

УДК 316.6+159.9.07

Ветерок Екатерина Владимировна

*кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, severus.snegg.1997@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4303-1985*

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Исследование направлено на изучение проблемы социальной апатии. Рассматриваются различные дефиниции понятия «социальная апатия» в контексте отечественных и зарубежных работ. Описан ряд подходов к изучению социальной апатии, распространенных в отечественной науке. Дается общая характеристика специфических проявлений социальной апатии. Определены основные функции социальной апатии. Проведен аналитический обзор зарубежных и отечественных статей, в которых освещаются особенности социальной апатии. Описаны данные современных научных исследований, посвященных выявлению особенностей социальной апатии у молодежи. Проанализированы социальные и психологические факторы, оказывающие влияние на возникновение социальной апатии. Сделаны выводы о специфике понимания социальной апатии и факторах, оказывающих воздействие на распространение данного социально-психологического явления.

Ключевые слова: апатия, социальная апатия, социальное самочувствие, социальная активность, социальное отчуждение.

Veterok Ekaterina Vladimirovna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, severus.snegg.1997@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4303-1985*

THE PROBLEM OF SOCIAL APATHY IN FOREIGN AND DOMESTIC STUDIES

Abstract. This study is aimed at studying the problem of social apathy. Various definitions of the concept of “social apathy” are considered in the context of domestic and foreign works. A number of approaches to the study of social apathy, common in Russian science, are described. The general characteristic of specific manifestations of social apathy is given. The main functions of social apathy are defined. An analytical review of foreign and domestic articles, which highlight the features of social apathy, is carried out. The data of modern scientific studies devoted to the identification of the features of social apathy among young people are described. The social and psychological factors influencing the emergence of social apathy are analyzed. Conclusions are drawn about the specifics of understanding social apathy and the factors that affect the spread of this socio-psychological phenomenon.

Keywords: apathy, social apathy, social well-being, social activity, social alienation.

Преобладание в современной действительности перманентных трансформаций кризисного характера обуславливает специфику социального самочувствия в обществе, проявляющуюся в том числе в социальной апатии как маркере искажения когнитивных и аффективных аспектов картины мира у лиц, относящихся к различным возрастным группам. Сложное сочетание нестабильности социальной реальности и переживания ее неопределенности индивидами выступает как предиктор возникновения социальной апатии, которая распространяется на различные сферы общественного бытия. Теоретический анализ научных исследований, посвященных проблеме социальной апатии, демонстрирует, что ее изучением занимались такие зарубежные и отечественные исследователи, как Р. Г. Абдрахимова [1], Е. Ю. Быкова [6], Е. В. Исмаилова [8], В. Б. Морозова [11], Ю. В. Набок [12], S. Ahmad [14], A. Zhelnina [26] и др. В научной литературе социальная апатия рассматривается в контексте двух основных аспектов: на макроуровне социальная апатия сопряжена с социокультурными изменениями современного социума, проявляющимися в переоценке общественных норм и преобразовании механизмов социальной преемственности, на микроуровне данный феномен обусловлен кризисом идентичности личности [4; 5]. Разнонаправленность в понимании изучаемого негативного социально-психологического явления детерминирует актуальность данного исследования, посвященного анализу системы факторов, оказывающих влияние на распространение социальной апатии в современном обществе.

В современной науке представлены различные дефиниции понятия «социальная апатия», обладающие рядом общих и характерных аспектов в зарубежных и отечественных источниках [3; 13]. В отечественных работах социальная апатия рассматривается как вид социальной активности, как тип самочувствия личности или социума и как следствие социального отчуждения [12]. О. А. Куликова, Н. И. Лиманова [9] понимают социальную апатию как форму социальной активности, проявляющуюся в снижении интереса к процессам, происходящим в социуме, что детерминировано искажением ценностей и социальной пассивностью индивида.

Е. В. Исмаилова [8] определяет социальную апатию как тип самочувствия личности, характеризующийся пассивным отношением к социальным процессам, искажением установок и утрате смысла жизни у субъекта. Ю. В. Набок [12] отмечает, что в современном социуме социальная апатия представляет собой один из типов социального самочувствия и отражает аффективное состояние индивидов, обусловленное отсутствием самореализации. В. Н. Аргунова, А. А. Русь [2] утверждают, что социальная апатия представляет собой социально-психологическое явление, отражающее социальное самочувствие субъектов. Авторы также связывают распространение социальной апатии в современном обществе с искажением ценностей, происходящим под воздействием кризисных социальных тенденций. По мнению авторов, социальная апатия выступает как форма протеста данным тенденциям и проявляется в безучастном отношении к событиям в окружающей реальности, а также в собственной жизни, что препятствует самореализации и самоактуализации личности.

Е. Ю. Быкова [7] также утверждает, что социальная апатия выступает как общая черта преобладающего аспекта социального самочувствия и характеризуется отстраненным и пассивным отношением к окружающей реальности, утратой социально значимых интересов, пессимизмом, психическим истощением, отсутствием смысла жизни. Автор связывает возникновение данного социально-психологическо-

го явления со специфическими изменениями современного социума. Особенности социальной среды, среди которых основными выступают ценностная дезориентация, доминирование индивидуалистических установок, соответствие преобладающим социальным правилам, обуславливают самоотчуждение, направленность на ложные смыслы, поверхностность переживаний, состояние зависимости и бессилия. Автор считает, что социальную апатию целесообразно рассматривать не как психологическое явление, связанное с отрицательными внешними факторами, а как общий феномен, свойственный современному социуму. Таким образом, социальная апатия представляет собой способ избегания активной социальной жизни, являющийся не временным состоянием равнодушия, а вариантом адаптации к условиям неопределенности, индивидуализации и актуализированного потребления.

Социальная апатия как следствие социального отчуждения рассматривается в работах Л. Ф. Вязниковой с соавторами [24]. Исследователи считают, что социальная апатия связана с кризисом социальной и личностной идентичности, нарушением социального взаимодействия, непринятием преобладающих в социуме ценностей и правил, ориентацией на себя. Ю. В. Набок [12] отмечает, что социальная апатия может выступать как модель поведения индивида, связанная со стремлением сохранения себя как социального субъекта. Это обусловлено тем, что переживание социальной неопределенности в сочетании с ощущением социальной и личной незащищенности приводит к хронической тревожности и социальной апатии. Также социальная апатия выступает маркером социального отчуждения, что позволяет рассматривать ее как свойство восприятия окружающей реальности. Ю. В. Набок считает, что в основе социальной апатии могут быть различные виды отчуждения, являющиеся предиктором кризиса идентичности. При этом также наблюдается обратное влияние: специфика идентификационных процессов обуславливает возникновение социальной апатии.

В. Б. Морозова [11] рассматривает социальную апатию как полифункциональный негативный феномен, обусловленный политическими, экономическими, общественными и психологическими процессами и характеризующийся формальностью в социальном взаимодействии. Также автор отмечает, что вышеуказанная формальность распространяется на отношение субъекта как к себе и своей деятельности, так и к социальной реальности, в частности к изменениям в обществе, политическим событиям, культурным ценностям. Автор подчеркивает временный характер данного феномена, свойственного трансформирующемуся социуму.

А. Т. Латышева, В. В. Касьянов, С. И. Самыгин [10] связывают социальную апатию с дестабилизацией личности, обусловленной многообразием потоков информации, искажением картины мира, доминированием индивидуалистических ценностей. По мнению С. Н. Яременко с соавторами [13], феномен социальной апатии коррелирует с такими чертами постмодернистского общества, как ощущение одиночества, отчужденности, неопределенности, отстраненное отношение к реальности и к себе, тревожность и фрустрация.

Ю. В. Набок [12] выделяет основные функции социальной апатии, представленные в таблице.

Функции социальной апатии

Название функции	Описание функции
Компенсаторная функция	Обеспечивает подавление негативных эмоций, что способствует социальной адаптации индивидов
Интегративная функция	Проявляется в возможности совмещения различных моделей поведения
Идентификационная функция	Предполагает социально маркированное поведение
Демобилизующая функция	Связана с отстранением от участия в социальной жизни

Также Ю. В. Набок [12] рассматривает факторы возникновения социальной апатии, среди которых основными выступают следующие:

- нестабильность социальных систем;
- избыток информации, возможностей, материальных благ;
- дезинтеграция картины мира;
- отчуждение индивидов друг от друга и от правительственных структур;
- кризис идентичности;
- индивидуализация;
- тревожность субъектов.

В зарубежной науке апатия рассматривается как неустойчивое состояние, характеризующееся снижением мотивации к различным видам деятельности [23]. По мнению S. Нарру с соавторами [19], апатия характеризуется такими симптомами, как снижение эмоциональной реакции, отсутствие мотивации и ограниченное социальное взаимодействие. R. Radakovic, S. Abrahams [22] выделяют следующие компоненты апатии:

- познавательный, который проявляется в неспособности когнитивного планирования;
- эмоционально-аффективный, который связан с невыраженностью эмоциональных реакций и нейтральным отношением к окружающему миру;
- поведенческий, который предполагает снижение деятельностного аспекта.

Y. Ang с соавторами [15] определяют апатию как недостаточно изученное расстройство, характеризующееся снижением мотивации. Исследователи отмечают, что разработано множество инструментов для оценки уровней апатии при клинических расстройствах, но не существует методов измерения апатии, подходящих для здоровых людей. Более того, хотя апатия обычно сопровождается симптомами депрессии, ангедонии и усталости, неясно, как и почему эти симптомы связаны. В связи с этим авторы разработали индекс апатии-мотивации (АМИ). Используя исследовательский факторный анализ (в выборке из 505 человек), а затем подтверждающий анализ (в другой группе из 479 человек), исследователи определили подтипы апатии в поведенческой, социальной и эмоциональной областях. Анализ скрытого профиля показал четыре различных профиля апатии, которые были связаны с различными уровнями депрессии, ангедонии и утомляемости. Более того, ассоциации между апатией и коморбидными состояниями могут отражать проблемы в различных эмоциональных, социальных и поведенческих областях.

Авторы выделили три области апатии: поведенческую активацию, эмоциональ-

ную чувствительность и социальную мотивацию. Субшкала поведенческой активации фокусировалась на склонности индивида к самоинициации целенаправленного поведения. Это тесно связано с инициированием и поддержанием соответствующих задаче ответов. В отличие от этого субшкала эмоциональной чувствительности содержала элементы, которые исследуют чувства положительной и отрицательной привязанности человека, что похоже на эмоциональное притупление, часто наблюдаемое у некоторых пациентов с апатией. Авторы обнаружили, что эти две субшкалы не были существенно коррелированы, что указывает на некоторую диссоциацию между поведенческими и эмоциональными аспектами апатии. Субшкала социальной мотивации содержала элементы, которые изучают вовлеченность человека в социальные взаимодействия. Данная субшкала коррелировала с субшкалами поведенческой активации и эмоциональной чувствительности [15].

Апатия может характеризоваться эмоциональным притуплением, в то время как депрессия – это аффективное расстройство, отличающееся крайним эмоциональным притуплением. Ангедония – это расстройство настроения, характеризующееся неспособностью получать удовольствие. Апатия и ангедония имеют тесную связь в общей популяции, причем те люди, для которых характерен более высокий уровень апатии, также с большей вероятностью сообщают о том, что испытывают ангедонию. Однако эти показатели не были полностью коррелированы, что говорит о том, что существуют также уникальные аспекты ангедонии, не связанные с апатией. Усталость может быть симптомом снижения мотивации, характеризующейся отсутствием энергии для выполнения действий. Несмотря на сходство симптоматики с апатией, лишь в немногих работах исследуется их взаимосвязь. Авторы установили, что существует частичное совпадение между апатией и усталостью. Таким образом, наблюдается также диссоциация между усталостью и подтипами апатии.

Y. Ang с соавторами [15] выявили четыре подтипа мотивации апатии у здоровых людей. Большинство людей (60,8 %) были идентифицированы как «в целом мотивированные». Небольшое число респондентов (2,1 %) были классифицированы как «в целом апатичные». Другие подтипы были обозначены как «эмоционально апатичные» (11,9 %) и «поведенчески/социально апатичные» (25,3 %). Различные подтипы апатии предсказывали различные ассоциации с депрессией, ангедонией и усталостью. Люди, идентифицированные как «поведенчески/социально апатичные», были более подавленными и усталыми, нежели люди, «эмоционально апатичные» или «в целом мотивированные». Кроме того, люди, которые «эмоционально апатичны», «поведенчески/социально апатичны» или «в целом апатичны», были более ангедонистичны, чем те, кто были «в целом мотивированы». Вместе с тем наличие высокого уровня поведенческой и социальной апатии в большей степени связано с другими негативными состояниями, в то время как переживание эмоциональной апатии само по себе может не быть связано с более высоким уровнем депрессии и усталости.

В исследовании R. Bitensky [16] указываются механизмы преобразования социальной апатии в социальную активность. Автор отмечает, что при изучении социальных изменений не учитывалась динамика, побуждающая людей присоединяться к массовым движениям. Рассматривая эту проблему, автор предлагает три стадии развития социальной активности:

- первая стадия – сновидение – возникает, когда человек стремится измениться, желая избежать связанных с этим рисков;
- вторая – иллюзия власти – возникает, когда жажда власти и страх перед ней опосредованы;

– третья – реальная власть – поддерживается стремлением к самоуважению и общественному признанию и проявляется в компетентности в достижении превосходства и реальном опыте борьбы.

В результате этого процесса человек продвигается от субъективного образа себя к восприятию себя как социального существа.

Исследование М. Yamamoto с соавторами [25] показало положительную связь между цинизмом и апатией. При этом отмечается, что данная связь была менее выражена у респондентов, которые уделяли больше внимания социальным сетям для получения политической информации. В работе S. Ahmad [14] исследовано влияние социально-экономического статуса на апатию среди молодежи. Автор также пытается определить связь между апатией и политическим участием. Результаты данного исследования показали, что среди образованной молодежи преобладает средний уровень апатии (75,5 %) и политической активности (46,0 %). Также полученные данные продемонстрировали значительное влияние количества братьев и сестер, возраста, пола, образования испытуемых и их родителей на возникновение апатии. Кроме того, была обнаружена связь между апатией и политическим участием.

О. Ghaderzadeh, M. Radman [18] считают, что социальная апатия как социальная проблема представляет собой препятствие для участия в политической и общественной жизни. Следовательно, становится актуальным исследование безразличия среди молодежи как одной из самых влиятельных групп в социальном и политическом динамизме. Результаты показали, что низкий уровень социальной апатии зафиксирован у 41 % молодых людей, умеренный – у 30 % и высокий – у 29 %. Среди различных аспектов социальной апатии объективное безразличие оценивается выше, чем субъективная социальная апатия. Кроме того, социальная апатия молодежи напрямую связана с такими переменными, как утрата ценностей и социально-экономический статус. Вышеупомянутые переменные составляют 58,2 % социальных различий среди молодежи.

Исследование М. Karoubi, S. Ferdowsi [21] было направлено на объяснение влияния воспринимаемой социальной апатии на поведенческие намерения туристов. Результаты показали, что воспринимаемая социальная апатия, помимо прямого эффекта, имела косвенное влияние на поведенческие намерения туристов через переменные-посредники – удовлетворенность туриста и ментальный образ туриста.

По мнению V. Dahl с соавторами [17], социальная апатия может быть связана с отчуждением и политической пассивностью. Результаты исследования, предсказывающие отсутствие голосования из-за апатии и отчуждения, подтверждают идею о том, что политическую пассивность необходимо понимать как результат социальной и политической апатии.

А. Zhelnina [26] считает, что анализ роли эмоций в социальных движениях является важным направлением современных исследований, но эмоциональные механизмы, вызывающие апатию, остаются недостаточно изученными. Автор исследует процессы мышления и чувств, вовлеченные в формирование аполитичных установок, уделяя особое внимание их социальному и культурному контексту. Культурные нормы соответствия и эмоционального выражения могут препятствовать или усиливать эмоции, участвующие в мобилизационных процессах. Исследователь изучает синдром апатии – сочетание эмоциональных механизмов и культурных норм, порождающих политическую апатию. Переживания личного разочарования перерастают в долговременный цинизм и неверие в эффективность коллективных действий. Это процесс, усугубляемый передачей апатии в семьях и образовательных

учреждениях, а также культурными нормами соответствующих эмоций. Культурные клише и отстранение от других помогают людям оправдать собственное бездействие.

К. Kaneda с соавторами [20] изучено влияние пандемии на возникновение социальной апатии в Японии. Самоизоляция, введенная в ряде стран, должна была защитить от распространения инфекции, но ее последствия изменили условия жизни и сузили жизненное пространство. Ограничение жизненного пространства и физической активности из-за снижения подвижности может снизить общее психическое здоровье человека. Кроме того, было обнаружено, что люди с ограниченными возможностями здоровья более склонны к психическому стрессу. Особые сложности во время самоизоляции возникли у спортсменов, в том числе у пловцов, что было связано с изменением статуса мобильности жизни. К тому же для пловцов с ограниченными возможностями участие в спортивных мероприятиях играет важную роль в улучшении их психического здоровья. В контексте психического здоровья апатия определяется как отсутствие или недостаточность интереса, чувств, эмоций, не связанное с пониженным уровнем сознания. Авторы исследовали динамику апатии у парापловцов из-за изменений окружающей среды, вызванных COVID-19. Мужчины-парапловцы, здоровые пловцы и женщины-парапловцы показали снижение уровня апатии после отмены чрезвычайного положения. Это может быть связано с тем, что расширение жизненного пространства увеличило объем физической активности и привело к улучшению состояния.

На основе анализа отечественных и зарубежных исследований, посвященных социальной апатии, нами разработана модель, в которой продемонстрирована зависимость социальной апатии от различных психологических и социальных факторов (см. рис.).

Таким образом, в науке представлены различные дефиниции понятия «социальная апатия». В отечественных исследованиях социальная апатия определяется как вид социальной активности, как тип самочувствия личности или социума и как следствие социального отчуждения. Социальная апатия связана с кризисом социальной и личностной идентичности, нарушением социального взаимодействия, неприятием преобладающих в социуме ценностей и правил, ориентацией на себя. В зарубежной науке апатия рассматривается как неустойчивое состояние, характеризующееся снижением мотивации к различным видам деятельности. Апатия характеризуется такими симптомами, как снижение эмоциональной реакции, отсутствие мотивации и ограниченное социальное взаимодействие. Социальная апатия как социальная проблема представляет собой препятствие для участия в политической и общественной жизни. Однако остается открытым вопрос об особенностях формирования социальной апатии у лиц, относящихся к различным возрастным группам, что требует разработки комплексных методов диагностики социальной апатии и проведения дальнейших исследований в данной области.

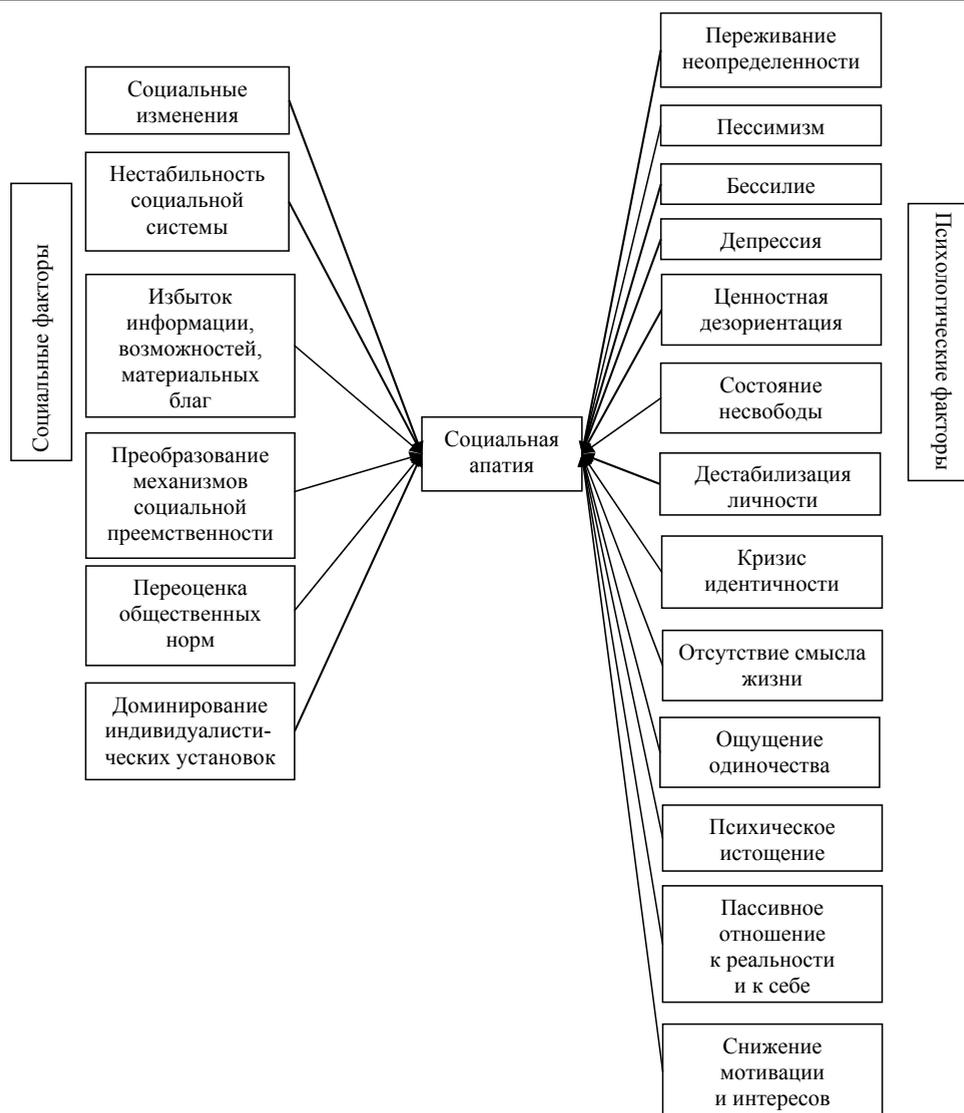

Рис. Основные факторы, оказывающие влияние на возникновение социальной апатии

Список литературы

1. Абдрахимова Р. Г. Искаженное восприятие системы ценностей современным обществом в контексте проблемы социальной апатии // Инновационная наука. 2015. Т. 1, № 1–2. С. 157–160.
2. Аргунова В. Н., Русь А. А. Проявления социальной апатии у студенческой молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 89–99.
3. Бабахова Л. Г. О некоторых аспектах трансформации понятия апатии в контексте общества потребления // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 10–16.
4. Быков Р. А., Быкова Е. Ю., Власова Ю. А. Конструирование профессиональной позиции как профилактика социальной апатии среди учителей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 133–152.

5. *Быков Р. А., Быкова Е. Ю.* Социальная апатия как форма адаптации учителей к негативным институциональным факторам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 91–100.

6. *Быкова Е. Ю.* Социальная апатия как характеристика состояния учителей в современном обществе (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2017. 27 с.

7. *Быкова Е. Ю.* Специфика социальной апатии учителей // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 84–91.

8. *Исмаилова Е. В.* Преодоление социальной апатии студенческой молодежи средствами культурно-досуговой деятельности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 80–86.

9. *Куликова О. А., Лиманова Н. И.* Волонтерская деятельность как механизм преодоления социальной апатии молодежи // Вестник университета. 2018. № 1. С. 168–171.

10. *Латышева А. Т., Касьянов В. В., Самыгин С. И.* Социальная апатия как фактор формирования аддиктивного поведения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 40–43.

11. *Морозова В. Б.* Социальная апатия и ее императивы // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 2 (51). С. 32–36.

12. *Набок Ю. В.* Феномен социальной апатии в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2005. 176 с.

13. *Яременко С. Н., Пазина Л. О., Бабахова Л. Г.* Социокультурный габитус апатии в транзитивном обществе: монография. Ростов н/Д: Изд. ДГТУ, 2010. 166 с.

14. *Ahmad S.* Role of Socioeconomic Status and Political Participation in Construction of Apathy Among Youth // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2015. Vol. 25, Issue 8. Pp. 801–809. DOI: <https://doi.org/10.1080/10911359.2015.1021065>

15. *Ang Y.-S., Lockwood P., Apps M. A. J., Muhammed K., Husain M.* Distinct Subtypes of Apathy Revealed by the Apathy Motivation Index // PLOS ONE. 2017. Vol. 12, Issue 1. Pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0169938>

16. *Bitensky R.* From apathy to social activism // Inquiry. 1975. Vol. 18, Issue 2. Pp. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.1080/00201747508601761>

17. *Dahl V., Amnå E., Banaji Sh., Landberg M., Šerek J., Ribeiro N., Beilmann M., Pavlopoulos V., Zani B.* Apathy or alienation? Political passivity among youths across eight European Union countries // European Journal of Developmental Psychology. 2018. Vol. 15, Issue 3. Pp. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1404985>

18. *Ghaderzadeh O., Radman M.* Social Apathy of the Youth and the Cultural-Social Rupture (A Survey on Youth in Bookan City) // Strategic studies on youth and sports. 2018. Vol. 17. No. 39. Pp. 59–76.

19. *Happy S. L., Dantcheva A., Das A., Bremond F., Zeghari R., Robert Ph.* Apathy Classification by Exploiting Task Relatedness // 15th IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition (Buenos Aires, Argentina, 16–20 November 2020). Pp. 489–494. DOI: <https://doi.org/10.1109/FG47880.2020.00116>

20. *Kazuki Kaneda, Noriaki Maeda, Yuta Suzuki, Kazuki Fukui, Yukio Urabe.* Impact of the COVID-19 Pandemic on Life Space Extent and Apathy: A Comparison of Competitive Japanese Swimmers with and without Disabilities // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, Issue 10. Pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18105106>

21. *Karoubi M., Ferdowsi S.* Impact of Perceived Social Apathy on Tourists' Behavioral Intentions // Leisure Studies. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/02614367.2021.1888308>

22. *Radakovic R., Abrahams Sh.* Developing a new apathy measurement scale: Dimensional Apathy Scale // Psychiatry Research. 2014. Vol. 219, Issue 3. Pp. 658–663. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2014.06.010>

23. *Sashittal H. C., Jassawalla A. R., Markulis P.* Students' Perspective into the Apathy and Social Disconnectedness They Feel in Undergraduate Business Classrooms // Decision

Sciences Journal of Innovative Education. 2012. Vol. 10, Issue 3. Pp. 413–446. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4609.2012.00346.x>

24. *Viaznikova L. F., Osiyanova O. M., Saltseva V., Fabrikov M. S., Belskaya O. N., Streltsova A. S., Sivova I. V., Baklanova T. I.* Reasons of student social apathy // *Humanities & Social Sciences Reviews*. 2019. Vol. 7, No. 4. Pp. 1248–1254. DOI: <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.74172>

25. *Masahiro Yamamoto, Kushin M. J., Dalisay F.* Social Media and Political Disengagement Among Young Adults: A Moderated Mediation Model of Cynicism, Efficacy, and Social Media Use on Apathy // *Mass Communication and Society*. 2017. Vol. 20, Issue 2. Pp. 149–168. DOI: <https://doi.org/10.1080/15205436.2016.1224352>

26. *Zhel'nina A.* The Apathy Syndrome: How We Are Trained Not to Care about Politics // *Social Problems*. 2020. Vol. 67, Issue 2. Pp. 358–378. DOI: <https://doi.org/10.1093/socpro/spz019>

Дата поступления статьи: 30.07.2021

Ефремова Ольга Андреевна

психолог, Санкт-Петербург, Россия, yefolg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6213-1829

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЛИЧНОСТНЫЕ КОНСТРУКТЫ» И «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ» В ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье исследованы понятия «личностные конструкты» и «психологические новообразования» в психологии, рассмотрены исторические предпосылки их формирования и представлены подходы, раскрывающие суть этих понятий. Исследована трансформация понятия «новообразование» в психологии. Рассмотрена роль «ведущей деятельности» в формировании понятия «психологическое новообразование». Предложена взаимосвязь понятий «личностные конструкты» и «психологические новообразования».

Ключевые слова: личностные конструкты, психологические новообразования, онтогенез, ведущая деятельность, периодизация развития, возрастная психология.

Efremova Olga Andreevna

Psychologist, Saint Petersburg, Russia, yefolg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6213-1829

HISTORICAL ASPECTS OF THE EMERGENCE OF THE CONCEPTS OF “PERSONAL CONSTRUCTS” AND “PSYCHOLOGICAL NEOPLASMS” IN PSYCHOLOGY

Annotation. The article explores the concepts of “personal constructions” and “psychological neoplasms” in psychology. The historical preconditions for the formation of the problem of concepts of personal constructions and psychological neoplasms are considered. Approaches explored, revealing the essence of these concepts. The transformation of the concept of “neoplasms” in psychology has been studied. The role of “leading activity” in the formation of the concept of “psychological neoplasms” is considered. It is proposed to relate the concepts of “personal constructions” and “psychological neoplasms”.

Keywords: personal constructions, psychological neoplasms, ontogeny, leading activity, periodization of development, age psychology.

Актуальность исследования состоит в противоречии между значимостью вопросов личностных конструктов и психологических новообразований в современной психологии и малой их исследованностью, в особенности в зрелом возрасте. Анализ проблемы личностных конструктов и психологических новообразований на разных этапах онтогенеза дает возможность осмыслить психологические особенности отдельно взятого возрастного этапа, а также наметить пути психологической коррекции.

Термин «конструкт» используется в различных сферах – в науке, культуре, искусстве, и содержит совершенно различные смыслы. Наша задача – исследовать на теоретическом уровне, как этот термин используется в психологии и какова его взаимосвязь с понятием «новообразование», которое в различных областях (науке, искусстве, математике и т. д.) тоже имеет различное значение [2; 6].

В современных психологических подходах личность рассматривается как целостная функциональная система, в которой психологов интересует структура личности. Когнитивная психология не исключение [3; 17; 18].

Когнитивная психология своей задачей ставит исследование информации и всех процессов, которые с ней связаны: получение, воспроизведение, обработка, хранение и ее трансформация в знания. Немаловажным становится и то, как полученная информация влияет на сознание и поведение человека. Когнитивная психология также большое внимание уделяет изучению психологических процессов: ощущению, восприятию, вниманию, памяти, формированию понятий, мышлению, воображению и т. д. [13].

Американский психолог Дж. Келли был одним из основателей когнитивной психологии. Он стал автором модели личности, в основу которой взял образ человека и назвал ее «Теорией личностных конструкторов» [4]. В своей книге Р. Фрейдджер и Д. Фейдимен описывали, что в основе теории личностных конструкторов заложена такая философская база, как конструктивный альтернативизм: «Как и другие теории, психология личностных конструкторов является следствием некоего философского положения. В данном случае за основу принимается положение, согласно которому независимо от того, какова природа вещей, или оттого, чем закончатся поиски истины, события, с которыми мы сталкиваемся сегодня, могут быть истолкованы с помощью столь большого числа конструкций, какое только позволит нам измыслить наш разум. Это не означает, что одна конструкция столь же хороша, как и другая, а также не исключает того, что в какой-либо бесконечно удаленный момент времени человечество сможет узреть реальность вплоть до самых предельных границ ее существования. Однако это положение напоминает нам, что на текущий момент все наши представления открыты для усомнения и пересмотра и в целом предполагает, что даже наиболее очевидные события повседневной жизни могут предстать перед нами в совершенно ином свете, если только мы окажемся достаточно изобретательными, чтобы сконструировать (интерпретировать) их иначе» [15, с. 323]. Таким образом, для человека реальность составляют события внутреннего мира, так как реальность существует только через наше истолкование. Отсюда следует вывод, что природу человека интерпретируем мы сами.

Исследуя природу конструктивного альтернативизма Дж. Келли, И. А. Левицкая сравнивает его с одним философским принципом Аристотеля, в основе которого лежит принцип идентичности и суть которого заключается в том, что «вещь в себе и вне себя переживается и интерпретируется одинаково каждым человеком» [8, с. 115]. Дж. Келли же полагал, что есть то, что индивид объясняет, а есть то, как мы эту реальность истолковываем [4]. Таким образом, суть конструктивного альтернативизма заключается в том, что у событий внутреннего мира есть реальность и она существует только через личное истолкование человеком.

Взяв за основу эту философскую доктрину, Дж. Келли предлагает свою теорию личности – «Теорию личностных конструкторов». Р. Фрейдджер и Д. Фейдимен в своей книге говорят о том, что источником для теории также явилась философия прагматизма и психология Джона Дьюи, которая внесла вклад в развитие теории личностных конструкторов [15]. По словам самого Дж. Келли, «Дьюи, чьи философские и психологические идеи нетрудно разглядеть между строк работ по психологии личностных конструкторов, представлял себе вселенную как незавершенный сюжет, развитие которого человеку нужно предвосхитить и понять» [4, с. 90].

Дж. Келли развивал идею А. Кожибского, который предлагал не следовать законам «аристотелевской логики». В своей книге Р. Фрейджер и Д. А. Фейдимен отмечают, что для А. Кожибского «страдания и несчастья являются результатом рассогласования отношений между чем-то, принадлежащим внешнему миру, и его семантически, лингвистическими референтами в человеческом сознании» [15, с. 323]. Исследуя «Теорию личностных конструктов», Р. Фрейджер и Д. А. Фейдимен указывают, что Дж. Келли взял идею Я. Морено, согласно которой люди могут проживать роли на сцене по сценарию, описывающему их жизнь. Спонтанная импровизация и самопрезентация, которую предлагал Я. Морено, нашли свое отражение в теории Дж. Келли. Людям предлагалось играть на сцене другие роли, чтобы увидеть новые возможности в своей жизни [15]. В системе Дж. Келли ключевой теоретический конструкт – это сам термин «конструкт». Личностный конструкт человека определяет и регулирует поведение, реконструирует систему взаимоотношений, осуществляя понимание объектов в их сходстве и различиях, конструируя «образ Я» [4].

Личностный конструкт – «это идея или мысль, которая помогает человеку анализировать, интерпретировать, объяснить или предсказывать свой опыт. Он представляет собой устойчивый способ, с помощью которого человек осмысливает какие-то аспекты действительности с позиции схожести или контраста» [17]. По мнению Дж. Келли [4], все личностные конструкты имеют биполярную и дихотомичную природу. Люди делят жизненный опыт на плохой и хороший. Именно этот когнитивный процесс наблюдения сходства и различий приводит к формированию личностных конструктов. Следовательно, чтобы сформировался конструкт, важно наличие трех составляющих. При этом два элемента должны быть похожи, а третий иметь отличие. Обязательное условие – схожесть и различие должны находиться в одном смысловом поле. Таким образом, Дж. Келли создал свою «Теорию личностных конструктов», основываясь на идеях А. Кожибского и Я. Морено. Также Дж. Келли вводит в психологию новое понятие «личностный конструкт», с помощью которого предлагает описывать поведение людей, их состояния и т. д.

Далее рассмотрим понятие «новообразование», чтобы в дальнейшем проанализировать его взаимосвязь с личностными конструктами.

Новообразование – одна из важнейших характеристик концепции психического развития Л. С. Выготского и его последователей. Именно Л. С. Выготский вводит это понятие в психологию. Автор определяет возрастные психологические новообразования как самое важное образование возраста, которое ярко определяет его особенности [1].

Традиционно в психологии это понятие используется для психологической характеристики возрастных периодов. Под новообразованиями понимаются «изменения в психике, личности, деятельности, которые впервые появляются в данном периоде и определяют ход дальнейшего развития» [7]. Новообразования перестраивают структуру сознания ребенка, что приводит к смене социальной ситуации развития и к кризисному периоду.

Л. С. Выготский в периодизации выделяет два возрастных психологических новообразования:

- 1) новообразование критического возраста;
- 2) новообразование стабильного периода развития.

Новые психологические новообразования составляют сущность каждого возрастного этапа. Они задают ребенку социальную ситуацию развития, где уже и происходят трансформации личности. Л. С. Выготский говорил о разных смыслах пси-

хологических новообразований. Так, по его мнению, «новообразование стабильного периода сохраняется и продолжает играть важную роль и в дальнейшем психическом развитии ребенка, в то время как новообразование кризиса исчезает с возникновением нового стабильного периода» [1]. По мнению Л. С. Выготского, новообразования включают в себя большой круг психических явлений и процессов [1]. Таким образом, Л. С. Выготским было введено новое понятие «новообразование», с помощью которого описывались этапы развития личности и возрастные кризисы. Новообразования различались по своей функциональной роли. Одни нужны были в период кризиса, другие в стабильный период. И те, и другие новообразования, как отмечает автор, важны, для полноценного развития личности [1; 7].

Концепцию психического развития ребенка продолжил изучать Д. Б. Эльконин, который говорил о важности двух векторов развития ребенка:

1) взаимоотношение ребенка с миром вещей, что предполагает познание и овладение предметным миром;

2) взаимодействие ребенка с миром людей.

Д. Б. Эльконин [20] считал, что «деятельность ребенка внутри этих двух векторов представляет единый процесс, в котором формируется личность». Вектор есть не что иное, как ведущая деятельность ребенка. Каждый возрастной период характеризуется наличием одного вектора, при смене периода происходит смена вектора, что и обуславливает появление нового возрастного этапа в психическом развитии ребенка [19; 20].

Невозможно говорить о развитии человека, не опираясь на какую-либо психологическую теорию. В основе современного образования большое место занимает методология деятельностной концепции А. Н. Леонтьева [9]. Но нам важен не анализ деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, а само понятие ведущей деятельности. Оно впервые встречается в трудах Л. С. Выготского, но он не раскрывает содержания этого понятия [1]. А. Н. Леонтьев более четко сформулировал его, отмечая, что особенность каждого периода развития определяется ведущей деятельностью, которая создает условия для психического развития ребенка, развития его личности и обеспечивает переход к новому возрастному этапу, к новой ведущей деятельности [9].

Таким образом, понятие ведущей деятельности позволяет определить основные условия психического развития на разных этапах онтогенеза. Д. Б. Эльконин [19; 20], продолжая идеи Л. С. Выготского, создал периодизацию психического развития ребенка, используя понятие «ведущая деятельность развития» как «деятельность для появления возрастного новообразования». В свою очередь, А. Н. Леонтьев [9] говорил о том, что ведущая деятельность создает условия для психического развития ребенка, развития его личности, которая обеспечивает переход к новому возрастному этапу и, соответственно, к новым новообразованиям.

Подводя итог теоретического исследования исторических аспектов возникновения понятий «личностные конструкты» и «психологические новообразования» в психологии, представим следующие выводы.

1. Конструктивный альтернативизм стал философской основой «Теории личностных конструктов» Дж. Келли. Также в рамках этой теории в психологию было введено новое понятие «личностный конструкт», которое, по мнению Дж. Келли и его последователей, организует и регулирует поведение, реконструирует систему взаимоотношений, осуществляя понимание объектов в их сходстве и различиях, конструируя «образ Я» [2; 4; 5; 10; 11; 12; 14; 15].

2. В отечественной психологии Л. С. Выготским [1] было введено новое понятие

«новообразование», с помощью которого описывались этапы развития личности и возрастные кризисы, исследовалась ведущая деятельность каждого этапа развития, была создана периодизация личности и определены возрастные кризисы [7; 9; 16; 19; 20].

Таким образом, исследуя проблему возникновения понятий «личностных конструктов» и «психологических новообразований» в психологии, мы пришли к следующим выводам.

Психологические **новообразования** – это особый тип строения личности и деятельности. В психологической литературе понятие «новообразование» применяется к возрасту от рождения до юношества, в более зрелом возрасте это понятие не используется, а чаще говорится о механизмах адаптации личности, жизненной мудрости (что, по нашему мнению, и относится к новообразованиям).

Понятие «личностный конструкт» позволяет нам увидеть механизмы, которыми пользуется человек для объяснений и интерпретации событий. Такие механизмы формируются у человека через полученный опыт.

Если новообразование – это достижение возраста, с помощью которого человек выходит на качественно новый уровень развития, то личностный конструкт – это сформировавшийся у человека опыт, через который он оценивает окружающую действительность. Личностный конструкт может выступать и ограничением, не давая человеку развиваться, возвращая его к шаблонам.

В дальнейшем было бы интересно исследовать, как отсутствие новообразования в том или ином возрасте формирует ограничивающие личностные конструкты для развития человека.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6 / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
2. *Карицкий И. Н.* Конструирование миров // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.7868/S1819265318010016>
3. *Касавин И. Т.* Социальная теория познания: учебник. М.: Изд-во УРАО, 2001. 173 с.
4. *Келли Дж.* Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
5. *Козлова И. Н.* Теория личностных конструктов в современной психологии: Экспериментальный и теоретический анализ: дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1976. 152 с.
6. *Кравцова Е. Е., Кравцов Г. Г.* Психологическое содержание взаимосвязи смысла и значения в культурно-исторической теории // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 3. С. 67–73.
7. *Кравцова Е. Е.* Понятие возрастных психологических новообразований в современной психологии развития // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1, № 2. С. 87–94.
8. *Левицкая И. А.* Теория личностных конструктов Дж. Келли: на пути к когнитивной философии образования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 2 (30). С. 114–119.
9. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 130 с.
10. *Мех Т. И., Савчук Ю. М.* Коммуникация и социальные отношения: теория личностных конструктов Джорджа Келли в контексте диалога культур // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сборник статей международной научно-практической конференции (Минск, 06 декабря 2019 г.) / под ред. М. В. Мишке-

вича. Минск: Изд-во БГЭУ, 2020. С. 82–85.

11. *Петренко В. Ф.* Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, № 3. С. 5–12.

12. *Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 3. С. 113–121.

13. *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.

14. *Туркин Ю. В.* Влияние осознания личностных конструктов на коррекцию диссонантных психических состояний и поведения человека: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2003. 232 с.

15. *Фрейдджер Р., Фейдимен Д.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 706 с.

16. *Хангулова А. Э.* Социально-психологические идеи Л. С. Выготского [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. № 27.1 (131.1). С. 33–35. URL: <https://moluch.ru/archive/131/35966/> (дата обращения: 29.07.2021).

17. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2003. 608 с.

18. *Шильштейн Е. С.* «Я» в системе личностных конструктов: статус, функции и уровни презентации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 26 с.

19. *Эльконин Д. Б.* Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.

20. *Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

Дата поступления статьи: 02.08.2021

Юшкова Лариса Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Сибирский университет путей сообщения, Новосибирск, Россия, yushkova_l@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-5615-6122

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ РОССИЙСКОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

Аннотация. В статье представлено описание некоторых сложностей в коммуникационной деятельности организаций, взаимодействующих с широким кругом клиентов, являющихся конечными потребителями их услуг. Анализируемые затруднения являются выражением неадекватного образа клиента, сложившегося в психологическом пространстве организации, и негативно влияют как на организационную культуру, так и на экономические показатели деятельности предприятия. В психологически благополучном варианте формирование образа клиента строится на основе результатов маркетинговых исследований или на интуитивном знании и позволяет эффективно взаимодействовать с потребителем. При возникновении сбоя в работе организации задача психолога заключается в том, чтобы определить, какие психологические причины привели к нарушению взаимодействия с потребителем. Одна из них – неадекватное или негативное отношение к клиенту, разделяемое сотрудниками организации и воспринимаемое потенциальными потребителями.

Ключевые слова: образ потребителя, портрет клиента, психология потребления, психология рекламы, обращение в рекламе, психология предпринимательства.

Yushkova Larisa Ananievna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Siberian University of Railway Engineering, Novosibirsk, Russia, yushkova_l@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-5615-6122

PSYCHOLOGICAL REFLECTIONS ON THE IMAGE OF THE RUSSIAN CONSUMER

Annotation. This article is an attempt to describe some of the difficulties in the communication activities of organizations interacting with a wide range of clients who are the end users of their services. The analyzed difficulties are an expression of the inadequate image of the client, which has developed in the psychological space of the organization, and negatively affect both the organizational culture and the economic performance of the enterprise. In a psychologically favorable version, the formation of a client's image is based on the results of marketing research or on intuitive knowledge and allows you to effectively interact with the consumer. When a failure occurs in the organization, the task of the psychologist is to determine what psychological reasons led to the violation of interaction with the consumer. One of them is an inadequate or negative attitude towards the client, shared by employees of the organization and perceived by potential customers.

Keywords: image of a consumer, portrait of a client, psychology of consumption, psychology of advertising, appeal in advertising, psychology of entrepreneurship.

Современный российский рынок можно представить как общее экономическое пространство взаимодействия производителей товаров и услуг, специалистов по их продвижению и потребителей. Он, с одной стороны, брендирован во всех основных товарных категориях, а с другой – готов к появлению новых брендов, имеет успешные прецеденты их создания и доведения до потребителя.

Психологическая культура потребления за прошедшие три десятилетия претерпела значительные изменения, как и сам рынок России: от талонов на продукты питания и дефицита базовых товаров потребительской корзины до изобилия практически во всех товарных категориях. Российский покупатель психологически вырос до потребителя, а рынок продавца стал высококонкурентным рынком покупателя. Обращение «товарищи» устарело, оно теперь практически вышло из живого разговорного лексикона. Какие же обращения пришли ему на смену, кем ощущают себя современные потребители? Существуют психологические исследования специфики российского потребления, в которых отражена картина потребления, характерная для нашей страны [10; 14]. Также специалисты анализируют особенности мотивации российского потребителя, типы покупательского поведения, психологические особенности восприятия рекламных сообщений и другие традиционно психологические научные области [13].

Изучаются исследователями и вопросы влияния образа клиента или покупателя на эффективность работы той или иной организации, занимающейся продвижением каких-либо товаров или услуг на рынок [2; 12]. Однако психологическое содержание и экономическая целесообразность его пристального изучения определяет особенности восприятия клиента как самостоятельную область психологического исследования.

Данная область исследований находится в междисциплинарной зоне, в которой пересекаются интересы экономики, психологии, статистики, лингвистики, IT-технологий, социологии и других отраслей науки. Актуальность знания, находящегося в данном научном поле, подтверждается большим количеством современных исследований в разных отраслях. Так, значимыми являются вопросы повышения лояльности клиентов и увеличения объемов продаж – исследования И. В. Балахнина [1], И. А. Манна и Д. М. Турусина [9], изучение психологии потребителя в контексте маркетингового анализа – работы Т. Р. Зелениной [7], использование статистических данных для построения образа клиента – труды Э. В. Германия и коллег [4], описания языка рекламных обращений – исследования Е. В. Демидовой [5] и другие работы, посвященные анализу образа клиента и его влиянию на результативность работы организации или предприятия.

Область исследования потребителя неизбежно содержит специфические черты, характерные для отдельной страны или национальности, поскольку в рыночном пространстве находит отражение не только история потребления населения, на фоне которой развиваются рыночные отношения, но и особенности национального менталитета того или иного народа, его привычки и вкусы, страхи и ожидания. Именно это обстоятельство является основанием для проведения подобных исследований как на глобальной выборке, так и на региональных рынках разных стран и регионов. Несмотря на все более развивающуюся глобализацию специфика развития российских рыночных отношений не может быть исследована западными

учеными и практиками, поскольку сфера российского предпринимательства имеет достаточно выраженную самобытность.

На развитом рынке, характеризующимся примерно одинаково высоким уровнем обслуживания и качества предоставляемых услуг, вопрос отношения к клиенту и его принятия становится ключевым при выборе и обращении его к той или иной конкретной организации. По мнению Д. Статта, выбирая организацию, потребитель старается найти близких по духу людей, которые разделяют те же ценности, что и он сам [11].

Целью данной работы стало описание отношения потребителей к выражению образа клиента некоторыми организациями в качестве примеров неэффективной работы данных организаций.

Современная наука активно накапливает аналитический материал о применении психологических знаний потребителя в разных отраслях предпринимательской деятельности. В частности, этому посвящены работы В. В. Чуракова [15], И. Д. Быковой [3], А. Н. Дунец [6], М. А. Кузелевич и Г. Н. Нуруллиной [8], которые отмечают особую значимость психологической информации о клиенте для формирования не только рекламной политики организации или предприятия, но и создания рабочей организационной культуры.

Одной из важных частей организационной культуры является формирование осознанного образа клиента на основе результатов исследований рынка. Буквальное осознание заключается в честном и развернутом ответе на вопрос: «Наш клиент – это кто, какой это человек?» Несмотря на внушенные истины и репродукцию аксиом сервиса «Клиента надо уважать» и «Клиент всегда прав», в рамках каждой конкретной организации возникает свой образ клиента. Это находящийся отклик у большинства сотрудников стереотип восприятия любого человека, обращающегося в данную организацию.

Однако необходимо отметить, что, несмотря на признанное теоретическое обоснование необходимости сегментирования рынка, построения коммуникации со «своим» потребителем и нахождения понятного ему языка для диалога [11; 14], сегодня еще не во всех организациях есть представление о том, кто именно входит в их целевую аудиторию. До сих пор на психологических семинарах для руководителей организаций в сфере услуг приходится в ответ на вопрос: «Кто ваш потребитель?» слышать ответ: «Мы со всеми работаем...» Отсутствие образа клиента неблагоприятно отражается на всей деятельности организации, так же как и существующий его негативный образ.

Такой популярный образ клиента сознательно, но значительно чаще бессознательно, определяет отношение всего персонала к клиентам. В психологически благополучном варианте организационной культуры образ клиента строится на реальной основе (либо это результаты специально проведенных исследований по изучению потребителей, либо неосознаваемые интуитивные догадки, адекватные реальности) и позволяет эффективно взаимодействовать с потребителем.

Эта зачастую бесконфликтная природа отношений не побуждает к осознанию как образа клиента, так и особенностей взаимодействия с ним. Но как только возникает сбой в работе организации, задачей психолога является определение того, какие психологические причины могли вызвать данное нарушение. Как выясняется в ходе практической работы, нередко причиной нарушений может стать неадекватно негативное отношение к клиенту, разделяемое сотрудниками организации.

Прошедшие десятилетия развития рыночных отношений в России привели к значительному изменению у рядовых покупателей представлений о том, какой должна быть организация в общении с потенциальным клиентом, насколько доброжелательными должны быть ее сотрудники в телефонных переговорах и при личных встречах. Представление это зачастую основано на жизненном опыте обращающегося в организацию человека, а значит, максимально субъективно, и как любое проявление субъективности оно способно привести к конфликтной коммуникации.

Рассмотрим конкретные затруднения в работе организаций разного профиля, которые объединяет одно – работа в сегменте B2C, т. е. взаимодействие с широким кругом конечных потребителей. Для начала приведем пример из нашей работы в одном агентстве недвижимости. Анализируя работу агентства, руководство пришло к осознанию наметившейся тенденции: за последние четыре месяца работы все меньшее количество обращающихся в агентство людей становились реальными клиентами и заключали сделки, следовательно, не приносили организации прибыль. Наряду с этим возрастало количество людей, которые после предварительной беседы уходили в другие риэлторские организации.

Следует заметить, что все это происходило на фоне высокой конкурентоспособности данной компании на рынке, выгодных условиях заключения сделок, сотрудничества с несколькими банками по ипотечному кредитованию и хорошей рекламной поддержки. Также последние четыре месяца работы приходились как раз на сезонный всплеск интереса к риэлторским сделкам, что еще больше тревожило руководство данной организации.

После напряженной психологической работы удалось выяснить, что неофициально и неосознанно у работников компании сложился образ клиента как человека недалекого, глупого. Более того, одна из сотрудниц, работающая непосредственно с клиентами, в непринужденной беседе с коллегой сказала буквально следующее: «Вот опять пришла эта идиотка... Месяц уже квартиру найти себе не может!» Данное выражение (с которым негласно согласились и другие присутствующие риэлторы) наглядно иллюстрировало, во-первых, распространенный в организации образ обращающегося к ним клиента как человека недалекого, не обладающего знаниями и компетенциями для решения своих жизненных задач, а во-вторых, нежелание помогать, т. е. выполнять свои непосредственные обязанности в данной должности, а также отношение превосходства по отношению к клиенту.

Видимо, сложившуюся ситуацию негативно воспринимали обращающиеся в организацию люди, интуитивно чувствовали недружелюбное отношение к себе и не хотели иметь дел с такими сотрудниками. Этот пример наглядно указывает на важность учета аспектов перцептивной стороны взаимодействия с партнерами и клиентами в организационной культуре работающей компании, на необходимость учитывать эмоциональный компонент взаимодействия, поскольку эмоциональная составляющая способна как стать основой для возникновения лояльности клиента к организации, так и навсегда отвлечь его от нее.

В подтверждение приведем пример психологической работы с менеджерами одной из туристических организаций. Обращение к психологу в ней было вызвано бурной и кратковременной конфликтной ситуацией с одним из постоянных клиентов, с которым работала новая сотрудница. Результатом их взаимодействия стали написанная по диагонали страницы запись нервным размашистым почерком с очень сильным нажимом в «Книге жалоб и предложений»: «Она на меня не так смотрела!» и стремительный уход клиента с хлопаньем дверью.

Анализ конфликтной ситуации позволил понять состояние клиента: мужчина средних лет, несколько раз в год покупающий туры для всей своей семьи в данной туристической компании, находился недалеко от ее офиса и решил зайти без предварительного звонка и согласования с менеджером, который всегда его обслуживал. Оказалось, что этого менеджера нет на рабочем месте, она находится на больничном, а ее работу временно выполняет новая сотрудница – молодая малоопытная девушка, недавно пришедшая в организацию и лично не знакомая с этим клиентом. Поскольку ситуация общения, возникшая при его неожиданном визите, резко отличалась от тех, которые были в предыдущие годы и уже сформировали его ожидания, эмоции его колебались между раздражением и разочарованием, и один взгляд новой сотрудницы сыграл роль триггера для дальнейшего острого конфликтного взаимодействия.

Надо отметить еще один важный аспект. Необходимо заметить, что вопросы восприятия клиентов и формирования в организации негативного образа клиента, как правило, выражены менее эксплицитно, что затрудняет диагностику данной проблемы. Более ярко выражен образ потребителя в рекламном обращении. И здесь, к сожалению, не обходится без психологических ошибок коммуникации.

Например, одна из рекламных газет Новосибирска в своих выпусках регулярно размещала рекламные макеты одной из организаций, работающей на местном рынке, которые начинались обращением «Мужики и милые дамы!» Анализируя такое обращение, нужно сказать, что рекламисты либо недостаточно точно представляют себе целевую аудиторию данного обращения, либо, стремясь сделать как можно более широкий охват, теряются в выборе стиля, не определяя своей психологической роли в коммуникации.

В итоге проведенное нами пилотное тестирование эмоциональной реакции аудитории на данное рекламное сообщение показало, что в подавляющем большинстве случаев (29 ответов из 37 опрошенных) подобное обращение (напечатанное крупным шрифтом, красным цветом на ярко-желтом фоне) привлекает внимание читателей, но после его прочтения не возникает желания читать остальной материал (собственно рекламный), напечатанный мелким черным шрифтом на том же ярко-желтом фоне. Следует отметить, что вопросы цветового восприятия печатной рекламной продукции представляют собой особую тему психологического рассмотрения, обсуждение которой не планировалось в рамках данной статьи, но при изучении влияния конкретных рекламных материалов нужно принимать во внимание по возможности весь комплекс воздействующих факторов.

Причем, в результате данного небольшого исследования выделились половые различия в эмоциональной реакции на такое обращение. Так, лица женского пола (20 из участвующих 23 женщин), отвечая на вопросы: «Что вы чувствуете, читая данное обращение?» и «Какие ассоциации при этом у вас возникают?», чаще говорили о том, что они не верят эпитету «милые»; что это им так льстят для того, чтобы они что-нибудь купили; чувствовали, что их хотят обмануть, а 3 человека вспоминали праздник 8 Марта, когда все женщины становятся «милыми на один день».

Мужчины (9 из 14 участников) сообщали, что это обращение к ним не относится, потому что «внутренне я себя так не называю»; «а разве мы (мужики) не милые?» и подобные реакции. И женщины, и мужчины обратили внимание на то, что разделение по половому признаку в этой рекламе вообще воспринимается неуместным, поскольку реклама касалась инструментов для работы на даче, а не специфически мужских или женских товаров.

Таким образом, в данном случае обращение, используемое в рекламном сообщении, вместо настройки читательского восприятия на информацию выполняет обратную функцию – отстраняет его от рекламного текста, формируя при этом негативный образ фирмы-рекламодателя.

Можно предположить, что совершенствование образования специалистов по рекламе [17] позволит в дальнейшем избежать подобных просчетов. Рекламная коммуникация в современном мире сталкивается с непростыми ситуациями взаимодействия с экономически и идеологически свободным потребителем: все больше законодательных ограничений приобретает эта сфера экономической деятельности [16], все сложнее рекламистам находить точные аргументы и управлять эмоциями своего рыночного сегмента. Именно по этой причине становится столь актуальной такая область прикладной психологической науки как психология потребления.

Современная система подготовки рекламистов в высших учебных заведениях все больше внимания уделяет изучению психологии потребителя. Сейчас программа подготовки специалиста по рекламе и PR включает в себя не только традиционные направления психологии рекламы: пути и методы влияния на поведение потребителя и способы воздействия на принятие решения о покупке, но и глубокие психологические исследования потребителя. Тенденции исследования развиваются в направлении изучения человека в контексте не только его потребления, что было доступно еще в рамках маркетинга, но и понимания его личности, его смысложизненных ориентаций, ценностей и особенностей мировоззрения.

Имея исключительно прикладные задачи, психология рекламы развивается как наука от обоснования применения в рекламной деятельности суггестивных методов психологического воздействия на человека с целью формирования у него псевдопотребности в рекламируемом товаре (что было характерным для психологии рекламы начала XX в.) до понимания свободы выбора человека и разных ее вариантах осуществления, представленных в сфере потребления различными товарами и брендами (современная западная психология рекламы).

В подобном контексте изучению образа клиента организации или предприятия уделяется значительное место, поскольку от точности понимания адресата во многом зависит успешность всей осуществляемой рекламной коммуникации. Причем, если раньше для понимания специфики потребления, нужной для построения адекватной рекламной коммуникации с клиентом было достаточно описания основных его социально-психологических и демографических характеристик: возраста, пола, социально-экономического статуса (включающего в себя уровень образования, доход и род занятий), место жительства и семейное положение, то на сегодняшний день можно говорить о более глубоком изучении клиента.

Современной психологии потребления интересно все: чем увлекается клиент и как он проводит свободное время, сколько свободных денег у него остается после необходимых трат, какие страхи у него существуют, с какими проблемами потребления он сталкивается, когда покупает и как использует тот или иной товар, из каких источников он узнает о новых товарах и на каком основании принимает решение об их покупке, какую выгоду он при этом ищет, что может подтолкнуть его к покупке и, наоборот, отвлечь от данного товара... Как видно, область исследования современного потребителя далеко выходит за рамки потребления.

Острая необходимость изучения всех перечисленных аспектов и получение конкретных результатов диктует практическим психологам в области рекламы особые

методы работы. Так, например, в крупных компаниях, занимающихся продвижением на рынок товаров или услуг, отдел маркетинга и рекламы уже не занимается описанием рыночного сегмента, составляющего целевую аудиторию работы компании. На основе результатов разнообразных социологических и психологических исследований применяется метод моделирования, согласно которому описывается социально-психологический портрет «нашего потребителя».

Например, один из крупных магазинов товаров для ремонта, интерьера и строительства так описывает своего потребителя: семейная пара Ольга (29 лет) и Дмитрий (32 года), оба имеют высшее образование, работники офиса. Живут в купленной в ипотеку квартире, имеют сына 6 лет и планируют рождение второго ребенка. Они ведут активный образ жизни, часто встречаются с друзьями (как дома, так и в кафе и ресторанах), также посещают кино и боулинг (зачастую в развлекательных центрах), их хобби: горные лыжи и путешествия.

Такой «личностный» подход позволяет не только понять, что представляет собой «наш клиент», но почувствовать его как отдельного реального человека, проникнуться его мечтами и планами, трудностями и проблемами. Более того, подобный подход способен оградить потенциального потребителя от излишне навязчивых рекламных предложений, а также избежать установления рекламной коммуникации с людьми, не входящими в целевой сегмент, поскольку помогает найти точные каналы установления коммуникации с представителями целевой аудитории компании.

В качестве заключения необходимо сказать о том, что образ клиента как неосознаваемая составляющая психологической культуры организации, как показывают исследования, является мощным фактором эффективности ее работы как в личных контактах с клиентами, так и в рекламной коммуникации. Для разработки и коррекции образа клиента должны быть созданы специальные психологические механизмы, работающие в рамках организационной культуры, активно проникающие в экономическое и психологическое общественное осознание.

Успешность осуществления практической рекламной деятельности во многом определяется точностью попадания информации рекламного содержания к возможным потребителям, имеющим актуальную потребность в товаре или услуге. Адекватный, точный и по возможности детализированный образ клиента – залог эффективности рекламной деятельности в целом и успешности применения психологических знаний в практике массовых коммуникаций.

Список литературы

1. *Балахнин И.* Маршрут построен! Применение карт путешествия потребителя для повышения продаж и лояльности. М.: Альпина Паблишер, 2019. 112 с.
2. *Барышева А. В.* Продажи по-взрослому: 19 инструментов управления. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
3. *Быкова М. Д.* Специфика и процесс организации сервиса предоставления спортивно-оздоровительных услуг в сфере гостиничного бизнеса [Электронный ресурс] // Экономика и социум. 2021. № 6-1 (85). С. 480–483. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46393117> (дата обращения: 09.07.2021).
4. *Гермоний Э. В., Лукьяненко Т. В., Лойко В. И.* Формирование портрета клиента на основе статистических данных [Электронный ресурс] // Цифровизация экономики: направления, методы, инструменты: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 20–24 января 2020 г.). Краснодар: Изд-во КГАУ им. И. Т. Трубилина, 2020. С. 34–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42536708> (дата обращения: 05.07.2021).

5. Демидова Е. В. Особенности англоязычного рекламного дискурса в недвижимости [Электронный ресурс] // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 176–183. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42585210> (дата обращения: 02.06.2021).

6. Дунец А. Н., Семенова З. А., Акимов О. В., Грудцын Н. А., Чистобаев А. И. Актуальные проблемы лечебно-оздоровительного туризма в Алтайском крае по результатам анкетирования респондентов [Электронный ресурс] // Географический вестник. 2021. № 2 (57). С. 151–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46276119> (дата обращения: 09.07.2021).

7. Зеленина Т. Р. Психология потребителей как объект маркетингового анализа [Электронный ресурс] // Евразийский союз ученых. 2020. № 1-7 (70). С. 56–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42514932> (дата обращения: 04.07.2021).

8. Кизелевич М. А., Нуруллина Г. Н. Анализ рынка услуг и определение образа клиента швейной ремонтной мастерской в городе Казань [Электронный ресурс] // Молодежь и системная модернизация страны: сборник научных статей 5-й международной научной конференции студентов и молодых ученых (Курск, 19–20 мая 2020 г.). Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2020. С. 256–258. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42993419> (дата обращения: 01.06.2021).

9. Манн И., Турусин Д. Точки контакта. Простые идеи для улучшения вашего маркетинга. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 156 с.

10. Маркова Е. В. Психология рекламы: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. 150 с.

11. Статт Д. Психология потребителя / пер. с англ. С. Егорова, Б. Орлова. СПб.: Питер, 2003. 446 с.

12. Тюнюкова Е. В. Коммуникационные стратегии организации. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2001. 224 с.

13. Фельсер Г. Психология потребителей и реклама. М.: Гуманитарный центр, 2009. 704 с.

14. Человечный маркетинг / С. Коптев, Н. Кларк, В. Ткачев, Ю. Аракелова, Н. Семина, Е. Романина. М.: Медиадом, 2003. 184 с.

15. Чураков В. В. Психология потребителя в инновационной деятельности [Электронный ресурс] // Modern science and technology: сборник статей международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 13 мая 2019 г.). Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 114–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37618503> (дата обращения: 09.07.2021).

16. Юшкова Л. А. Психологические воздействия в рекламе: массовая культура и свобода личности [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. 2007. № 1. С. 276–278. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2007_1_128.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

17. Юшкова Л. А. Проблемы повышения качества образования в области рекламы // Интегрированное многоуровневое непрерывное образование (проблемы и перспективы): материалы внутривузовской научно-методической конференции. Новосибирск: Изд-во СибУПК, 2008. С. 145–151.

Дата поступления статьи: 01.08.2021

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

УДК 159.923+378

Андронникова Ольга Олеговна

кандидат психологических наук, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, andronnikova_69@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-1756-7682

Жданова Марина Геннадьевна

преподаватель кафедры философии, Новосибирский государственный медицинский университет; аспирант факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, jda13@ya.ru ORCID ID: 0000-0002-9196-9145

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ 2 КУРСА: ФАКТОРЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов профессионального самоопределения студентов 2 курса лечебного и стоматологического факультетов медицинского университета. Авторы описывают психологические особенности студентов и формулируют противоречия, характеризующие их профессиональное самоопределение. У студентов-стоматологов наблюдаются следующие противоречия: между заинтересованностью в финансовом благополучии от результатов своего будущего профессионального труда и отсутствием ориентации на профессиональное общение с пациентами; между сформированной профессиональной идентичностью и осознанием ценностных ориентиров профессии; между необходимостью оказать высококвалифицированную помощь и заинтересованностью специалиста в общении с пациентами с целью профилактики заболеваний, их психологической поддержки; между необходимостью соответствовать требованиям профессорско-преподавательского состава к результатам обучения и необходимостью развития самооценки у студентов на основе их учебных результатов. Студенты лечебного факультета имеют следующие противоречия: между желанием профессионального общения с пациентами и осознанием экономических условий оказания медицинской помощи; между желанием оказать помощь и способом ее оказания, который не всегда соответствует патерналистской модели отношений врача и пациента; между объективной оценкой труда врача и его смысложизненными ориентациями. Данные противоречия указывают на проблему соотношения ценностных ориентаций студентов и заинтересованности общества в результатах их будущего профессионального труда, которая является основной проблемой профессионального самоопределения будущих врачей.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, психологическая система деятельности, подготовка медицинских кадров, профессиональная идентичность, ценностные ориентации студентов, профессионально-нравственная позиция, профориентация.

Andronnikova Olga Olegovna

*Candidate of Psychological Sciences, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, andronnikova_69@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1756-7682*

Zhdanova Marina Genadievna

*Teacher of the Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University;
Postgraduate Student of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, jda13@ya.ru
ORCID ID: 0000-0002-9196-9145*

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF 2ND-YEAR MEDICAL STUDENTS: FACTORS AND CONTRADICTIONS

Abstract. The article is devoted to the analysis of factors of professional self-determination of 2nd-year students of the medical and dental faculties of the medical University. The authors describe the psychological characteristics of students and formulate contradictions that characterize their professional self-determination. Dental students have contradictions: between the interest in financial well-being from the results of their future professional work and the lack of orientation to professional communication with patients; between the formed professional identity and awareness of the value orientations of the profession; between the need to provide highly qualified dental care and the interest of a specialist in communicating with patients for the purpose of disease prevention, psychological support for a sick person; between the need to meet the requirements of the teaching staff for the results of training and the need to develop their self-esteem based on educational results. Students of the Faculty of Medicine have the following contradictions: between the desire for professional communication with patients and awareness of the economic conditions of medical care; between the desire to provide assistance and the way it is provided, which will not always correspond to the paternalistic model of doctor-patient relations; between an objective assessment of the doctor's work and his life-meaning orientations. These contradictions point to the problem of the correlation of students' value orientations and society's interest in the results of their future professional work as the main problem of professional self-determination of future specialists.

Keywords: professional self-determination, psychological system of activity, training of medical personnel, professional identity, value orientations of students, professional and moral position, career guidance.

Среди актуальных проблем подготовки медицинских кадров, определяющих эффективность практического здравоохранения, ключевой является проблема профессионального самоопределения студентов, решение которой связано с необходимостью диагностики и своевременной коррекцией их профессионального самоопределения. Такая работа, как правило, проводится на основе изучения информации о способностях, целях, мотивации и ценностях студентов, а также о закономерностях и механизмах профессионального самоопределения обучающихся.

Принято считать, что в период обучения в вузе у молодых людей обеспечивается формирование необходимых качеств будущих специалистов, происходит передача социального и профессионального опыта, что способствует их успешному профессиональному развитию на рабочих местах [1; 2; 4; 13]. Современные ученые исследуют профессиональное самоопределение как процесс и результат, необходимый для начала развития личности в профессии [13; 14], в рамках нескольких подхо-

дов. Социологический подход рассматривает поле задач, поставленных обществом перед личностью [4]. Социально-психологический подход сфокусирован на познании разрешения обучающимся ряда противоречий, связанных с решением проблемы соотношения личных интересов и общественной потребности в тех или иных кадрах [11]. Дифференциально-психологический подход изучает формирование индивидуального стиля профессионалов или будущих членов профессиональных сообществ [15; 17].

В течение XXI в. ученые сохраняют интерес к проблеме профессионального самоопределения студентов. Современные исследователи полагают, что на разных этапах подготовки специалиста эффективность и результат профориентационной работы с обучающимися обусловлен знанием особенностей их профессионального самоопределения в системе «человек – труд – общество» [7]. В связи с этим цель данной статьи – выявить особенности профессионального самоопределения студентов-медиков. В качестве объекта исследования выступили студенты лечебного и стоматологического факультетов 2 курса Новосибирского государственного медицинского университета, предметом изучения – особенности их профессионального самоопределения. В исследовании проверялась гипотеза: ценностные ориентации «здоровье», «чуткость», «терпимость», «познание», коммуникативная компетенция, способность к прогнозированию и мотивация к обучению в вузе входят в общие факторы профессионального самоопределения студентов медиков 2 курса медицинского университета.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проведено на базе Новосибирского государственного медицинского университета. Выборку составили студенты двух факультетов в возрасте от 19 до 20 лет ($n = 86$). Общая выборка дифференцирована на группы «лечебный факультет» ($n = 50$) и «стоматологический факультет» ($n = 36$).

В исследовании использовано несколько диагностических опросников: опросник ценностных ориентаций М. Рокича, опубликованный под редакцией А. А. Карелина [10], тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева [12], «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой [5], «Мотивация учения студентов педагогического вуза» С. А. Пакулина, С. М. Кетько [9], методика диагностики коммуникативной установки В. В. Бойко [3], методика «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда [8], методика изучения статусов профессиональной идентичности А. А. Азбель [6], методика «Способность к прогнозированию» Л. А. Регуш [16] и анкета-опросник «Профессиональное самоопределение студентов медиков», разработанная авторами.

В качестве математического метода анализа данных выбран факторный анализ. Обработка данных осуществлялась с помощью программы Statistica 10.0.

Результаты исследования

На первом этапе зафиксированы различия психологических характеристик студентов двух факультетов (табл. 1).

**Распределение выборки респондентов пилотажного исследования
«Профессиональное самоопределение студентов-медиков 2 курса»**

Факультет	Возрастной диапазон, лет	Мужской пол, чел.	Женский пол, чел.	Всего респондентов
Лечебный	19–20	17	33	50
Стоматологический		15	21	36

На втором этапе выделены основные компоненты и их значения по факультетам (рис. 1, 2 и табл. 2, 3).

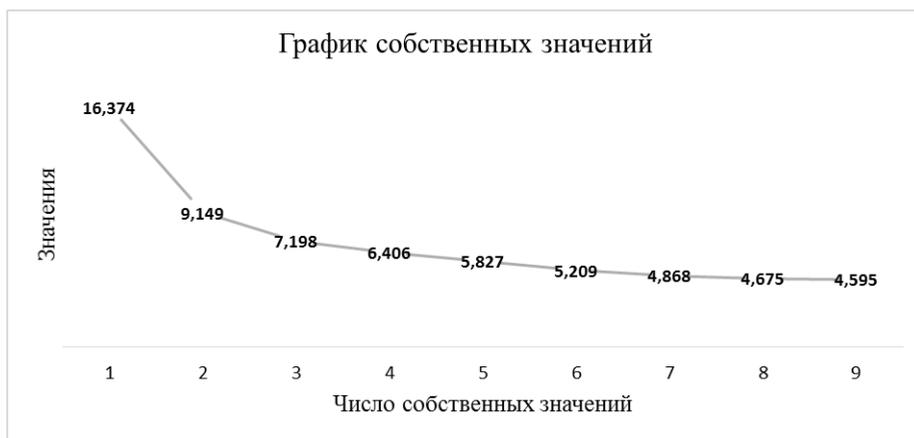

Рис. 1. График собственных значений распределения показателей в модели профессионального самоопределения студентов лечебного факультета

По критерию Г. Кайзера было определено девять факторов, объясняющих дисперсию с собственными значениями больше единицы, что является достаточным, исходя из потребности в описании факторов выборочной совокупности более 50 %. Девять выделенных факторов объясняют 52,27 % общей дисперсии (табл. 2).

Таблица 2

**Собственные значения (модель профессионального самоопределения студентов
2 курса лечебного факультета). Выделение: Главные компоненты**

	Собственное значение	Общая дисперсия, %	Кумулятивное собственного значения, %
1	16,374	13,312	13,312
2	9,149	7,439	20,751
3	7,198	5,852	26,602
4	6,406	5,208	31,811
5	5,827	4,737	36,548
6	5,209	4,235	40,782
7	4,868	3,958	44,74
8	4,675	3,8	48,541
9	4,595	3,736	52,277

График собственных значений для стоматологического факультета представлен на рисунке 2.

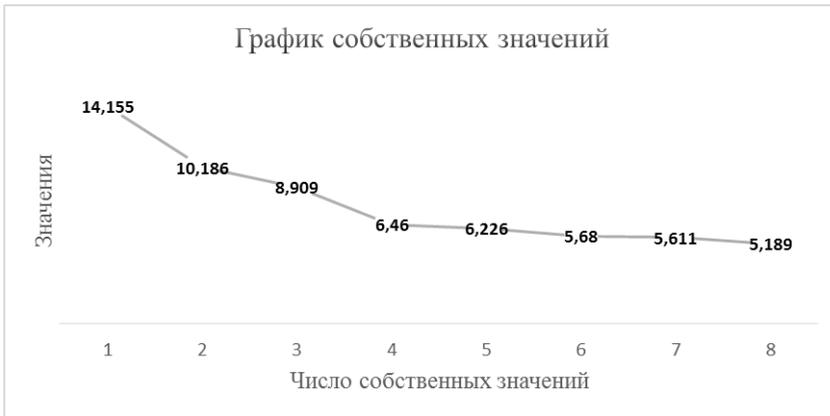

Рис. 2. График собственных значений в модели профессионального самоопределения студентов-стоматологов

Для стоматологического факультета по критерию Г. Кайзера было определено восемь факторов, объясняющих дисперсию с собственными значениями больше единицы, что является достаточным, исходя из потребности в описании факторов выборочной совокупности более 50 %. Восемь выделенных факторов объясняют 50,74 % общей дисперсии (табл. 3).

Таблица 3

Собственные значения (модель профессионального самоопределения студентов 2 курса стоматологического факультета). Выделение: Главные компоненты

	Собственное значение	Общая дисперсия, %	Кумулятивное собственное значения, %
1	14,155	11,508	11,508
2	10,186	8,281	19,789
3	8,909	7,243	27,033
4	6,46	5,252	32,284
5	6,226	5,062	37,346
6	5,68	4,617	41,964
7	5,611	4,562	46,525
8	5,189	4,219	50,744

На третьем этапе исследования выделено четыре общих фактора профессионального самоопределения студентов двух факультетов: «психологическая зрелость», «мотивация», «отношение к профессии» и «отношение к выбору профессии».

Сравнительный анализ содержания параметров фактора «психологическая зрелость» студентов двух факультетов позволил составить их психологическую характеристику. В целом обучающиеся мотивированы на получение профессионального образования, рассматривают будущий профессиональный труд как полезный для людей и ориентированы на свое профессиональное развитие и новаторство в профессии. В факторе у студентов лечебного факультета присутствуют параметры коммуникативной компетенции. Их факторная нагрузка свидетельствует об ориентации студентов на общение с пациентами с позиции миротворцев (табл. 4).

**Фактор «психологическая зрелость» профессионального самоопределения студента
лечебного факультета**

Фактор «психологическая зрелость»		
Переменные	Нагрузка	Интерпретация
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Цели	0,643	Наличие целей, дающих осмысленность жизни
Процесс	0,642	Восприятие человеком своей жизни как процесса, наполненного смыслом
Результат	0,734	Оценка пройденной части жизни, ее продуктивности и осмысленности
Локус контроля – я	0,64	Представление личности о себе
Локус контроля – жизнь	0,676	Убеждение, что есть возможность контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизнь
Неопределенная профессиональная идентичность	-0,641	Профессиональная идентичность определена
Сформированная профессиональная идентичность	0,622	Готовность сделать осознанный выбор дальнейшего профессионального развития
Способствует умственному и физическому развитию	0,573	Внутренний индивидуально значимый мотив личности
Дает большие возможности проявить творчество	0,576	Внутренний социально значимый мотив личности
Внутренние индивидуально значимые мотивы	0,775	Общий показатель значения для личности внутренних значимых мотивов
Дает возможности для роста профессионального мастерства	0,512	Личность имеет внутренний социально значимый мотив
Дает возможность приносить пользу людям	0,584	Личность имеет внутренний социально значимый мотив
Внутренние социально значимые мотивы	0,555	Общий показатель значения для личности внутренних значимых мотивов
Мотивы поступления в вуз	0,575	Личность имеет внутренние мотивы обучения в вузе
Внутренние мотивы	0,483	Общий показатель внутренних мотивов личности
Профессиональные мотивы	0,597	Личность имеет внешние мотивы обучения в вузе
Завуалированная жестокость	-0,465	Личность не проявляет завуалированную жестокость в общении с людьми
Обоснованный негативизм	-0,486	Личность анализирует свое обоснование негативного отношения к другим
Негативный опыт общения	-0,515	Личность не имеет негативного опыта общения с людьми
Использование себя в качестве эталона при оценке других	-0,505	Личность не использует себя как эталон при общении с людьми
Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров	-0,516	Личность умеет скрывать неприятные чувства при общении с некоммуникабельными людьми
Стремление переделать, перевоспитывать партнеров	-0,482	Личность не стремится перевоспитать собеседника

1	2	3
Неумение прощать другому ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные вам неприятности	-0,556	Личность умеет прощать непреднамеренные ошибки собеседника
Нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту партнера	-0,574	Личность терпима к физическому и психическому дискомфорту собеседника
Общая оценка толерантности	-0,625	Опрошенные не толерантны в общении с людьми
Мечты о моем будущем в профессии приносят мне радость	0,792	Личность планирует успешно работать по профессии
Я оцениваю престиж моей специальности	0,572	Личность соотносит общественную оценку своей профессии и личные предпочтения будущей профессиональной деятельности
Развлечение	-0,481	Личность не нацелена на конкретные удовольствия
Творчество	-0,484	Личность не имеет цели создавать новое
Горе	-0,463	Эмоция не доминирует на данном этапе жизни
Самочувствие	0,59	Общее эмоциональное самочувствие личности

В то же самое время параметры, относящиеся к ориентации на материальный доход, и параметры, характеризующие консервативное («широта взглядов») и конкретное отношение к жизни («развлечения») в факторе психологической зрелости у студентов стоматологического факультета, дают представление об их жизненной позиции как реалистов делового мира (табл. 5).

Таблица 5

Фактор «психологическая зрелость» профессионального самоопределения студента стоматологического факультета

Фактор «психологическая зрелость»		
Параметры	Нагрузка	Интерпретация
1	2	3
Цели	0,671	Наличие целей, дающих осмысленность жизни
Процесс	0,618	Восприятие человеком своей жизни как процесса, наполненного смыслом
Результат	0,682	Оценка пройденной части жизни, ее продуктивности и осмысленности
Локус контроля – я	0,733	Представление личности о себе
Локус контроля – жизнь	0,584	Убеждение, что есть возможность контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизнь
Является привлекательной	0,568	Личность оценила свою будущую профессию
Дает большие возможности проявить творчество	0,563	Личность заинтересована в новаторстве
Внутренние индивидуально значимые мотивы	0,77	Личность имеет значимые индивидуальные мотивы для получения профессионального образования
Дает возможности для роста профессионального мастерства	0,594	Личность заинтересована в профессиональном развитии

1	2	3
Дает возможность приносить пользу людям	0,497	Внутренний социально значимый мотив личности
Внутренние социально значимые мотивы	0,62	Личность имеет социально значимые мотивы
Является высокооплачиваемой	0,613	Личность оценила свою будущую профессию
Является престижной	0,452	Личность оценила свою будущую профессию
Мотивы поступления в вуз	0,581	Личность имеет внутренние мотивы обучения в вузе
Реально действующие мотивы учения	0,454	Личность имеет реальные мотивы получения профессионального образования
Внешние профессиональные мотивы	0,487	Личность имеет внешние профессиональные мотивы получения профессионального образования
Внутренние мотивы	0,706	Общий показатель внутренних мотивов обучения личности на факультете
Профессиональные мотивы	0,532	Личность имеет внешние мотивы обучения в вузе
Внешние мотивы	0,721	Общий показатель внешних мотивов личности
Мечты о моем будущем в профессии дают мне радость	0,657	Личность радуют мысли о будущем в профессии
Я уверен(а), что работа по специальности – мое призвание	0,532	Личность уверена, что нашла свое призвание
Воспитанность	0,491	Личность имеет склонность проявлять социально одобряемое поведение
Широта взглядов	-0,457	Личность консервативна
Честность	-0,513	Личность имеет склонность искажать события, факты о себе

Анализ содержаний общего фактора «мотивация» для студентов двух факультетов позволил охарактеризовать их мотивацию. В мотивации студентов лечебного факультета присутствует ориентация на другого, в данном случае – пациента (табл. 6).

Таблица 6

Фактор «мотивация» профессионального самоопределения студента лечебного факультета

Фактор «мотивация»		
Переменные	Нагрузка	Интерпретация
Мотивы поступления в вуз	0,472	Личность имеет внутренние мотивы обучения в вузе
Профессиональные мотивы	0,535	Личность имеет профессиональные мотивы обучения в вузе
Внутренние мотивы	0,599	Общий показатель внутренних мотивов личности
Мотивы поступления в вуз	0,657	Личность имеет внешние мотивы обучения в вузе
Реально действующие мотивы учения	0,503	Личность имеет реальные внешние мотивы обучения в вузе
Открытая жестокость	0,539	Личность проявляет жесткий стиль общения
Обоснованный негативизм	0,567	Личность не анализирует свое обоснование негативного отношения к другим

Качественный анализ параметров фактора позволил сделать вывод о том, что внутренние мотивы обучения сформированы у студентов лечебного факультета до поступления в вуз. Они проявляют свои мотивы в форме жесткого стиля общения

при отсутствии осмысления негативного отношения к собеседнику. Закрепление этих характеристик коммуникации в модели профессионального поведения будущих врачей приведет к развитию доминирующей позиции в общении с пациентом, что не всегда адекватно при оказании медицинской помощи.

Качественный анализ параметров фактора мотивации студентов стоматологического факультета выявил, что у обучающихся присутствует забота о пациенте, но в целом в их мотивации преобладает ориентация на внешние условия деятельности (табл. 7).

Таблица 7

Фактор «мотивация» профессионального самоопределения студента стоматологического факультета

Фактор «мотивация»		
Параметры	Нагрузка	Интерпретация
Позволяет сразу получить хороший результат труда для других	0,557	Личность ориентирована проявлять заботу о других
Внутренние профессиональные мотивы	0,63	Личность имеет внутренние профессиональные мотивы
Внешние профессиональные мотивы	0,463	Личность имеет внешние профессиональные мотивы
Планирование деятельности после окончания вуза	0,521	Личность осмысляет возможные траектории своей профессиональной карьеры

Анализ сочетания параметров (табл. 7) с высокой факторной нагрузкой «результат труда для других» (0,557) и «планирование деятельности после окончания вуза» (0,521) с параметром «внешние профессиональные мотивы» (0,463) в содержании фактора свидетельствует о фокусе внимания на действующие внешние условия будущей профессиональной деятельности респондентов на данном этапе их обучения. Другими словами, студенты-стоматологи соизмеряют свои жизненные ориентации и социальные возможности их реализации.

Анализ параметров фактора «отношение к профессии» выявил, что студенты лечебного факультета обдумывают свое будущее материальное положение в связи с оплатой труда врача и не испытывают радости по этому поводу (табл. 8). Другими словами, они формируют свое отношение к профессии, обращая внимание на социальную оценку труда врача в обществе.

Таблица 8

Фактор «отношение к профессии» профессионального самоопределения студента стоматологического факультета

Фактор «отношение к профессии»		
Параметры	Нагрузка	Интерпретация
Является высокооплачиваемой	0,405	Личность оценила условия своего будущего материального положения
Жизнерадостность	-0,46	Личность не склонна испытывать жизнерадостность

У студентов-стоматологов отношение к профессии связано с желанием ответственно работать по специальности, проявляя заботу о людях, но при этом не общаться с ними (табл. 9).

**Фактор «отношение к профессии» профессионального самоопределения студента
стоматологического факультета**

Фактор «отношение к профессии»		
Параметры	Нагрузка	Интерпретация
Требуется общения с разными людьми	-0,532	Личность не заинтересована в общении с разными людьми
Нет желания работать по специальности	-0,474	Личность желает работать по специальности
Счастье других	0,527	Личность проявляет склонность к заботе о других
Ответственность	0,489	Личность склонна нести ответственность

Качественный анализ параметров фактора «отношение к профессии» позволил сделать выводы об отсутствии противоречий в ценностных ориентациях студентов-стоматологов и их мотивации к получению профессионального образования. Это позволило заключить, что они нацелены на профессиональное самоопределение в рамках выбранной специальности. Однако, имея желания работать по своей специальности, они не заинтересованы в общении с пациентами.

Сравнительный анализ содержания параметров фактора «отношение к выбору профессии» обучающихся двух факультетов позволил сделать вывод, что сформированная профессиональная идентичность студентов лечебного факультета в независимости от престижа их профессии будет поддерживать их выбор профессии (табл. 10).

Таблица 10

**Фактор «отношение к выбору профессии» профессионального самоопределения
студента лечебного факультета**

Фактор «отношение к выбору профессии»		
Параметры	Нагрузка	Интерпретация
Моратории	-0,502	Личность имеет сформированную профессиональную идентичность и приняла осмысленное решение о своем профессиональном будущем
Является престижной	-0,516	Личность не оценила положительно престиж профессии

Качественный анализ параметров фактора «отношение к выбору профессии» позволил сделать вывод, что в своем профессиональном самоопределении студенты лечебного факультета руководствуются не оценкой профессии в сообществе, а личными представлениями о ее необходимости и полезности.

У студентов-стоматологов отношение к выбору профессии связано с эмоциональной оценкой профессии (табл. 11).

Содержательный анализ параметров фактора «отношение к выбору профессии» выявил, что в отношении к выбору профессии у студентов-стоматологов доминируют параметры с высокой факторной нагрузкой, характеризующие негативные эмоции, и параметры внешних факторов мотивации обучения и выбора. Данное соотношение не сбалансировано способностью к прогнозированию, что позволило сделать вывод: при постепенном нарастании негативного отношения к профессиональной деятельности студенты пересмотрят свое решение о профессиональном выборе жизненного пути.

**Фактор «отношение к выбору профессии» профессионального самоопределения студента
стоматологического факультета**

Фактор «отношение к выбору профессии»		
Параметры	Нагрузка	Интерпретация
1	2	3
Общая прогностичность	-0,497	Личность имеет трудности в прогнозировании событий
Внешние положительные мотивы	0,479	Личность мотивирована внешними факторами
Избрана моими друзьями	0,665	Личность считает, что не было выбора профессии
Внешние отрицательные мотивы	0,456	Личность мотивирована внешними факторами
Мотивы поступления в вуз	0,622	Личность имеет внешние мотивы обучения в вузе
Я оцениваю престиж моей специальности	-0,469	Личность не оценивала престиж своей будущей профессии
Творчество	0,488	Личность имеет цель создать новое
Чуткость	-0,484	Личность не склонна проявлять чуткость
Гнев	0,606	Личность недовольна результатами обучения
Отвращение	0,764	Личности трудно принять необходимость физического контакта с больным человеком
Презрение	0,714	Личности трудно принять людей, требующих оказания высококвалифицированной помощи и не готовых отвечать за свое здоровье
Страх	0,547	Личность переживает за оценку своих учебных результатов
Стыд	0,551	Личности трудно принять свое социальное положение
Вина	0,617	Личность сожалеет о своих достижениях
Самочувствие	-0,542	Личность имеет отрицательное эмоциональное самочувствие

Другими словами, студенты лечебного факультета сконцентрированы на достижении своей цели, т. е. они ориентированы на успех, а у студентов стоматологического факультета присутствует вероятность отказа от выбора профессии под влиянием внешних обстоятельств, т. е. они ориентированы на избегание неудач.

Обсуждение результатов исследования

Сравнительный анализ параметров общих факторов профессионального самоопределения студентов стоматологического и лечебного факультетов частично подтвердил гипотезу исследования. Так, в содержании факторов не присутствуют ценностные ориентации «здоровье», «познание», «терпение», а параметры способности к прогнозированию и чуткости есть только в факторе «отношение к выбору профессии» у студентов-стоматологов. Параметры коммуникативной компетенции и мотивации к обучению присутствуют в общих факторах профессионального самоопределения обучающихся.

Результаты исследования показали, что характер профессионального самоопределения на 2 курсе подготовки медицинских кадров высшей квалификации также характеризуют следующие параметры: «смысложизненные ориентиры», «статус идентичности», «эмоциональная оценка жизненной ситуации опрошенных».

Таким образом, частичное подтверждение гипотезы о профессиональном самоопределении студентов-медиков и выявление параметров, характеризующих отношение обучающихся к своей будущей профессии и эмоциональную оценку происходящих с ними трансформации, а также осмысленность их жизненных планов, позволяет предположить, что у молодых людей идет формирование профессионально-нравственной позиции.

Качественный анализ параметров общих факторов выявил специфические противоречия профессионального самоопределения студентов 2 курса разных факультетов, разрешение которых будет способствовать профессиональному самоопределению будущих специалистов.

Отсутствие показателей коммуникативной компетенции и эмоциональной оценки жизненной ситуации в составе фактора психологической зрелости у студентов-стоматологов и присутствие параметров, характеризующих отношение к престижу профессии, материальному доходу профессионала, приведет к необходимости разрешить противоречие между заинтересованностью в финансовом благополучии от результатов своей профессиональной деятельности и отсутствием коммуникативной ориентации на профессиональное общение с пациентами.

В то же самое время присутствие параметров коммуникативной компетенции и эмоциональной оценки жизненной ситуации у обучающихся на лечебном факультете и отсутствие параметров, характеризующих интерес к материальным результатам своей деятельности, свидетельствует не только об ориентации на взаимодействие с пациентами, но и на отсутствие интереса к своей экономической защищенности в будущем. Данная ситуация приведет к необходимости разрешить противоречие между эмоциональным вовлечением в общение с пациентами и экономическими условиями организации медицинской помощи пациенту в условиях сокращения количества высококвалифицированных кадров и роста потребности в их услугах. Студенты лечебного факультета на 2 курсе имеют склонность решать данное противоречие в пользу больного. Ответ на вопрос о том, как они будут разрешать данное затруднение в будущем, остается открытым.

Качественный анализ параметров фактора «мотивация» студентов-стоматологов и студентов лечебного факультета позволил выделить противоречия, которые предстоит разрешить будущим членам медицинских трудовых коллективов. Так, мотивация студентов стоматологического факультета в сочетании с параметрами, характеризующими нацеленность на результат, и вниманием к возможностям работы по профессии, но в то же время отсутствие параметров ценностной ориентации может привести к необходимости разрешать противоречие между сформированной профессиональной идентичностью и осознанием ценностных ориентиров этой профессиональной деятельности.

Фактор «мотивация» студентов лечебного факультета, наряду с параметром мотивов, содержит параметры, отражающие доминирующий характер общения с больным. Это может привести будущих врачей к необходимости разрешать противоречие между желанием оказать медицинскую помощь и способом ее оказания, который не всегда будет соответствовать патерналистской модели отношений в системе «врач – пациент».

Содержание параметров фактора «отношение к профессии» у студентов лечебного факультета характеризуется негативным отношением к экономической оценке труда врача. Это содержание фактора не соответствует характеристике фактора «психологическая зрелость», в которой параметр «является высокооплачиваемой»

не присутствовал у данных студентов. Это позволяет сделать вывод, что у обучающихся на факультете идет формирование профессионально-нравственной позиции. Характеристика этой позиции будет зависеть от разрешения молодыми людьми противоречия между существующей объективной оценкой труда врача и смыслом, жизненными ориентациями будущего члена медицинского сообщества.

Качественный анализ параметров фактора «отношение к профессии» у студентов-стоматологов показал, что, с одной стороны, обучающиеся сфокусированы на этической стороне профессии («счастье других», «ответственность»), а с другой – несмотря на желание работать по специальности, у них отсутствует заинтересованность в общении с пациентами. Данная ситуация предполагает два варианта решения. Во-первых, студенты-стоматологи в своем профессиональном самоопределении будут склонны вести профессиональную деятельность, предусматривающую минимизацию общения с пациентами. Во-вторых, молодым специалистам предстоит разрешить противоречие между необходимостью оказать высококвалифицированную стоматологическую помощь и заинтересованностью специалиста в общении с пациентами с целью профилактики заболеваний, психологической поддержки и просветительской разъяснительной работы для ориентации больного человека в его жизненной ситуации. Это противоречие связано с тем, как будущие стоматологи решат противоречие фактора «психологическая зрелость»: необходимость обеспечить свой материальный достаток и отсутствие коммуникативной ориентации при оказании медицинской помощи.

В факторе «отношение к выбору профессии» у студентов-стоматологов доминируют параметры, указывающие на негативные эмоции, трудности с прогностической способностью, а также на отсутствие самостоятельного выбора профессии. Такое сочетание параметров в данном факторе приведет к актуализации противоречия между необходимостью соответствовать требованиям профессорско-преподавательского состава к результатам учебной деятельности обучающихся и необходимостью развития самооценки будущих специалистов на основе действительных результатов.

В то время как результаты анализа параметров фактора «отношение к выбору профессии» у студентов лечебного дела позволяют заключить, что их отношению к выбору профессии еще предстоит проявиться.

Результат содержательного анализа фактора «отношение к выбору профессии» студентов двух факультетов приводит к мысли о том, что на профессиональное самоопределение обучающихся действуют неизвестные факторы. Возможно, эти факторы связаны с реализацией учебного плана подготовки медицинских кадров на двух факультетах.

Выводы

Проведенное нами исследование показало, что проблема соотношения личных интересов обучающихся и общественной заинтересованности в их будущем профессиональном труде отражается в содержании параметров общих факторов профессионального самоопределения студентов-медиков на 2 курсе их обучения. В силу малоизученности профессионального самоопределения российских медиков организация психолого-педагогической помощи в рамках профориентационной работы с обучающимися в медицинских вузах имеет трудности. При этом сложилось негласное мнение о том, что уход молодых специалистов из профессии связан с финансированием отрасли здравоохранения. Однако результаты нашего исследования профессионального самоопределения студентов медиков показали, что

на 2 курсе профессиональной подготовки у будущих специалистов есть мотивация к обучению одной из сложных специальностей современного рынка труда. В связи с этим остается открытым вопрос об условиях изменения траектории профессиональной карьеры молодых кадров после окончания вуза.

В исследовании проверялась гипотеза о наличии в общих факторах профессионального самоопределения студентов-медиков параметров, которые способствуют самоопределению в профессии: ценностные ориентации «здоровье», «чуткость», «терпимость», «познание», коммуникативная компетенция, способность к прогнозированию и мотивация к обучению в вузе. Анализ результатов исследования частично подтвердил гипотезу. Так, в содержании общих факторов не присутствует ряд ценностных ориентаций («здоровье», «познание» и «терпение») студентов двух факультетов. Отдельные параметры, указанные в гипотезе, представлены в общих факторах, например, параметры способности к прогнозированию и чуткости есть только в факторе «отношение к выбору профессии» у студентов-стоматологов. Полученные результаты позволили выявить и определить значение параметров, которые не входили в гипотезу исследования. Речь идет о следующих понятиях: «смыслжизненные ориентиры», «статус идентичности», «эмоциональная оценка жизненной ситуации опрошенных».

Содержательный анализ параметров, входящих в общие факторы профессионального самоопределения, позволяет заключить, что на 2 курсе у студентов двух факультетов идет формирование профессионально-нравственной позиции. Характеристика данной позиции обучающихся на двух разных факультетах обусловлена сочетанием параметров, входящих в состав общих факторов. Анализ данного сочетания параметров позволил выделить ряд противоречий, характеризующих профессиональное самоопределение обучающихся на двух факультетах. Так, студенты-стоматологи имеют следующие противоречия: между заинтересованностью в финансовом благополучии от результатов своей профессиональной деятельности и отсутствием коммуникативной ориентации на профессиональное общение с пациентами; между сформированной профессиональной идентичностью и осознанием ценностных ориентиров своей профессиональной деятельности; между необходимостью оказать высококвалифицированную помощь и заинтересованностью специалиста в общении с пациентами с целью профилактики заболеваний, психологической поддержки и просветительской разъяснительной работы для ориентации больного в его жизненной ситуации; между необходимостью соответствовать требованиям профессорско-преподавательского состава к результатам учебной деятельности обучающихся и необходимостью развития самооценки будущих специалистов на основе действительных результатов учебной деятельности. Наличие данных противоречий у студентов-стоматологов свидетельствует, во-первых, об активном формировании их профессионально-нравственной позиции, во-вторых, о наличии ориентации на эффективное применение знаний по экономике медицинских услуг, психологии общения в рамках своей врачебной практики.

Студенты лечебного факультета имеют следующие противоречия: между эмоциональным вовлечением в общение с пациентами и экономическими условиями организации медицинской помощи пациенту в условиях сокращения количества высококвалифицированных кадров и роста потребности в их услугах; между желанием оказать медицинскую помощь и способом ее оказания, который не всегда соответствует патерналистской модели отношений в системе «врач – пациент»; между существующей объективной оценкой труда врача и смысложизненными ориента-

циями медицинского специалиста. Наличие данных противоречий у студентов лечебного факультета свидетельствует о том, что их профессионально-нравственная позиция начинает формироваться на 2 курсе профессиональной подготовки. Мы предполагаем, что данные противоречия активируют их поиск знания об организации медицинской помощи населению и экономике медицинских услуг, а также о психологии общения врача и пациента. Однако на данном этапе исследования трудно сказать, насколько они будут заинтересованы в применении этого знания в своей практической деятельности.

Знание особенностей факторов профессионального самоопределения обучающихся на медицинских факультетах, специфики противоречий, которые им предстоит разрешить в процессе своего самоопределения, позволит выстроить диалог между специалистами, оказывающими психолого-педагогическую помощь в рамках профориентационной работы, и студентами. Этот диалог – необходимое условие повышения эффективности психолого-педагогической помощи будущим специалистам медицинского сообщества.

Заключение

В результате эмпирического исследования профессионального самоопределения студентов стоматологического и лечебного факультетов выявлено четыре общих фактора: «психологическая зрелость», «мотивация», «отношение к профессии», «отношение к выбору профессии». Установлено, что параметры «здоровье», «познание» и «терпение» не входят в общие факторы профессионального самоопределения студентов лечебного и стоматологического факультетов. На основе содержательного анализа сочетания параметров выявленных общих факторов сформулированы противоречия. Данные противоречия характеризуют профессиональное самоопределение студентов двух разных факультетов. Авторы предполагают два момента, характеризующие профессиональное самоопределение обучающихся на 2 курсе. Во-первых, студенты стоматологического и лечебного факультетов находятся на разных этапах формирования профессионально-нравственной позиции. Во-вторых, второкурсники двух факультетов заинтересованы в двух видах знания: экономики медицинских услуг и психологии общения.

В результате исследования установлено, что есть специфика профессионального самоопределения студентов двух факультетов. Сформулирована гипотеза о связи данной специфики с реализацией учебного плана подготовки кадров. Высказано предположение, что знание особенностей профессионального самоопределения студентов-медиков определенного факультета повысит эффективность профориентационной работы с ними.

Авторы полагают, что на следующем этапе исследования профессионального самоопределения студентов-медиков необходимо выяснить, происходит ли изменение сочетания параметров, которые вошли в выделенные факторы. Если такое изменение будет выявлено, то как оно влияет на сформулированные в данной статье противоречия. В случае отсутствия каких-либо изменений в составе параметров факторов необходимо найти причину этого.

Динамика параметров выделенных факторов позволит описать и объяснить особенности профессионального самоопределения студентов-медиков на различных этапах их подготовки. Она также предоставит необходимую информацию для разработки социальных технологий профориентационной работы со студентами-медиками, развития их профессиональной карьеры.

Список литературы

1. *Андреева Г. Б., Никитина О. А.* Формирование профессионального самоопределения студентов, обучающихся по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38732348> (дата обращения: 28.07.2021).
2. *Бессонова А. В.* Педагогические условия развития профессионального самоопределения курсантов военных образовательных организаций высшего образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2019. 30 с.
3. *Бойко В. В.* Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008. 416 с.
4. *Волегов В. С.* Профессиональное самоопределение студентов в социокультурном пространстве большого города: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2017. 23 с.
5. *Врублевская М. М., Зыкова О. В.* Профориентационная работа в школе: методические рекомендации. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2004. 74 с.
6. *Грецов А. Г., Азбель А. А.* Психологические тесты для старшеклассников и студентов. СПб.: Питер, 2012. 201 с.
7. *Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э., Бердникова Д. В., Борисов Г. И.* Методологические основы транспрофессионализма субъектов технико-технологической деятельности [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 38–47 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36532890> (дата обращения 21.07.2021).
8. *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 462 с.
9. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
10. *Карелин А. А.* Психологические тесты: в 2 т. М.: Владос, 2002. Т. 1. 312 с.
11. *Кулакова А. И.* Психологические детерминанты профессионального самоопределения личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2018. 28 с.
12. *Леонтьев Д. А.* Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
13. *Магакян Е. Е.* Профессиональное самоопределение взрослых, его социальные и психологические факторы (на примере выпускников бакалавриата): автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2019. 25 с.
14. *Поломошнова С. А.* Педагогическое управление профессиональным самоопределением старшеклассников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2018. 24 с.
15. *Пряжников Н. С., Молчанов С. В., Кирсанов К. А.* Морально-ценностные основания процесса профессионального самоопределения в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1643-pryaznikov62.html> (дата обращения: 28.07.2021).
16. *Регуш Л. А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.
17. *Сухарева Е. В.* Педагогическая организация учебно-профессионального самоопределения сотрудников органов внутренних дел в процессе их первоначальной профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2019. 24 с.

Дата поступления статьи: 05.08.2021

Ганпанцурова Ольга Борисовна

*старший преподаватель кафедры практической и специальной психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, olgana74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8884-4851*

Космынин Сергей Андреевич

*студент факультета социальной работы и клинической психологии,
Новосибирский государственный медицинский университет,
Новосибирск, Россия, psymistsulfur@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4807-8889*

Напреева Софья Алексеевна

*студент факультета социальной работы и клинической психологии,
Новосибирский государственный медицинский университет,
Новосибирск, Россия, sofeika12@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5908-1755*

Максименко Павел Алексеевич

*преподаватель факультета социальной работы и клинической психологии,
Новосибирский государственный медицинский университет,
Новосибирск, Россия, maks.pawel2011@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5950-4575*

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НЕВРОЛОГИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Аннотация. В статье анализируются темпераментные характеристики, уровень физической и вербальной агрессии, интеллектуальные способности, а также социальная фрустрированность детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами в сравнении с условно здоровыми детьми. Целью исследования является изучение специфики индивидуально-психологических характеристик личности детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами. В исследовании приняли участие 2 группы: экспериментальная и контрольная. В экспериментальную выборку вошли 15 детей с различными неврологическими диагнозами. Контрольная группа состоит также из 15 детей, не имеющих нарушений в развитии и каких-либо отклонений, связанных с неврологией. В результате проведенного исследования получены достоверные данные, позволившие сделать авторам вывод о том, что дети младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами, в отличие от детей с условной нормой развития, имеют преобладающие типы темперамента – холерик и меланхолик, отличаются повышенным уровнем физической и вербальной агрессии, сниженными интеллектуальными способностями и высоким уровнем социальной фрустрированности, а также для них характерны низкая самооценка, повышенная депрессивность, негативизм, нарушение мотивации и самоконтроля, наличие трудностей в общении.

Ключевые слова: младшие школьники, неврологические расстройства, физическая агрессия, вербальная агрессия, интеллект, темперамент, индивидуальные особенности развития.

Ganpanturova Olga Borisovna

*Senior Lecturer of the Department of Practical and Special Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, olgana74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8884-4851*

Kosmynin Sergei Andreevich

*Student of the Faculty of Social Work and Clinical Psychology,
Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia, psymistsulfur@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4807-8889*

Napreeva Sofya Alekseevna

*Student of the Faculty of Social Work and Clinical Psychology,
Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia, sofeika12@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5908-1755*

Maksimenko Pavel Alekseevich

*Lecturer of the Faculty of Social Work and Clinical Psychology,
Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia, maks.pawel2011@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5950-4575*

**RESEARCH OF INDIVIDUALLY-PSYCHOLOGICAL
CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF YOUNG SCHOOL AGE
CHILDREN WITH NEUROLOGICAL DISORDERS**

Abstract. The article analyzes the temperamental characteristics, the level of physical and verbal aggression, intellectual abilities, as well as the social frustration of primary school children with neurological disorders in comparison with conventionally healthy children. The aim of the study is to study the specificity of the individual psychological characteristics of the personality of primary school children with neurological disorders. The study involved 2 groups: experimental and control. The experimental sample included 15 children with various neurological diagnoses. The control group also consisted of 15 children with no developmental disabilities or any abnormalities associated with neurology. As a result of the study, reliable data were obtained that allowed the authors to conclude that children of primary school age with neurological disorders have the predominant types of temperament - choleric and melancholic, are distinguished by an increased level of physical and verbal aggression, reduced intellectual abilities and a high level of social frustration, in difference from children with a conditional norm of development. Children of primary school age with neurological disorders have low self-esteem, increased depression, negativism, as well as impaired motivation and self-control, and experience difficulties in communication, in contrast to conventionally healthy children.

Keywords: junior schoolchildren, neurological disorders, physical aggression, verbal aggression, intelligence, temperament, individual developmental characteristics.

В современном мире актуальным становится вопрос адаптации, социализации и интеграции людей с отклонениями в развитии. Инклюзия детей с ограниченными возможностями психического или физического здоровья (или сочетанием диагнозов и симптоматики) в образовательных учреждениях является не только отражением времени. Это шаг к обеспечению полноценной реализации прав детей на получение того или иного вида образования и к созданию необходимых условий для достижения адаптации в образовании всеми без исключения детьми, независимо от их индивидуальных особенностей, психических и физических возможностей.

Для этого процесса необходимо постоянное поступление данных исследований (психологических, неврологических, психиатрических и пр.) детей с различными нарушениями в развитии. Детская неврология имеет в этой связи ряд преимущественных особенностей, в частности недопустимость использования одних и тех же методов исследования и лечения взрослых и детей.

Актуальность научной проблемы, выступающей в качестве предмета данного исследования, по мнению М. Н. Жакуповой с соавторами [7], заключается в необходимости установления индивидуально-психологических характеристик личности детей с неврологическими нарушениями для более точного понимания их развития и коррекции в психологических, медицинских, педагогических направлениях, а также для предупреждения возможных психологических проблем в более позднем возрасте [6; 9]. Неврологические нарушения подразумевают под собой дизонтогенетическое (аномальное) развитие, что связано с различными факторами риска, включая генетические и негенетические, или приобретенные, причины [3; 5]. Однако, как отмечают С. Benjamin и А. Emma, в некоторых случаях этиология неврологических нарушений остается неизвестной [12]. Наследственные факторы, такие как хромосомные отклонения, унаследованные генетические черты и моногенные заболевания (т. е. болезни, вызванные мутацией одного гена), являются главными причинами большинства случаев нарушения развития [8]. Негенетические причины включают пренатальные, натальные, постнатальные повреждения, а также факторы окружающей среды [2]. Большинство распространенных негенетических предродовых факторов риска, по данным исследования Е. В. Агарковой с соавторами, включают материнские болезни, такие как астма, диабет, гипертония, почечные заболевания и эпилепсия [1]. Не менее вредоносные факторы: употребление табака и алкоголя, возраст матери, социальный статус и интеллектуальный потенциал ближайшего окружения – также влияют на формирование неврологической симптоматики в пренатальный, натальный, постнатальный периоды [10]. Главные перинатальные факторы – низкий вес при рождении, преждевременные роды, осложнения рождения и перинатальные инфекции [19]. Постнатальные факторы – послеродовые инфекции, воздействия ядов, таких как свинец или ртуть, злокачественные поражения центральной нервной системы, хроническое острое недоедание [13]. По мнению J. Uher [18], эти факторы недоразвития находятся в интерактивной сложной взаимосвязи с факторами окружающей среды, социально-демографическими и социально-экономическими особенностями населения.

Целью нашего исследования является изучение индивидуально-психологических характеристик личности детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами в сравнении с детьми условной нормы. Методами исследования выступили общенаучные методы, такие как обобщение теоретических источников по проблеме исследования, интерпретация и систематизация результатов, а также экспериментально психологическое исследование и математико-статистическая обработка данных. Обработка результатов исследования проводилась с использованием статистического пакета STATISTICA 10.0, с использованием стандартных методов подсчета средних значений, стандартных отклонений и подсчета достоверности разности показателей. Взаимосвязь различных показателей была выявлена с помощью статистического U-критерия Манна – Уитни, а также углового критерия Фишера. При проведении исследования использовались следующие методики: Тест Айзенка на тип темперамента (детский вариант); Опросник Басса – Дарки «Диагностика агрессивности детей»; «Диагностика уровня социальной фрустрированно-

сти» Л. И. Вассермана; «Рисунок несуществующего животного» (М. З. Дукаревич); Проективная методика Дж. Бука «Дом – дерево – человек».

В исследовании приняли участие 2 группы респондентов: экспериментальная и контрольная. Базой для исследования детей экспериментальной группы выступила Городская детская клиническая больница скорой медицинской помощи. В экспериментальную выборку вошли 15 детей с различными неврологическими диагнозами. Из них 7 девочек (46,7 %) и 8 мальчиков (53,3%). Среднее отклонение по возрасту составило 9 ± 2 . Контрольная группа состоит также из 15 детей, не имеющих нарушений в развитии и каких-либо отклонений, связанных с неврологией. В нее вошли 9 девочек (60 %) и 6 мальчиков (40 %). Респонденты являются учениками 3–5 классов муниципального бюджетного образовательного учреждения «Экономический лицей». Среднее отклонение по возрасту – 9 ± 2 .

Обсуждение результатов начнем с описания индивидуальных характеристик испытуемых (темпераментных), так как они обусловлены генетически, а далее представим анализ индивидуально-психологических особенностей личности. При изучении темперамента детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами и условно здоровых в выборке пациентов были выявлены два преобладающих типа – холерик 46,6 % (7 человек) и меланхолик 33,3 % (5 человек), что специфично при рассмотрении характеристик выявленных типов. В контрольной группе показатели данных расположились почти равномерно, лишь с небольшим отрывом на первое место выходит флегматический тип темперамента 33,3 % (5 человек) (табл. 1).

Таблица 1

Тип темперамента детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами в сравнении с условно здоровыми

Выборка	Холерик, %	Сангвиник, %	Меланхолик, %	Флегматик, %
Пациенты	46,6	6,8	33,3	13,3
Условно здоровые дети	26,7	20	20	33,3

В экспериментальной группе преобладают такие типы темперамента, как холерик и меланхолик. Тип темперамента холерик подразумевает экстраверсию, высокий уровень возбудимости, активности в целом, в то время как меланхоличный темперамент интровертирован, спокоен, замкнут и раним. Но существует и объединяющий их фактор – нестабильность, что может проявляться в отсутствии стойкой регуляции, контроля над поведением и эмоциями. В контрольной группе условно преобладающих типов не выделено.

При проведении сравнительного анализа получено достоверное отличие показателей по шкалам «физическая агрессия» и «вербальная агрессия» с более высокими показателями в группе детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями.

Повышенный уровень агрессии по шкале «физическая агрессия» у выборки пациентов составляет 40 % (6 человек), что выше в 6 раз в сравнении с условно здоровыми детьми – 6,7% (1 человек). Повышенный уровень физической агрессии подразумевает открытое нападение, вступление в борьбу при каком-либо раздражении, неудовлетворении и т. д. (рис. 1).

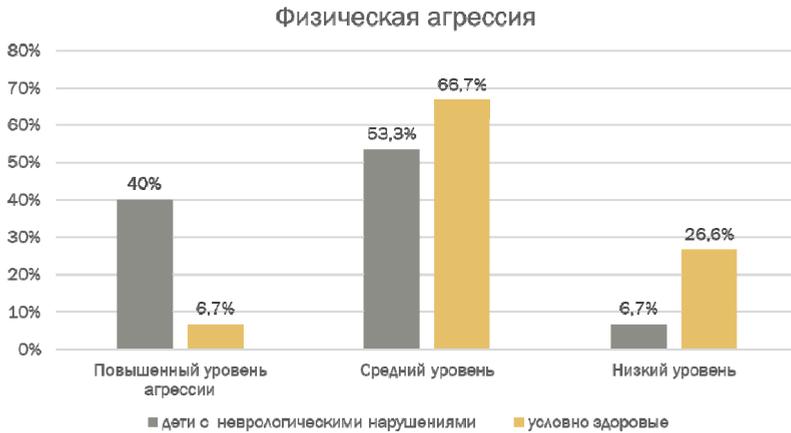

Рис. 1. Показатели по шкале «физическая агрессия» у детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями в сравнении с условно здоровыми, в %

При анализе результатов, полученных по шкале «вербальная агрессия», выявлено, что средние показатели экспериментальной выборки ($3,07 \pm 0,88$) ощутимо больше в сравнении со средними показателями контрольной группы ($2,07 \pm 1,03$) (рис. 2). Высокий уровень вербальной агрессии проявляется у детей в виде криков, визга, угроз, а также в использовании различных бранных слов в отношении к окружающим.

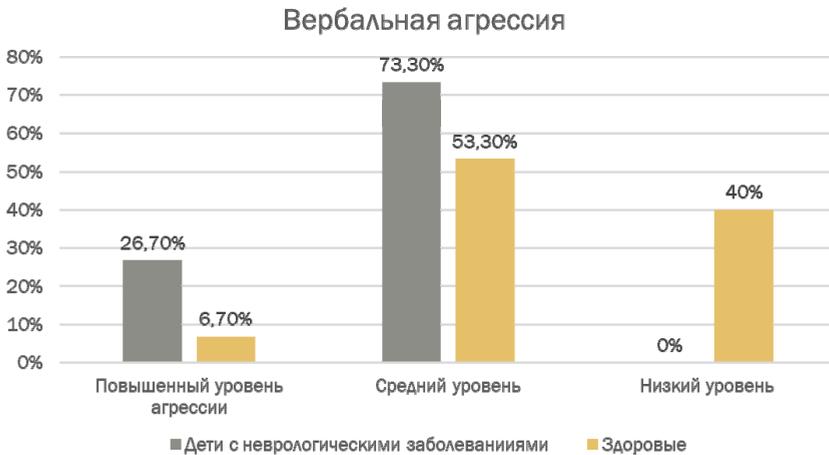

Рис. 2. Показатели по шкале «вербальная агрессия» у детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями в сравнении с условно здоровыми, в %

Высокие показатели агрессивности у детей с неврологическими заболеваниями подтверждаются во многих исследованиях. Так, Е. В. Агаркова с соавторами, В. К. Бармотина, L. F. Barrett [1; 3; 11] указывают биологические и социальные причины появления агрессии. По результатам сравнительного анализа агрессии выборка экспериментальной группы имеет статистически значимые отличия от выборки контрольной группы по двум шкалам – «физическая агрессия» и «вербальная агрессия» ($p < 0,05$). Средние показатели испытуемых с неврологическими расстройствами

ми выше, чем у условно здоровых детей. Таким образом, дети с неврологическим профилем более агрессивны по сравнению с условно здоровыми детьми. Данные представлены в таблице 2 и на рисунках 1 и 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ агрессии у детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями и условно здоровых

Показатели	Экспериментальная группа (дети с неврологическими заболеваниями) (N = 15)	Контрольная группа (условно здоровые дети) (N = 15)	Уровень достоверности p
Физическая агрессия	3,13±1,19*	2,2±0,94	0,042111
Вербальная агрессия	3,07±0,88*	2,07±1,03	0,020192

Примечание: * – различия достоверны при $p < 0,05$.

При анализе полученных по результатам исследования данных выявлено, что депрессивность проявляется у 40 % детей с неврологическими расстройствами (6 человек), что почти в 4 раза превышает показатели выборки условно здоровых детей – 13,3 % (2 человек) (рис. 3 и табл. 3).

Рис. 3. Показатели выраженности депрессивности у лиц с неврологическими заболеваниями и условно здоровых, в %

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа личности детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами и условно здоровых

Показатели	Экспериментальная группа (дети с неврологическими заболеваниями) (N = 15)	Контрольная группа (условно здоровые дети) (N = 15)	Уровень достоверности p
Депрессивность	1,4±1,18	0,53±0,74	0,046488

Примечание: * – результаты достоверны при $p < 0,05$.

Повышенная депрессивность у испытуемых с неврологическими заболеваниями может быть обусловлена пониженным уровнем серотонина – особого нейротрансмиттера, отвечающего за торможение и относящегося к биологическим регуляторам эмоционального состояния индивида [14]. Такое явление может быть также вызвано различными повреждениями или недоразвитием организма в целом, что часто характерно для детских неврологических заболеваний [19].

При анализе результатов исследования самооценки статистически значимых различий не выявлено, однако если посмотреть на процентное соотношение, то можно заметить, что процент детей, имеющих заниженную самооценку, в экспериментальной группе составляет 60 % (9 человек), а в группе условно здоровых – 40 % (6 человек), т. е. в группе с неврологическими расстройствами преобладают дети с заниженной самооценкой (рис. 4).

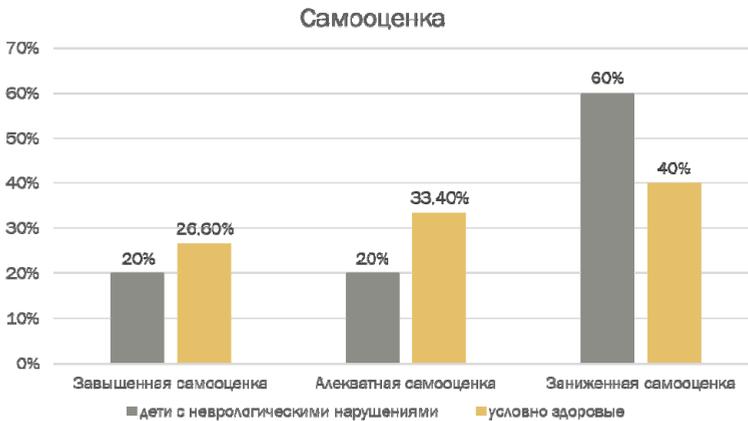

Рис. 4. Показатели уровня самооценки у детей с неврологическими расстройствами и условно здоровых, в %

Проанализировав соотношение самооценки с данными, полученными об агрессии и депрессивности, мы считаем, вслед за J. В. Moeschler и M. Shevell [15], что низкая самооценка зачастую является основой агрессивного поведения в детском возрасте. Ребенок таким образом пытается привлечь к себе внимание, выделиться. Проявление физической и вербальной агрессии часто используется детьми как стремление к лидерству и получению признания [17].

По мнению ученых, нарушения мотивации и самоконтроля при неврологических заболеваниях возникают вследствие интеллектуальных нарушений, недоразвитости лобных долей головного мозга [4]. В таблице 4 представлены показатели значимости личностных особенностей двух групп детей, на рисунке 5 обозначена ось значимости для исследования нарушения мотивации и самоконтроля у детей с неврологическими нарушениями и условно здоровых.

Таблица 4

Показатели значимости личностных особенностей у детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями и у здоровых лиц

Показатели	Угловое преобразование Фишера (φ) для 2 групп (N(1+2) = 30)	Принимаемая гипотеза Н
Нарушения мотивации	3,089	Н1 – 1 > 2*
Нарушения самоконтроля	3,092	Н1 – 1 > 2*

Примечание: * – Н0 – выраженность показателей признака в группе 1 (дети с неврологическими нарушениями) ≤ группе 2 (условно здоровые). Н1 – выраженность показателей признака в группе 1 (дети с неврологическими заболеваниями) > группе 2 (условно здоровые).

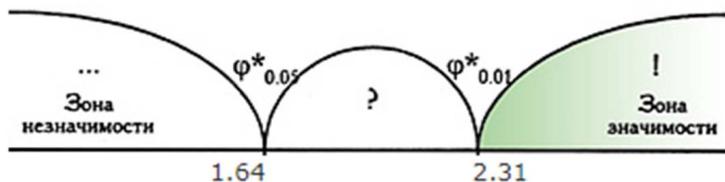

Рис. 5. Ось значимости для исследования нарушения мотивации и самоконтроля у детей с неврологическими нарушениями и условно здоровых

При изучении полученных данных выявлено, что у 60 % выборки детей с неврологическими нарушениями (9 человек) присутствуют трудности общения, что больше в 4 раза, чем в выборке условно здоровых, где показатель равен 13,4 % (2 человек) (табл. 5 и рис. 6). Следует отметить, что данный симптомокомплекс указывает на сложности в построении социально-значимых связей, которые крайне необходимы в младшем школьном возрасте. Высокие показатели в графе «трудности общения» предполагают условное отсутствие вовлеченности в межличностных связях и одиночество [16; 18].

Таблица 5

Данные сравнительного исследования личности по симптомокомплексу «трудности общения» у детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами и условно здоровых

Показатели	Экспериментальная группа (дети с неврологическими нарушениями) (N = 15)	Контрольная группа (условно здоровые дети) (N=15)	Уровень достоверности p
Трудности общения	1,46±0,83	0,6±0,73	0,012093

Примечание: * – результаты достоверны при $p < 0,05$.

Рис. 6. Показатели симптомокомплекса «трудности общения» у детей с неврологическими заболеваниями и условно здоровых индивидов, в %

Социальная фрустрированность во многом обусловливается сниженным контролем эмоций, затруднениями в регуляции деятельности, а также зрительно-моторной дискоординацией и снижением оперативности ($p < 0,05$). В экспериментальной группе детей установлен высокий уровень социальной фрустрированности ($p < 0,05$) (табл. 6 и рис. 7).

Таблица 6

Результаты сравнительного исследования уровня социальной фрустрированности детей с неврологическими расстройствами и условно здоровых

Показатели	Экспериментальная группа (дети с неврологическими заболеваниями) (N = 15)	Контрольная группа (условно здоровые дети) (N=15)	Уровень достоверности p
Уровень социальной фрустрированности	2,91±0,8*	1,75±0,96	0,003230

Примечание: * – различия достоверны при $p < 0,05$.

Рис. 7. Показатели уровня социальной фрустрированности у детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями и условно здоровых, в %

Изучение интеллекта детей с неврологическими заболеваниями показало, что более чем у 50 % выборки (8 человек) снижены интеллектуальные способности. В контрольной группе показатель составляет 6,7 % (1 человек) (рис. 8).

Рис. 8. Показатели интеллекта детей младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями в сравнении с условно здоровыми, в %

Установлено, что дети из экспериментальной выборки ($27,5 \pm 3,8$) имеют статистически значимые ($p < 0,05$) отклонения в уровне интеллекта по сравнению с условно здоровыми испытуемыми ($31,2 \pm 2,3$) (табл. 7).

Таблица 7

Показатели сравнительного исследования интеллекта у детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами и условно здоровых

Показатели	Экспериментальная группа (дети с неврологическими заболеваниями) (N = 15)	Контрольная группа (условно здоровая) (N = 15)	Уровень достоверности p
Интеллект	$27,5 \pm 3,8^*$	$31,2 \pm 2,3$	0,008443

Примечание: *- результаты достоверны при $p < 0,05$.

Таким образом, по результатам исследования можно констатировать следующее: у детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами выявлено два преобладающих типа темперамента – холерик (46,6 %) и меланхолик (33,3 %). Исследование эмоционально-личностных и волевых характеристик детей младшего школьного возраста с неврологическими расстройствами показало, что у испытуемых повышен уровень физической и вербальной агрессии ($p < 0,05$). У 60 % выборки выявлена низкая самооценка, выражены показатели «трудности общения», «негативизм» и «депрессивность» ($p < 0,05$). Также выявлены нарушения мотивации у 11 детей и самоконтроля у 10 детей в экспериментальной группе. Интеллектуальные способности детей с неврологическими нарушениями снижены, так как наблюдаются трудности в усвоении нового материала, сниженный контроль эмоций, затруднения регуляции деятельности, зрительно-моторная дискоординация и снижение оперативности ($p < 0,05$). Установлен высокий уровень социальной фрустрированности ($p < 0,05$).

Отметим, что дети младшего школьного возраста с неврологическими нарушениями имеют ряд индивидуально-психологических характеристик, отличающихся от нормы. Выделяются повышенная агрессивность, отставание в интеллектуальном развитии, трудности в общении, депрессивность, негативизм, недовольство положением в обществе, а также нарушения мотивации и самоконтроля.

Данные представленного исследования могут быть использованы при разработке практических рекомендаций для работы с детьми данной психолого-медицинской категории. Рекомендации могут быть разработаны в педагогической практике и использованы как в коррекционных школах, так и в общеобразовательных школах в условиях инклюзии. В дефектологической практике учет полученных данных поможет в составлении лонгитюдных программ коррекции и психологического сопровождения детей с неврологическими нарушениями.

Список литературы

1. Агаркова Е. В., Губарева Л. И., Колодийчук Е. В., Ермолова Л. С. Зависимость уровня агрессии и враждебности от типа темперамента и свойств нервной системы // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2014. Т. 9, № 1. С. 38–42.
2. Балакирева Е. А., Красноруцкая О. Н., Калмыкова Г. В., Боронина И. В., Нерешина А. Ф., Балакирева А. И. Нерешенные вопросы детской неврологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2014. №24-1 (195). С. 5–7.
3. Бармотина В. К. Изучение личностной готовности к школе детей с проблемами в развитии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 21 (51). С.156–158.
4. Белоусова Е. Д., Зиненко Д. Ю., Крапивкин А. И. Актуальные проблемы детской неврологии // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2014. Т. 59, № 1. С. 8–14.
5. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.; СПб.: АСТ: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. URL: <https://www.elkniga.ru/static/booksample/00/19/15/00191530.bin.dir/00191530.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).
6. Гржибовский А. М., Иванов С. В., Горбатова М. А. Описательная статистика с использованием пакетов статистических программ STATISTICA и SPSS // Наука и здравоохранение. 2016. № 9. С. 17–34.
7. Жакупова М. Н., Исаева Р. Б., Оспанова Д. А., Нурбакыт А. Н. Основные причины развития детского церебрального паралича // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2019. № 1. С. 176–179.
8. Заваденко Н. Н. Задержки раннего нервно-психического развития: подходы к диагностике // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2015. № 5. С. 6–13.
9. Ильин В. И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 28–40.
10. Кабановская Е. Ю. Некоторые аспекты изучения базовых эмоций в психологии // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 3. С. 112–113.
11. Barrett L. F. Emotions Are Real [Электронный ресурс] // Emotion. 2012. Vol. 12, No. 3. P. 413–429. URL: <https://www.affective-science.org/pubs/2012/emotions-are-real.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).
12. Claréus B., Renström E. A. Patients' return-to-work expectancy relates to their beliefs about their physician's opinion regarding return to work volition and ability // Journal of Pain Research. 2019. Vol. 12. P. 353–362. DOI: <https://doi.org/10.2147/JPR.S179061>
13. Connor D. F., Newcorn J. H., Saylor K. E., Amann B. H., Scahill L., Robb A. S., Jensen P. S., Vitiello B., Findling R. L., Buitelaar J. K. Maladaptive Aggression: With a Focus on Impulsive Aggression in Children and Adolescents // Journal of Child and Adolescent Psychopharmacology. 2019. Vol. 29, No. 8. P. 576–591. DOI: <https://doi.org/10.1089/cap.2019.0039>
14. McDonnell C., Boan A., Bradley C., Seay K., Charles J., Carpenter L. Child maltreatment in autism spectrum disorder and intellectual disability: results from

a population-based sample // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2018. Vol. 60, Issue 5. P. 576–584. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.12993>

15. *Moeschler J. B., Shevell M.* Comprehensive Evaluation of the Child With Intellectual Disability or Global Developmental Delays // *Pediatrics*. 2014. Vol. 134, Issue 3. P. 903–918. DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2014-1839>

16. *Panerai S., Catania V., Rundo F., Ferri R.* Remote Home-Based Virtual Training of Functional Living Skills for Adolescents and Young Adults With Intellectual Disability: Feasibility and Preliminary Results // *Frontiers in Psychology*. 2018. № 9. P. 54–58. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01730>

17. *Hofer S., Gray K., Piccinin A., Mackinnon A., Bontempo D., Einfeld S., Taffe J., Hoffman L., Parmenter T., Tonge B.* Correlated and Coupled Within-Person Change in Emotional and Behavior Disturbance in Individuals with Intellectual Disability [Электронный ресурс] // *American Journal on Intellectual and Developmental Disabilities*. 2009. Vol. 114, Issue 5. P. 307–321. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1595&context=psychfacpub> (дата обращения: 21.07.2021).

18. *Uher J.* Personality Psychology: Lexical Approaches, Assessment Methods, and Trait Concepts Reveal Only Half of the Story – Why it is Time for a Paradigm Shift // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2013. Vol. 47. P. 1–55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12124-013-9230-6>

19. *Adeniyi Ye. C., Omigbodun O. O.* Effect of a classroom-based intervention on the social skills of pupils with intellectual disability in Southwest Nigeria // *Child Adolesc Psychiatry Ment Health*. 2016. Vol. 10, Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13034-016-0118-3>

Дата поступления статьи: 28.07.2021

Зиновьева Людмила Васильевна

*кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, lypansh@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8604-0772*

РОЛЕВЫЕ КОНФИГУРАЦИИ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИТ-КОМАНДЫ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования ролевых конфигураций в структуре командного взаимодействия сотрудников ИТ-сферы. Содержательно интерпретируется качественный аспект ролевых конфигураций с точки зрения влияния на социальное восприятие усвоенных в индивидуальном опыте ролевых диспозиций, ожиданий и аттитюдов. В исследовании приняли участие 99 сотрудников (72 мужчины, 27 женщин) ИТ-компании г. Новосибирска в возрасте от 24 до 44 лет. Для оценки ролевых компонентов и экспектаций в структуре командного взаимодействия применялась авторская методика оценки психосоциального профиля личности. Согласно цели исследования применялся корреляционный анализ по критерию χ^2 -Пирсона. Качественное описание указывает на наличие шести основных ролевых паттернов с определенными ожиданиями, связанными с командным сотрудничеством. Результаты исследования в определенной степени свидетельствуют о том, что роли и атрибуции, усвоенные в процессе индивидуального опыта по мере расширения границ межличностного взаимодействия, отражают уникальный характер социальной интеграции субъекта и могут выступать единицами значения в системе координат социального нетворка.

Ключевые слова: ролевая идентичность, ролевая структура, гибкие навыки, сотрудничество, ИТ-команда, модель гибкого развития.

Zinoveva Liudmila Vasilevna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, lypansh@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8604-0772*

ROLE CONFIGURATIONS WITHIN IT-TEAM COLLABORATION

Abstract. This study explored the role configurations of social interaction in IT-team to gain deeper insights into the perceived social impact of individual attitudes, expectations and preconceptions about role patterns. 99 employees (72 men, 27 women) between the ages of 24 and 44 were recruited from an IT company within Novosibirsk, Russia. The Role Profile Technique (RPT) was used to assess perceived social role identity and expectations in team collaboration experiences. In relation to the study issue, Pearson's chi-squared test was effectively used. Responses on the RPT indicated that participants had typical strengths and difficulties with respect to team interaction at the time of the current study. The qualitative description indicated the emergence of six main role patterns with certain expectations related to team collaboration. The role configurations present in the survey are consistent with findings from previous case study research, suggesting that role identity may have the potential to project habitual patterns of thought and emotional responses onto the social interaction.

Keywords: role identity, role configurations, soft skills, collaboration, IT team, Agile development model.

Введение

Ведущие образовательные организации готовят выпускников с высокими аналитическими способностями и твердым знанием основ архитектуры разработки и языков программирования. При этом наработка гибких навыков, таких как общение, лидерство и командный склад ума, проходит бегло и поверхностно. Однако корпоративные рекрутеры при подборе персонала, наряду с оценкой специализированных компетенций, подчеркивают значимость навыков межличностного общения, взаимодействия в команде и других гибких навыков, которые оказываются наиболее труднодостижимыми для выпускников IT-направлений [2; 10]. Тем не менее коллаборация, или сотрудничество, считается важным для решения профессиональных задач в процессе совместной разработки, развития и поддержки IT-проектов. Преодоление конфликтных ролевых отношений, присущих командной работе с нетипичной организацией процесса, отменяющего роль формального лидера, представляет собой вызов для IT-компаний, которые используют современные подходы управления [9; 12]. Для обеспечения ключевых принципов такого управления, среди которых самоорганизация, мультифункциональность и совместная ответственность, становится критически важным способ формирования профессиональных команд с учетом понимания направленности и характера ролевого взаимодействия [14].

В ситуациях межличностного взаимодействия ролевые экспектации отражают характер и форму поведения согласно нормам конкретного общества. И. С. Морозова полагает, что социальные ожидания условно создают атмосферу общего прессинга на поведение индивида, выступая, таким образом, существенным стимулирующим фактором [4]. В работе Е. Г. Баранова, посвященной изучению влияния ролевых взаимоотношений на конфликты в подразделении, роль рассматривается как структурная единица межличностных отношений, неоднородных по своей сути. Автор подчеркивает возможность ролевого подхода в прогнозировании и профилактике конфликтных взаимоотношений путем перестройки соответствующих ролевых структур [1]. В этой связи характеристика роли позволяет предсказать особенности протекания конфликта с ее участием.

Понятие роли совокупно включает функциональный компонент, предписывающий нормативный образ поведения, ожидаемый социумом. В то же время, принимая определенную социальную роль, поведение субъекта носит индивидуальный характер [6]. В данном контексте И. С. Кон утверждает, что социальные экспектации определяют общий контур социальной роли, не зависящий от сознания и поведения конкретного субъекта [3]. Разнообразие ролевой структуры будет отражать комплексность субъективного опыта межличностного взаимодействия.

В настоящее время одним из наиболее распространенных подходов для управления проектами в IT выступает Scrum (от англ. «схватка вокруг мяча в регби»), который является частью семейства процессов разработки в модели Agile. При этом Agile рассматривается как гибкая методология разработки, постулирующая ценности и принципы, которыми должны руководствоваться команды. Так, в Agile-манифесте обозначены следующие основополагающие идеи, согласно которым выстраивается гибкая модель взаимодействия: люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов; работающий продукт важнее исчерпывающей документации; сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта; готовность

к изменениям важнее следования первоначальному плану [8]. Scrum, являясь частью этой модели, представляет собой конструкт (англ. framework) управления разработкой программного обеспечения и его сопровождением [11]. Процесс Scrum-разработки включает совокупность ролей, артефактов, необходимых мероприятий, обеспечивающих конечный бизнес-продукт. Иными словами, Scrum представляет свод правил, согласно которым команда может продуктивно решать проблемы, возникающие в процессе совместного производства определенного бизнес-продукта. Рассмотрим основные роли в команде согласно Scrum.

«*Заинтересованные лица*» с пользовательскими историями, пожеланиями и ожиданиями относительно продукта.

«*Владелец продукта*» (англ. Product Owner) выступает связующим звеном между заказчиком и командой разработки, обладает видением общей стратегии по максимальному увеличению ценности бизнес-продукта, знает, зачем и для кого разрабатывается продукт и какие проблемы он должен решать.

«*Служащий лидер*» (англ. Scrum Master) занимается сопровождением команды с целью увеличения эффективности сотрудничества через обеспечение обратной связи, обучение, стимулирование мотивации, устранение препятствующих факторов и др.

«*Команда разработки*» (англ. Development Team) представляет специалистов, совместно разрабатывающих бизнес-продукт.

В целом процесс взаимодействия между ролями в Scrum предполагает конструктивное противостояние, в рамках которого владелец продукта фокусируется на перспективах и приоритетах для увеличения ценности проекта. Команда разработки фокусируется на грамотной архитектуре и технических деталях. Служащий лидер, или Scrum-мастер, фокусируется на сокращении цикла обратной связи от заинтересованных лиц.

Вместе с тем, согласно принципам Scrum, взаимодействующая команда должна иметь ряд качеств: быть *самоорганизующейся*, т. е. никто, включая приведенные выше роли, не имеет полномочий давать строгие указания команде разработки по преобразованию проекта; быть *многофункциональной*, т. е. обладать всеми необходимыми для реализации продукта навыками; *разделяющей ответственность*, т. е. за выполняемую работу несет ответственность команда в целом, но не индивидуальный член. Авторами подхода Scrum подчеркивается нетипичность организации процесса в связи с отсутствием формального лидера, что является важным условием для развития адаптивного потенциала команды, готовой к изменениям вводных требований и способной решить необходимые задачи с минимальной координацией. Следует отметить, что такой упор на самоорганизацию и многофункциональность команды требует дифференцированного подхода на этапе подбора сотрудников, их обучения и дальнейшей поддержки мотивации [11; 13].

Согласно данным, представленным международной IT-компанией ABYU, основная доля принимаемых решений (84 %) приходится на малую часть профессионалов (3 %), которые, в свою очередь, влияют более чем на 80 % остальных сотрудников [7]. Кроме того, эта малая часть так называемых инфлюенсеров составляет число неформальных лидеров, которые определенным образом пересекаются, но в полной мере не совпадают с группой формальных лидеров. В этой связи рассмотрение качественных компонентов, составляющих интерактивно ролевой характер в структуре IT-команд, становится **актуальной задачей** исследователей.

Данная статья построена на основе эмпирического исследования, **целью** которого являлось изучение ролевых конфигураций и экспектаций, соответствующих профессиональной роли в IT-сфере.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 99 сотрудников международной IT-компании г. Новосибирска (72 мужчины и 27 женщин в возрасте от 24 до 44 лет). В качестве диагностического инструментария, релевантного целям исследования, применялся способ оценки психосоциального профиля, который позволяет проанализировать своеобразие ролевых компонентов в структуре взаимодействия [5].

Дизайн исследования включал три этапа. *На первом этапе* каждому участнику последовательно предлагалось выбрать три фигуры, с которыми он идентифицируется, и одну фигуру, с которой крайне не идентифицируется. Далее участники характеризовали каждую выбранную фигуру одним качеством, которое, по мнению испытуемого, объединяет его и фигуру (первые три фигуры) и крайне отличает выбранную фигуру и испытуемого (четвертая фигура). *На втором этапе* участникам предлагалось выбрать три фигуры одну за другой, которые, по их мнению, являются ведущими в профессиональной команде, и одну фигуру, которая в наименьшей степени соответствует их профессиональной команде. Далее респонденты присваивали каждой выбранной фигуре одно качество, которое делает фигуру ведущей в команде (первые три фигуры) и не соответствующей их профессиональной команде (четвертая фигура). *Третий этап* предполагал изучение взаимосвязи между актуальной ролью, контр-ролью, ведущей ролью в команде и ролью, инкогерентной команде, а также изучение сопряженности между ролевым профилем и атрибутивными характеристиками. Согласно указанной цели применялся критерий χ^2 -Пирсона, так как изучаемые признаки измерены в номинативной шкале. Полученные результаты обрабатывались посредством программы STATISTICA Advanced + QC 10 for Windows Ru.

Результаты и их обсуждение

Последовательная реализация диагностических процедур, согласно целям исследования, с использованием авторской методики позволила обеспечить возможность взаимодействия респондентов через фигуры, представляющие социальные роли, персонажи, наделяя их атрибутами, навыками, способностями, сильными и слабыми характеристиками. В результате применения корреляционного анализа по критерию χ^2 -Пирсона были обнаружены значимые взаимосвязи между актуальной ролью, контр-ролью, ролью, ведущей в команде, и ролью, инкогерентной команде (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопряженность актуальной роли, контр-роли, роли, ведущей в команде, и роли, инкогерентной команде

Переменные	χ^2	ст. св.	p
Актуальная роль и контр-роль	114,1331	сс = 56	p = ,00001
Актуальная роль и роль, ведущая в команде	86,38528	сс = 49	p = ,00078
Актуальная роль и роль, инкогерентная команде	122,0720	сс = 49	p = ,00000

Результаты показали, что значительная часть респондентов идентифицируется с фигурами *герой* (36,7 %) и *дева* (13,3 %), определяя им положение **актуальной роли**, т. е. первое место в выборе на первом этапе исследования. Следует отметить, что фигура *герой* (23,3 %) также обозначена испытуемыми в качестве **роли, веду-**

щей в команде, наряду с фигурами *мальчик* (23,3 %) и *отец* (13,3 %). При этом *дева* не фигурирует в последующих выборах среди участников исследования.

Анализ сопряженности выборов актуальной роли и **контр-роли** демонстрирует, что из числа испытуемых, которые идентифицируются с фигурой *герой*, на позицию контр-роль выбраны преимущественно фигуры *трикстер* (23,3 %), *мальчик* (16,6 %), *ведьма* (13,3 %) и *старик* (13,3 %). В то же время при выборе фигур на позицию **роли, инкогерентной команде**, обозначены фигуры *трикстер* (26,6 %), *старуха* (16,6 %), *девочка* (16,6 %) и *отец* (13,3 %).

С целью изучения сопряженности между ролевым профилем и ожиданиями применялся критерий χ^2 -Пирсона, так как изучаемые признаки измерены в номинальной шкале (см. табл. 2).

Таблица 2

Сопряженность ролевых конфигураций и ожиданий

Сопрягаемые переменные	χ^2	ст. св.	p
Актуальная роль и ожидания	315,2727	сс = 140	p = ,00000
Контр-роль и ожидания	420,0000	сс = 176	p = ,0000
Роль, ведущая в команде, и ожидания	368,5714	сс = 168	p = ,0000
Роль, инкогерентная команде, и ожидания	353,5000	сс = 161	p = ,00000

В результате применения корреляционного анализа по критерию χ^2 -Пирсона были обнаружены значимые взаимосвязи между ролевыми фигурами, с которыми идентифицировался / не идентифицировался каждый испытуемый, и дескрипторами, представляющими ожидания относительно роли (табл. 2). В таблице 3 обозначены фигуры с наибольшей содержательной представленностью ролевых ожиданий в порядке следования от наиболее к наименее называемым респондентами характеристикам.

Таблица 3

Сопряженность ролевых конфигураций и ожиданий

Профиль	Фигура	Ролевые ожидания
1	2	3
<i>Какое качество делает похожими вас и выбранную фигуру?</i>		
Актуальная роль	Герой	Уверенность, смелость, стойкость, свободолюбие
	Дева	Открытость, легкость
<i>Какое качество крайне отличает вас и выбранную фигуру?</i>		
Контр-роль	Трикстер	Скрытность, хитрость, социопатичность
	Мальчик	Инфантильность, молодость, поверхностность
	Ведьма	Вульгарность, раскрепощенность, феминность, закрытость
	Старик	Старость, негибкость
<i>Какое качество делает фигуру ведущей в вашей профессиональной команде?</i>		
Роль, ведущая в команде	Герой	Открытость, смелость, свободомыслие, целеустремленность, прогрессивность
	Мальчик	Энергичность, открытость, разносторонность, сообразительность, юмор, молодость
	Отец	Аккуратность, сосредоточенность, карьеризм, стильность

1	2	3
<i>Какое качество делает фигуру наименее соответствующей вашей команде?</i>		
Роль, инкогерентная команде	Трикстер	Закрытость, двуличность, коварство, хитрость, притворство, недоверчивость
	Старуха	Старомодность, старость, одиночество
	Девочка	Незрелость, феминность, простота, непрофессионализм
	Отец	Занудство, формализм, неуверенность, показушничество

Иными словами, для *героев* своего рода антагонистами выступают *трикстер*, *ведьма*, *ребенок* и *старик*. Присвоенные им характеристики отражают качественную суть ролевого конфликта. Так, согласно описаниям (табл. 3), уверенный, смелый, стойкий и свободолюбивый *герой* противопоставляется скрытному, хитрому и социопатичному *трикстеру*, инфантильному, молодому и поверхностному *ребенку*, вульгарной, раскрепощенной, феминной *ведьме*, а также старому, негибкому *старик*у.

Кроме того, похожие тенденции отмечаются в оценке ролей, инкогерентных команде. Так, в качестве наименее соответствующих рабочей команде ролей повторно отмечается (табл. 3) закрытый, двуличный и коварный *трикстер*, старая и одинокая *старуха*, незрелый и непрофессиональный *ребенок*, а также *отец* с присущим ему занудством и формализмом. Заметим, что *отец* также обозначен среди ведущих в профессиональной команде фигур. В данном контексте ему присвоены такие характеристики, как аккуратность, сосредоточенность и карьеризм. Полярный характер суждений, по-видимому, отражает усвоенные диспозиции, аттитуды и индивидуальный опыт межличностного взаимодействия испытуемых. Дополняют ряд ведущих в профессиональной команде фигур *герой* с такими ценными качествами, как открытость, смелость, свободомыслие, целеустремленность и прогрессивность, и *ребенок* с характерными энергичностью, сообразительностью, юмором и молодостью. На рисунке представлены ролевые конфигурации.

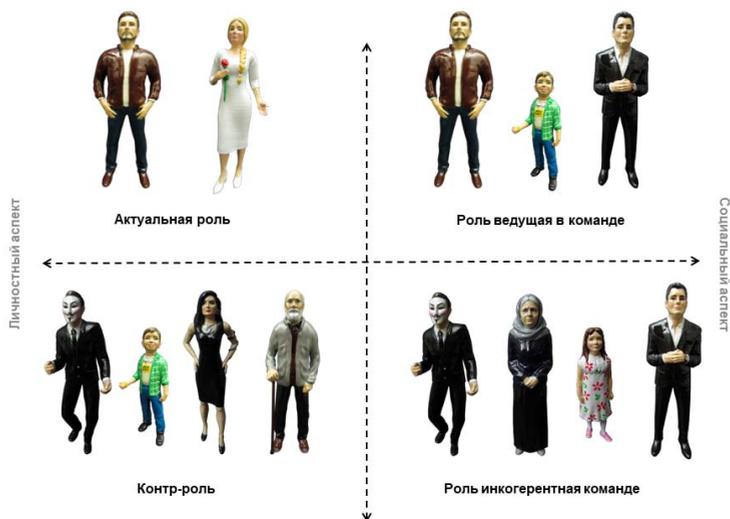

Рис. Конфигурации ролевого профиля

Результаты изучения взаимосвязей между актуальной ролью, контр-ролью, ролью, ведущей в команде, и ролью, инкогерентной команде, в испытуемой выборке свидетельствуют, что ролевые конфигурации и атрибуты относительно фигур могут быть тесно связаны с самовосприятием субъекта. В этой связи актуальная роль и контр-роль, представляющие самоидентификацию респондентов и противопоставление соответственно, также находят место в ролевой конструкции команды в целом, отражая качественную суть ролевого конфликта.

Выводы

Сведения, полученные в рамках данного исследования, приводят к вполне закономерным выводам о том, что роли и атрибуты, усвоенные в процессе индивидуального опыта по мере расширения границ межличностного взаимодействия, отражают уникальный характер социальной интеграции субъекта и могут выступать единицами значения в системе координат социального нетворка. Преобладание в индивидуальном опыте воздействия тех или иных факторов, реализующих процессы личностной динамики, определяет своеобразие ролевой структуры. Регуляция и навигация поведения в межличностном взаимодействии осуществляется в соответствии с ролевыми диспозициями и ожиданиями субъектов общения.

Результаты и методы проведенного исследования, основанные на ролевом подходе в социальной психологии, будут актуальны для практикующих психологов и сотрудников корпораций, чья деятельность связана с тимбилдингом и укреплением социальных отношений посредством тренингов и программ, способствующих психологическому благополучию в условиях корпоративного взаимодействия.

Для достижения комплексного видения и более ясного понимания диспозиций субъекта к определенным ролевым моделям в сфере профессионального взаимодействия дальнейшие исследования могут быть расширены посредством включения данных относительно гендерной, возрастной и социокультурной специфики корпоративных групп.

Список литературы

1. Баранов Е. Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 25–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28948785> (дата обращения: 14.06.2021).
2. Зиновьева Л. В., Ганпанцурова О. Б. Дескриптивные компоненты коммуникативных навыков в аспекте эмерджентности ролевого опыта [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-1. С. 300–304. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42987733> (дата обращения: 14.06.2021).
3. Кон И. С. Социологическая психология: избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. 560 с.
4. Морозова И. С. Интенсификация познавательной деятельности личности: актуальные теоретические и прикладные проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2 (22). С. 123–130.
5. Патент № 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Способ оценки психосоциального профиля личности [Электронный ресурс] / Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». № 2016105668; заявл. 18.02.2016; опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38267575> (дата обращения: 02.07.2021).
6. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Панышина Л. В. Импазо-ролевые особенности успешной профессиональной социализации молодежи [Электронный ре-

сурс] // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2016. Т. 26, № 2. С. 38–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28929377> (дата обращения: 29.07.2021).

7. ABYY Blog. Digital Intelligence to help you stay ahead [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abyy.com/blog/> (дата обращения: 19.05.2021).

8. Agile Manifesto [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20130812165716/http://agilemanifesto.org/iso/ru/> (дата обращения: 08.06.2021).

9. *Alsop R.* Playing Well With Others [Электронный ресурс]. URL: https://www.wsj.com/articles/SB1030139288666555?reflink=desktopwebshare_permalink (дата обращения: 30.06.2021).

10. *Bailey J., Mitchell R. B.* Industry Perceptions of the Competencies Needed by Computer Programmers: Technical, Business, and Soft Skills // *Journal of Computer Information Systems*. 2006. Vol. 47, Issue 2. P. 28–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/08874417.2007.11645951>

11. *Schwaber K., Sutherland J.* The Scrum Guide. The Definitive Guide to Scrum: The Rules of the Game [Электронный ресурс]. URL: <https://scrumguides.org/docs/scrumguide/v2020/2020-Scrum-Guide-US.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

12. *Sun P.* Straddling between technology and gender boundaries: the identity negotiation of female programmers in China // *Information, Communication & Society*. 2021. Vol. 24, Issue 1. P. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1623905>

13. *Yost C. A., Tucker M. L.* Are Effective Teams More Emotionally Intelligent? Confirming the Importance of Effective Communication in Teams // *Delta Pi Epsilon Journal*. 2000. Vol. 42, Issue 2. P. 101–109.

14. *Zydziumaite V., Kasperuniene J., Psaroudakis I., Salvini A.* (eds) Professional identity construction in digital times. Pisa, Italy: Pisa University Press, 2019.

Дата поступления статьи: 10.08.2021

Мекебаев Нуржан Сапарханович

*адъютант, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала
И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
Новосибирск, Россия, nirsib84@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9444-6809*

Перевозкина Юлия Михайловна

*доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической
и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический
университет; профессор кафедры педагогики и психологии, Новосибирский
военный ордена Жукова институт имени генерала И. К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия, per@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-4201-3988*

Федоришин Михаил Иванович

*кандидат психологических наук, старший помощник начальника лаборатории
психологического отбора – психолог отдела по работе с личным составом,
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия,
maskarad14@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-5509-0486*

МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. В условиях социальных, демографических и образовательных изменений ожидается, что военнослужащие будут готовы к постоянному развитию навыков, расширению знаний и получению опыта военно-профессиональной деятельности. В этом исследовании изучаются ментальные модели военнослужащих в рамках учебного учреждения с целью углубления научного понимания ментальных моделей, создания и реализации устойчивой модели социального взаимодействия военнослужащих для их профессионального развития. Данные исследования включают 167 полуструктурированных интервью на основе стимульного материала методики «Калейдоскоп» с каждым военнослужащим Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Эти интервью были проанализированы с использованием качественного и количественного методов. В частности, основанного на данных, но теоретически обоснованного контент-анализа и количественного: частотный анализ и критерий χ^2 -Пирсона. Полученные данные показывают, что ментальные модели военнослужащих в отношении их социального взаимодействия можно охарактеризовать как противоречивые и даже противоположные. Дифференцирующим показателем между двумя группами военнослужащих с наличием и отсутствием боевого опыта является первая роль – роль, с которой себя идентифицирует респондент, а также роль другого участника социального взаимодействия, которая также выступает различительной для курсантов и военнослужащих по контракту. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что на формирование ментальных моделей военнослужащих оказывает влияние боевой опыт, что подтверждает данные других авторов, а также специфика выполнения задач в военно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: социальные отношения, профессиональное развитие, военнослужащие, роли, ментальные модели.

Mekebaev Nurzhan Saparkhanovich

Adjunct, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, nursib84@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-9444-6809

Perevozkina Yuliya Mikhailovna

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, per@bk.ru ORCID ID: 0000-0002-6790-4835

Fedorishin Mikhail Ivanovich

Candidate of Psychological Sciences, Senior Assistant of Psychological Selection Laboratory – Psychologist of the Personnel Department, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, maskarad14@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-5509-0486

**MENTAL MODELS OF SOCIAL INTERACTION
OF MILITARY PERSONS**

Abstract. In the context of social, demographic and educational changes, the military is expected to be prepared for the continuous development of skills, knowledge and experience in military professional activities. This study examines the mental models of military personnel within the framework of an educational institution in order to deepen the scientific understanding of mental models, create and implement a sustainable model of social interaction of military personnel for their professional development. These studies include 167 semi-structured interviews based on stimulatory material of the Kaleidoscope technique with each serviceman at the Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General I. K. Yakovlev of the troops of the National Guard of the Russian Federation. These interviews were analyzed using qualitative and quantitative methods. In particular, data-based but theoretically based content analysis and quantitative: frequency analysis and the χ^2 -Pearson test. The data obtained show that the mental models of servicemen in relation to their social interaction can be characterized as contradictory and even opposite. The differentiating indicator between the two groups of servicemen with and without combat experience is the first role – the role with which the respondent identifies himself, as well as the role of another participant in social interaction, which also acts as a distinctive feature for cadets and contract servicemen. The results of the study made it possible to conclude that the formation of the mental models of servicemen is influenced by combat experience, which is confirmed by the data of other authors, as well as the specifics of performing tasks in military professional activities.

Keywords: social relations, professional development, military personnel, roles, mental models.

Введение

Актуальность исследования связана с тем, что во всем мире военнослужащие должны быть готовы к выполнению служебно-боевых задач в постоянно меняющейся среде, трансформации в которой вызваны глобальными политическими, экономическими и социальными изменениями, такими как военные конфликты,

терроризм, цифровизация, миграция и изменение климата. Кроме того, реформы образовательных программ и преобразования в военной структуре могут поставить под угрозу эффективность профессиональной подготовки и образ мышления военнослужащего. Тем не менее профессиональная подготовка военнослужащих – это сложный процесс, который требует индивидуального и коллективного, эмоционального и когнитивного участия. Это процесс формирования убеждений военнослужащего, повышения его осведомленности о политической обстановке, национальной культуре, включая и трансформацию личностных качеств, которые влияют на эти убеждения [4; 15].

Термины «профессиональное развитие» и «профессиональное обучение» обозначают различные практики и подходы, способствующие постоянному развитию навыков, расширению знаний и получению опыта военнослужащих, а также их профессиональному росту [19]. Профессиональное развитие военнослужащих основано на социокультурном контексте военного коллектива, который определяет то, как военнослужащие живут и действуют. Теории, характеризующие ситуативность и социальную природу обучения, сместили акцент в научной литературе с отдельных функций на системный, комплексный характер профессионального развития [19; 6], сфокусированный на улучшении военных организаций через системные изменения [16].

В нашей работе рассматриваются ментальные модели военнослужащих, под которыми понимаются глубоко укоренившиеся убеждения и обобщения, влияющие на то, как военнослужащие понимают мир и какие действия они предпринимают [25]. Ментальные модели – это по существу структурные аналоги мира, включающие концепции, предложения, сценарии, фреймы или мысленные образы, которые специфичны для данной задачи в определенный период и динамически меняются с течением времени. Военная структура – это прежде всего специфический коллектив, с очень четким распределением ролей, ролевых ожиданий, интеракциями между участниками профессионального взаимодействия. В ряде исследований было показано, что как сходство, так и точность ментальных моделей влияют на результативность команды [20; 21]. Более того, общая ментальная модель ролей и обязанностей в четко структурированных командах облегчает командную работу. Общие ментальные модели важны для задач, требующих высокой согласованности действий между разными военнослужащими в воинском коллективе, что является приоритетным в войсках. В воинских коллективах участники должны действовать в соответствии со своими прогнозами относительно понимания требований к выполнению задач и поведения другого в определенной ситуации. Такая координация приводит к эффективному планированию, тем самым улучшая согласованное принятие командных решений и их производительность [26; 27]. Таким образом, настоящее исследование направлено на углубление научного понимания ментальных моделей с целью создания и реализации устойчивой модели социального взаимодействия военнослужащих, необходимой для их профессионального развития.

Самые ранние исследования ментальных моделей направлены на изучение индивидуальных ментальных моделей – процесса мышления, который способствует реализации смысла, необходимого для создания жизненного опыта, формулировки причин и следствий [22]. Вместе с тем потребовалось более 10 лет, прежде чем концепция ментальных моделей была введена в научный оборот относительно коллективной деятельности. Под ментальными моделями понимается согласованность ожиданий всех членов группы относительно ролей и обязанностей членов коман-

ды, информация о ролевом взаимодействии и источниках информации, знаниях, навыках, способностях и потребностях каждого члена группы [22]. Командные ментальные модели характеризуются как структуры знаний или убеждений, которые разделяются членами команды, что позволяет им формировать точные ожидания относительно задачи, а также координировать свои действия и адаптировать свое поведение к требованиям задачи и других участников коллективной деятельности [20]. Термин «ментальная модель команды» предназначен не только для обозначения нескольких уровней или наборов общих знаний или просто для совокупности индивидуальных ментальных моделей, но и для синергетической функциональной совокупности психических функций команд, представляющих сходство, перекрытие и взаимодополняемость [23; 24]. Схожий феномен групповой индивидуализации представлен в одной из современных работ, в которой он понимается как общность поведения курсантов в микрогруппе, которые, однако, отличаются предпочитаемыми стратегиями обучения [1]. Использование групповой ментальной модели для исследования проблем социального взаимодействия военнослужащих позволяет определить перцепцию роли, ее экспектаций, потребностей и ценностей в различных ситуациях в воинском коллективе. В ряде работ указывается на важность учета ролевой модели [10; 13; 14], ролевой идентичности [3] и понимания ролевого взаимодействия у военнослужащих [11; 12]. Однако исследования показывают, что недостаточно знаний об отдельных компонентах социального взаимодействия в воинском коллективе [2; 4] и необходимо получить системное знание относительно социальных отношений [8; 9; 17].

Развитие ментальной модели зависит от текущей ситуации, точнее говоря, ментальная модель строится на основе требований и ограничений, которые определяются при помощи когнитивных процессов военнослужащих в конкретной ситуации. Обычно формируется более одной ментальной модели. В результате образуются ментальные модели, индивидуальные для каждой задачи, ситуации взаимодействия и конфигурации воинского коллектива. Таким образом, обычно следует различать, по крайней мере, два типа ментальных моделей: модель задачи и модель коллектива. Более подробное разделение на четыре модели, которые обычно используются, было предложено J. A. Cannon-Bowers с соавторами [20]: модель задачи, модель оборудования, модель команды и модель взаимодействия команды. Модель оборудования содержит сведения о функционировании устройства и обращении с ним, а также о возможных неисправностях. P. Badke-Schaub, A. Neumann, K. Lauche, S. Mohammed [18] разработали несколько иную модель и предположили, что ментальные модели могут относиться к знаниям о задаче, процессе, группе, компетенции и контексте. Модель задачи связана с хранимыми в памяти индивида знаниями относительно конкретной задачи. Модель процесса относится к знаниям о том, как реализовать какой-либо процесс наиболее эффективно. Это может быть стратегия решения проблемы. Модель процесса отличается от модели задачи, поскольку она фокусируется на том, как справиться с проблемой, а не на том, какие знания необходимы при выполнении задачи. Модель команды включает в себя знания о других членах команды, об их способностях, соответствующих ролях и их экспектациях, а также о взаимодействии с различными членами команды. Модель компетенций – это общая уверенность в том, насколько команда способна выполнить задачу. Вопросы, связанные с компетенцией, влияют на принятие задачи и, следовательно, на производительность команды. Контекстная модель относится ко всем «базовым знаниям», которые отражают данную ситуацию, например, используемые средства

коммуникации, организационные аспекты и возможности и многое другое. Авторы, разработали структуру ментальной модели, характерной для всех предложенных ими типов моделей (см. рис.).

Рис. Структура ментальной модели

Рисунок демонстрирует, как развиваются ментальные модели в командах. Исходя из текущей ситуации, каждый член команды воспринимает реальность благодаря своему активному восприятию, памяти (опыту), предшествующим знаниям и потребностям. Эти факторы могут существенно различаться между отдельными субъектами взаимодействия, они определяют особенности индивидуальных ментальных моделей для конкретной ситуации. Когда члены команды обмениваются своими моделями в интеракциях, они создают ментальную модель команды. Это может быть связано с одним из пяти аспектов содержания: задачей, процессом, командой, компетенцией или контекстом. В результате наличие и особенности этих пяти моделей влияют на эффективность выполнения поставленной задачи перед командой.

Кроме того, ученые, занимающиеся изучением командных ментальных моделей, выделяют два вида команд: творческие и тактические [1]. Основная характеристика тактических команд – ясность поставленной задачи. Акцент в процессе делается на директивных, узконаправленных задачах, однозначной ясности ролей, четко определенных операционных стандартах и точности. Напротив, главная характеристика творческих коллективов – это автономность. От участников таких команд требуется изучить возможности и альтернативы, разнообразие метакогнитивных стратегий, которые выражают индивидуальность и могут способствовать творческому процессу решения проблем и тем самым улучшать результат. Согласно нормативно-правовым актам военная структура организована на принципе единоначалия, который в свою очередь основывается на формализме и конформизме, что способствует подавлению индивидуальности, следовательно, творческой деятельности в целом [14]. В этой связи воинский коллектив максимально приближен к тактическому типу команды, что предполагает необходимость построения ментальной командной модели, позволяющей эффективно выстраивать взаимодействие между субъектами военно-профессиональной деятельности.

Методы и материалы

С целью определения универсальной модели социального взаимодействия военнослужащих было проведено исследование среди 167 военнослужащих на базе Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании приняли участие курсанты 3 года обучения (54 человека) и военнослужащие по контракту (113 респондентов). В эмпирической выборке 55 военнослужащих участвовали в боевых действиях, а 112 человек не выполняли служебно-боевые задачи в контртеррористических мероприятиях.

Все обследуемые проходили индивидуальную диагностику по методике «Калейдоскоп» [5]. Кроме того, с каждым участником исследования проводилось интервью, включающее в себя выбор фигуры (из стимульного материала методики «Калейдоскоп»), с которой он себя идентифицирует в настоящей повседневной ситуации в рамках профессионального взаимодействия. Далее военнослужащему предлагалось дать вербальное обозначение выбранной фигуре (ролевой модели), определить ее потребность и ценность. Помимо этого, интервьюируемому нужно было выбрать еще две фигуры, с которыми он взаимодействует в контексте военно-профессиональной деятельности, и аналогичным образом описать их. Затем на основе частотного анализа были определены различные сочетания ролевых моделей, наиболее часто встречаемые у военнослужащих, которые рассматривались нами в качестве ментальных моделей. Итого было получено 10 ментальных моделей: 1 – отец-герой-старик; 2 – герой-старик-отец; 3 – герой-старик-трикстер; 4 – герой-старик-мальчик; 5 – герой-отец-трикстер; 6 – герой-отец-мальчик; 7 – другое сочетание; 8 – отец-трикстер-мальчик; 9 – отец-герой-трикстер; 10 – отец-герой-мальчик. Каждому респонденту присваивался номер соответствующей модели. Необходимо отметить, что ментальные модели под номером 7 не принимались к рассмотрению ввиду их большой вариативности.

Далее проводился анализ сопряженности выявленных ментальных моделей и наличия участия в боевых действиях, специфики выполнения задач в военно-профессиональной деятельности (курсанты – обучение, военнослужащие по контракту – оказание непрерывной помощи в обучении в военной образовательной организации) и подразделения при помощи критерия χ^2 -Пирсона (табл. 1).

Таблица 1

Частотное распределение категорий военнослужащих по подразделениям в зависимости от специфики выполнения задач в военно-профессиональной деятельности

Категория	Подразделение	Частота
Военнослужащие по контракту	Рота материального и технического обеспечения	20
	Рота обеспечения учебного процесса	22
	Комендантская рота	22
	Автомобильная рота	17
	Ремонтный взвод	32
Курсанты	5 рота	21
	6 рота	20
	13 рота	6
	15 рота	2
	12 рота	5

Результаты и их обсуждение

Анализ полученных результатов показывает статистически значимую сопряженность всех исследуемых параметров (табл. 2).

Таблица 2

Сопряженность ментальных моделей и наличия участия в боевых действиях, подразделения, специфики деятельности военнослужащих (χ^2 -Пирсона)

Первый сопрягаемый параметр	Второй сопрягаемый параметр	χ^2	p
Ментальная модель	Наличие участия в боевых действиях	16,97	0,04
	Подразделение	102,56	0,05
	Специфика деятельности	18,00	0,04

Так, для военнослужащих, которые не имеют боевого опыта, приоритетной ментальной моделью является вторая, включающая следующее сочетание ролей: герой-старик-отец. Вместе с тем для военнослужащих, которые участвовали в боевых действиях, доминирующей ментальной моделью является первая, содержащая следующее сочетание ролей: отец-герой-старик. Для военнослужащих по контракту наиболее часто встречается вторая ментальная модель. Тогда как для курсантов – пятая, включающая в себя следующее сочетание ролей: герой-отец-трикстер. В зависимости от специфики выполнения задач в военно-профессиональной деятельности ментальные модели выражены следующим образом: рота материального и технического обеспечения – пятая ментальная модель; рота обеспечения учебного процесса – пятая ментальная модель; комендантская рота – нет доминирующей; автомобильная рота – вторая ментальная модель; ремонтный взвод – вторая ментальная модель; 5 рота – пятая ментальная модель; 6 рота – пятая ментальная модель; для остальных рот характерно плавающее распределение ментальных моделей. Полученные результаты сведены в таблице 3.

Таблица 3

Обобщенные ментальные модели у военнослужащих различных категорий

Категории военнослужащих	Ментальная модель	Роловое соотношение в модели
Участвующие в боевых действиях	1	Отец-герой-старик
Не участвующие в боевых действиях	2	Герой-старик-отец
Военнослужащие по контракту	2	Герой-старик-отец
Курсанты	5	Герой-отец-трикстер
Рота материального и технического обеспечения	5	Герой-отец-трикстер
Рота обеспечения учебного процесса	5	Герой-отец-трикстер
Комендантская рота	–	–
Автомобильная рота	2	Герой-старик-отец
Ремонтный взвод	2	Герой-старик-отец
5 рота	5	Герой-отец-трикстер
6 рота	5	Герой-отец-трикстер

Итак, анализируя полученные результаты, отметим некоторые довольно важные тенденции. Во-первых, дифференцирующим показателем между двумя группами

военнослужащих с наличием и отсутствием боевого опыта является первая роль – роль, с которой себя идентифицирует респондент, а также роль другого участника социального взаимодействия. Для военнослужащих, не участвующих в боевых действиях, у всех ментальных моделей первой ролью, с которой себя они идентифицируют, является роль героя. Как показывают исследования, связанные с ролевой идентичностью [8], для молодых людей мужского пола характерен выбор именно роли героя, которая связана со стремлением к преодолению препятствий, к победе, к достижениям. Это отражает устремления, свойственные молодости. Согласно проводимому интервью роль героя военнослужащие без опыта боевых действий связывают с такими характеристиками, как целеустремленность (31 %) и доброта (25 %). Для них эта роль ассоциируется с ролью помощника (33 %). Роли героя, согласно представлениям военнослужащих, не участвующих в военных действиях, свойственна потребность в карьерном росте (40 %) и образовании (20 %), а главной ценностью является семья (75 %).

Модель героя кардинально отличается от роли отца, с которой идентифицируют себя военнослужащие с наличием боевого опыта, и именно это и является дифференцирующим признаком между двумя группами военнослужащих. Они связывают ее с ролью лидера (44 %). Роль отца, по данным Ю. М. Перевозкиной [7], является отражением руководящего потенциала. Это руководитель, который контролирует, управляет и создает необходимые условия для функционирования группы. Следовательно, участники боевых действий, опираясь на собственный опыт ведения боя, где чаще всего они исполняли роль командира, ассоциируют себя с этой ролевой моделью. Эта роль, по данным интервью с военнослужащими, участвовавшими в боевых действиях, характеризуется отзывчивостью (44 %) и требовательностью (22 %). По всей видимости, именно эти качества являются наиболее важными для военнослужащих в ситуации боевых действий. Среди потребностей и ценностей роли отца доминируют аналогичные роли героя для военнослужащих без боевого опыта: потребность в карьерном росте, образовании и ценность семьи. Необходимо отметить, что для всех категорий военнослужащих приоритетными выступают именно потребности в образовании и карьерном росте, а ценность семьи вообще является доминирующей (71 % из всей выборки).

У военнослужащих с боевым опытом ролью, с которой они ассоциируют одного из участников социального взаимодействия, является герой, а для не имеющих такого опыта – роль отца. Итак, ролевая модель отца для категории военнослужащих без опыта боевых действий связана с наставником, который характеризуется как отзывчивый (33 %), с ведущей потребностью в карьерном росте (23 %) и ценностью семьи (70 %). В то же время у военнослужащих с боевым опытом роль героя ассоциируется с помощником (27 %), оценивается как спокойная (33 %) с аналогичными доминирующими потребностями и ценностями.

Во-вторых, доминирующими для военнослужащих выступают две ментальные модели взаимодействия – вторая и пятая, которые различны для двух категорий военнослужащих: курсантов и военнослужащих по контракту. В ментальных моделях социального взаимодействия между военнослужащими по контракту и курсантами дифференцирующими выступают роли трикстера и старика. Так, курсанты в качестве одного из участников интеракций выбирают роль трикстера, которая ассоциируется с весельчаком (56 %) и характеризуется в качестве общительного человека (31 %). Ведущей потребностью этой роли курсанты, по результатам проведенного интервью, называют самореализацию (31 %), а ценностями – семью (44 %) и карьеру (31 %).

Военнослужащие по контракту в ментальной модели социального взаимодействия в одной из ролей участников этих интеракций видят роль старика, характеризуя его как мудрого (25 %). Обсуждая полученные результаты, необходимо отметить, что в беседе с категорией военнослужащих большинство из них указывали, что одним из главных аспектов эффективности в их профессиональной деятельности является активное взаимодействие с более опытным офицером. Этот офицер, по словам военнослужащих по контракту, наставляет, объясняет и помогает исправить ошибки в случае принятия ими неверного решения, в ходе выполнения военно-профессиональных задач. Тогда как для курсантов важным является общение с однокурсником, который рассматривается ими в категориях общительности, веселости. Роль старика военнослужащие по контракту ассоциируют с наставником и собеседником (по 25 % каждая). Ведущими потребностями этой роли эта категория военнослужащих обозначает карьерный рост (40 %) и ценность семьи (85 %).

В-третьих, несмотря на идентичность выбора ролей в ментальных моделях социального взаимодействия, их характеристики отличаются в зависимости от категории военнослужащих. Так, одинаковым является выбор роли старика как для военнослужащих с боевым опытом, так и без него, но при этом первая категория ассоциирует его с наставником и помощником (по 28 %), а вторая – с наставником (28 %) и собеседником (24 %). В характеристиках роль старика также имеет отличия в двух категориях военнослужащих. Респонденты, участвовавшие в боевых действиях, называют такие качества, как отзывчивость и рассудительность, тогда как те, кто не имеет такого опыта, выбирают мудрость (все по 29 %).

Аналогичным образом различается восприятие роли отца у военнослужащих по контракту и курсантов. В частности, для военнослужащих по контракту отец ассоциируется с наставником (25 %) с такой характеристикой, как спокойствие (27 %), а для курсантов – с собеседником (27 %) с таким качеством, как рассудительность (27 %).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать несколько основополагающих для профессионального развития военнослужащих выводов.

1. Представленный анализ и результаты исследования демонстрируют, что на формирование ментальных моделей военнослужащих оказывает влияние боевой опыт, что подтверждают данные других исследований (например, P. Badke-Schaub с соавторами [18]). Военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях, чаще всего ассоциируют себя в ситуации социального взаимодействия с ролью лидера, имеющего опыт руководства, принятия решений и принятия ответственности за них. В то же время военнослужащие, не участвующие в боевых действиях, идентифицируют себя с ролью, характерной для их возрастного диапазона, которая связана с ролью помощника и со стремлением к преодолению препятствий, к победе, к достижениям. Это отражает устремления, свойственные молодости.

2. На ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих влияет специфика выполнения задач в военно-профессиональной деятельности. Курсанты, основной деятельностью которых является обучение, включают в качестве участника социального взаимодействия в свои ментальные модели роль, связанную с общением с однокурсником, который рассматривается ими в категориях общительности, веселости и пр. Напротив, для военнослужащих по контракту, основной деятельностью которых выступает оказание непрерывной помощи в обучении в военной образовательной организации, одним из главных аспектов эффективности в их профессиональной деятельности является активное взаимодействие с более опытным

офицером, который их наставляет, объясняет и помогает исправить ошибки в случае принятия ими неверного решения в ходе выполнения военно-профессиональных задач.

3. Размышляя об итогах этого исследования, мы предполагаем, что учет положений и результатов имеет важное значение в профессиональной деятельности военнослужащих, их необходимо учитывать для создания ролевого моделирования в группах курсантов с целью отработки ментальных моделей взаимодействия, связанных с совместным получением военных знаний и с внешними ресурсами, которые военнослужащий не всегда может осознать и адекватно сформировать ментальную модель взаимодействия.

4. Наконец, мы выделяем понятие ментальных моделей, в исследовании которых на примере воинского коллектива сделан первый шаг, что в дальнейшем позволит подойти к системному, а не фрагментарному пониманию этого сложного феномена. По данным Р. М. Сенге с соавторами [26], работа с ментальными моделями играет важную роль в развитии обучающегося сообщества. Когда ментальные модели противоречивы, их не следует интерпретировать исключительно как негативные. Проведенное исследование также показало, что ментальные модели в целом плохо рационализируются, часто неправильно интерпретируются и потенциально подосознательны, а также их нередко трудно идентифицировать и представлять.

Таким образом, усиление внимания к дальнейшему изучению ментальных моделей военнослужащих, например к разработке ментальных моделей в действии, имеет решающее значение для информации о ментальных моделях, обеспечивает возможности для улучшения коммуникации и прозрачности военных практик. Это прежде всего позволит разработать и изучить более устойчивые, ситуативные и действенные модели для эффективного взаимодействия военнослужащих.

Список литературы

1. *Большунова Н. Я., Федоришин М. И.* Индивидуально-психологические особенности личности как факторы саморегуляции курсантов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2018. Т. 46, № 4 (46). С. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2018-46-4-95>
2. *Мекебаев Н. С., Перевозкина Ю. М.* Анализ ролевого поведения военнослужащих с позиции метасистемного подхода: исследовательские задачи и практические возможности [Электронный ресурс] // СМАЛТА. 2021. № 1. С. 50–57. URL: <http://smalta-ckt.ru/article/view/103> (дата обращения: 20.07.2021).
3. *Мекебаев Н. С., Перевозкина Ю. М., Ветерок Е. В.* Ролевая идентичность военнослужащего // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 2. С. 115–123. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45695591> (дата обращения: 21.07.2021).
4. *Мекебаев Н. С., Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б.* Структура социального взаимодействия: модели и теории [Электронный ресурс] // Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2021: сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 17–18 марта 2021 г.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. С. 127–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46396993> (дата обращения: 21.07.2021).
5. Патент № 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Способ оценки психосоциального профиля личности [Электронный ресурс] / Ю. М. Перевозкина, Л. В. Паньшина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». № 2016105668; заявл. 18.02.2016; опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38267575> (дата обращения: 24.07.2021).

6. *Перевозкина Ю. М., Спириин А. В., Федоришин М. И.* Ценностно-рефлексивные детерминанты саморегуляции курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2 (52). С. 106–113. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43057504> (дата обращения: 24.07.2021).

7. *Перевозкина Ю. М.* Системная модель социально-ролевого функционирования личности [Электронный ресурс] // Интеллект. Культура. Образование: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения РАО И. С. Ладенко, с элементами научной школы для молодежи (Новосибирск, 16–18 сентября 2018 г.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 19–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36303839> (дата обращения: 24.07.2021).

8. *Перевозкина Ю. М.* Субстанционально-темпоральная системность ролевой социализации личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 307 с.

9. *Прюс Ф., Перевозкина Ю. М.* Взаимообусловленность и типы социальных отношений системных образований ролевой социализации: метасистемный подход [Электронный ресурс] // Системная психология и социология. 2020. № 3 (35). С. 5–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44249745> (дата обращения: 24.07.2021).

10. *Прюс Ф., Перевозкина Ю. М.* Системный анализ ролевой социализации в молодежной среде [Электронный ресурс] // Системная психология и социология. 2021. № 1 (37). С. 28–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45731325> (дата обращения: 24.07.2021).

11. *Сивак А. Н., Перевозкина Ю. М., Федосеева И. А.* Предикторы субъективного благополучия курсантов в образовательном процессе высшего командного училища [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 385–398. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38169088> (дата обращения: 24.07.2021).

12. *Спириин А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И.* Взаимообусловленность ролевого структурирования и саморегуляции курсантов с позиции диахронического подхода (на материале исследования курсантов НВИ ВНГ РФ) [Электронный ресурс] // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 432–443. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42969620> (дата обращения: 24.07.2021).

13. *Спириин А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И.* Ценностные детерминанты саморегуляции в ситуации ролевого взаимодействия военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 1 (3). С. 69–76. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42820659> (дата обращения: 24.07.2021).

14. *Спириин А. В., Федоришин М. И., Андронов А. В.* Общие и индивидуальные особенности саморегуляции курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 1 (35). С. 337–350. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34882197> (дата обращения: 24.07.2021).

15. *Федосеева И. А., Перевозкина Ю. М., Гуналов М. М.* Ролевая структура курсантов с разным уровнем социальной адаптации [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 356–372. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38545612i> (дата обращения: 24.07.2021).

16. *Фролова Л. В., Федоришин М. И.* Проблемы социальной адаптации выпускников военных вузов [Электронный ресурс] // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 29 декабря 2016 г.). Новосибирск: Изд-во НВИ ВНГ РФ, 2017. С. 271–276. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28819794> (дата обращения: 24.07.2021).

17. *Adelman H. S., Taylor L.* Systemic Change for School Improvement // Journal of Educational and Psychological Consultation. 2007. Vol. 17, Issue 1. Pp. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.1080/10474410709336590>

18. *Badke-Schaub P., Neumann A., Lauche K., Mohammed S.* Mental models in design teams: a valid approach to performance in design collaboration? // *International Journal of CoCreation in Design and the Arts*. 2007. Vol. 3, Issue 1. Pp. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/15710880601170768>

19. *Bullough R. V.* Professional Learning Communities and the Eight-Year Study [Электронный ресурс] // *Educational Horizons*. 2007. Vol. 85. No. 3. Pp. 168–180. URL: <https://www.jstor.org/stable/42923688> (дата обращения: 24.07.2021).

20. *Cannon-Bowers J. A., Salas E., Converse Sh.* Shared Mental Models in Expert Team Decision Making [Электронный ресурс] // *Individual and Group Decision Making: Current Issues* / N. J. Castellan, Jr. (Ed.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1993. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=HklF9o_x9JEC&oi=fnd&pg=PA221&dq=17.%09Cannon-Bowers+J.+A.,+Salas+E.+and+Converse+S.+Shared+mental+models+in+expert+team+decision+m&ots=wI2-iaEeQz&sig=2nmPjkbV4vIUyjIffb8m5XWhRh w&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 24.07.2021).

21. *Edwards B. D., Day E. A., Arthur W., Bell S. T.* Relationships among team ability composition, team mental models, and team performance // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol. 91. No. 3. Pp. 727–736. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.91.3.727>

22. *Klimoski R., Mohammed S.* Team Mental Model: Construct or Metaphor? // *Journal of Management*. Vol. 20, Issue 2. Pp. 403–437. DOI: [https://doi.org/10.1016/0149-2063\(94\)90021-3](https://doi.org/10.1016/0149-2063(94)90021-3)

23. *Kraiger K., Wenzel L. H.* Conceptual Development and Empirical Evaluation of Measures of Shared Mental Models as Indicators of Team Effectiveness [Электронный ресурс] // *Performance Assessment and Measurement: Theory, Methods, & Applications* / M. T. Brannick, E. Salas, C. Prince (Eds). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781410602053-11/conceptual-development-empirical-evaluation-measures-shared-mental-models-indicators-team-effectiveness-kurt-kraiger-lucy-wenzel> (дата обращения: 24.07.2021).

24. *Langan-Fox J., Anglim J., Wilson J. R.* Mental models, team mental models, and performance: Process, development, and future directions // *Human Factors and Ergonomics in Manufacturing & Service Industries*. Vol. 14, Issue 4. Pp. 331–352. DOI: <https://doi.org/10.1002/hfm.20004>

25. *Larson C. E., LaFasto F. M. J.* Teamwork. What Must Go Right / What Can Go Wrong [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=5omqfxMK5kAC&oi=fnd&pg=PA7&dq=22.%09Larson+C.+E.+and+LaFasto+F.+M.+J.+Teamwork.+What+Must+Go+Right,+What+Can+Go+Wrong&ots=c1tkWbe-DD&sig=QzGRLM_QT3O4NUOvL0HdLvTXoYg&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 24.07.2021).

26. *Senge P. M.* The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization [Электронный ресурс]. URL: http://kmcenter.rid.go.th/kmc08/km_59/manual_59/Book6/The-Fifth-Discipline.pdf (дата обращения: 24.07.2021).

27. *Stout R., Cannon-Bowers J., Salas E., Milanovich D.* Planning, Shared Mental Models, and Coordinated Performance: An Empirical Link Is Established // *Human Factors: The Journal of Human Factors and Ergonomics Society*. 1999. Vol. 41, Issue 1. Pp. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.1518/001872099779577273>

Дата поступления статьи: 05.08.2021

Перевозкин Сергей Борисович

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, per@bk.ru ORCID: 0000-0002-6790-4835

МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения взаимодействия ценностей и потребностей в мотивационно-ценностной структуре военнослужащих. Отмечается важность анализа изучения ценностей и мотивов в военной профессии, связанной со сложностью и неоднозначностью принятия решений военнослужащими в процессе выполнения военно-профессиональных задач. Исследование проводилось на военнослужащих по контракту и курсантах (N = 167). Все респонденты были протестированы по четырем опросникам, два из которых позволяют измерить потребности и мотивацию (Э. Шнейдман, Ш. Ричи и П. Мартин), а два направлены на изучение ценностей (В. Ф. Сопов Л. В. Карпушина, Ш. Шварц в адаптации В. Н. Карандашева). Применение факторного анализа методом главных компонент с вращением «Варимакс нормализованных» позволило выделить шесть компонент, с объяснительной силой более 63 %. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что ценности и мотивы (потребности) в структуре личности военнослужащих тесно переплетаются, образуя определенную иерархическую структуру. Наибольшую интегративную силу имеет фактор, ориентированный на индивидуальную систему ценностно-потребностной сферы военнослужащих и связанный с ценностно-смысловым пониманием профессиональных действий.

Ключевые слова: мотивация, потребности, структура, ценности, военно-профессиональная деятельность.

Perevozkin Sergey Borisovich

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, per@bk.ru ORCID: 0000-0002-6790-4835

STRUCTURE OF MOTIVATION AND VALUE OF MILITARY

Abstract. The article deals with the problem of determining the interaction of values and needs in the motivational-value structure of servicemen. The importance of analyzing the study of values and motives in the military profession, associated with the complexity and ambiguity of decision-making by military personnel in the process of performing military professional tasks, is noted. The study was conducted on contract military personnel and cadets (N = 167). All respondents were tested using four questionnaires, two of which measure the needs and motivation of E. Schneidman, S. Ritchie and P. Martin, and two are aimed at the study of values, V. F. Sopov, L. V. Karpushin, Sh. Schwartz, adapted by V. N. Karandasheva. The use of factor analysis by the method of principal components with rotation «Varimax normalized» made it possible to identify six components, with an explanatory power of more than 63 %. The conducted research allows us to conclude that the values and motives (needs) in the structure of the personality of servicemen are closely intertwined, forming a certain hierarchical structure. The factor that is focused on

the individual system of the value-needs sphere of servicemen, which is associated with the value-semantic understanding of professional actions, has the greatest integrative force.

Keywords: motivation, needs, structure, values, military professional activity.

Введение в проблему

Проблемы, связанные с выявлением мотивов и ценностей различных групп – студентов, выпускников вооруженных сил, в целом военнослужащих, так же стары, как и сами организации. Тем не менее как в научной литературе, так и в литературе по военной психологии на современном этапе отсутствуют какие-либо систематические попытки подвергнуть представления о мотивационно-ценностной структуре более тщательному анализу и сделать это в рамках концептуальных рамок системного подхода. Согласно этому подходу ценности и мотивы тесно взаимодействуют между собой, вступая в иерархические отношения и составляя ядро личности военнослужащего.

Изучение ценностей и мотивов в военной профессии особенно важно, так как решения, которые лежат в процессе выполнения военно-профессиональных задач, очень часто не лежат на поверхности и требуют сложного и не однозначного ответа. Наконец, большинство военных операций требуют решений, которые имеют иногда даже смертельные последствия для самих военнослужащих и других вовлеченных сторон [34]. Одна из причин этого заключается в том, что военнослужащим по закону разрешено применять насилие, поэтому они должны решить, когда и в какой степени это уместно. Следовательно, при взаимодействии с другими военнослужащими часто возникает вопрос: что делать? [18; 21]. Это представляет собой столкновение между заботой о самосохранении, с одной стороны, и гуманностью и соблюдением кодекса поведения, с другой. Обычно такие ситуации включают ценностно-мотивационные аспекты, на основе которых и принимается решение.

Сегодняшняя растущая сложность военных операций, возможно, создает большую двусмысленность и, таким образом, делает ценностные дилеммы все более заметным аспектом военной профессии в разных званиях и родах [13]. Действительно, исследование М. С. de Graaff с соавторами [18] показало, что все военнослужащие регулярно сталкиваются с ценностно-моральными дилеммами во время выполнения боевых и повседневных задач, начиная от проблем, связанных с их командной деятельностью, с взаимодействием с местным населением, и до личных проблем, обусловленных противоречием между ценностями, потребностями и мотивами самого военнослужащего и требованиями устава и пр. Это требует от военнослужащего больших возможностей для собственной оценки ситуации и, следовательно, компетенций более высокого уровня [11].

Проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие при выполнении военно-профессиональных задач, могут разрушить личные представления о таких ценностях, как справедливость, гуманность и честность, и, следовательно, представления о самой жизни [16]. Таким образом, могут возникать внутренние конфликты, вызывающие психологические, эмоциональные и духовные проблемы [29].

В этой связи важным является изучение структуры ценностно-мотивационной сферы военнослужащих, что и выступило целью настоящего исследования.

Ценности в научной литературе рассматриваются как средство раскрытия логики социальных общностей, как ключ к их разнообразной реализации в повседневной жизни. Д. Грэбер в своей классификации понимает ценности в качестве «нормативно желаемого», т. е. того, что субъекты социальной общности «долж-

ны хотеть» [19]. Ценности представляют некие общие императивы, они являются коллективно признанными концепциями, которые свойственны большинству представителей того или иного культурного сообщества. Ценности включают представления о добре, добродетели, законности, красоте, справедливости и пр. Это идеалы, которые бывают этическими, религиозными, политическими и эстетическими и т. д. Существует большое количество видов ценностей: моральные добродетели, социальные нравы, эстетические идеалы, локализованные представления о благополучии и навязанные государством идеологические установки. Среди современных зарубежных теорий ценностей можно выделить две наиболее обсуждаемые – Дж. Роббинса и Д. Грэбера. Согласно Д. Грэберу [19], ценности представляют собой инвестиции в любое действие. Дж. Роббинс [32] добавляет причинное объяснение того, как ценности становятся целями, ради которых и в соответствии с которыми субъект начинает действовать.

Среди ресурсов, которые доступны субъектам профессионального взаимодействия и формируют их, ценности могут быть особенно полезны для изучения той роли, которую они играют в мотивации индивида, в обеспечении ориентации профессиональной деятельности. Возможно, сама пластичность человеческой мотивации, ее способность принимать разнообразные формы требует стабилизации через ценности, которые и задают ей направление. Как утверждают Н. Лонг и Г. Мур, отношение само по себе не обеспечивает директивной силы, определяющей, как отношения должны строиться, управляться или переживаться [28]. Скорее, «направление» в основном проистекает из «этического соображения» и требует его понимания, «форм и средств, с помощью которых люди представляют себе отношения с собой и с другими» [28].

Согласно Х. Йоасу, ценности можно рассматривать как «оценочные критерии», которые используются «для оценки наших предпочтений, влечений и мотивов» [22]. В этом смысле ценности – это больше чем предпочтения или склонности, и они отличны от норм. На самом деле, они имеют значение оценивания во многом из-за человеческой склонности к оценке всего того, что окружает нас. По словам У. Кина, человек склонен оценивать себя, других и т. д. Субъекты могут действовать вопреки этим оценкам, но редко бывают к ним равнодушны [23]. Сторонники этического поворота обращают внимание на то, как оценка делает специфические этические соображения широко распространенными в социальной и личной жизни [26; 27]. Причем, по мнению Дж. Лэйдлоу [26], оценка – это рефлексивное стремление, включающее в себя подлинную свободу, этическую ответственность и самообразование, которое не может быть сведено только к сопротивлению структурам и реализации своих интересов. Более того, оценочная ориентация является не только продуктом человеческого общества или внутренних склонностей самого индивида, но также она связана с природой вещей и событий вне их собственного «Я». В этой связи возникает проблема проявления ценностей в человеческом опыте, в том числе, что важно, как они связаны с мотивами и потребностями, т. е. теми условиями, которые часто обеспечивают то, что У. Кин [23] называет «этическими аффордансами» – условиями, способствующими оценке.

Вместе с тем отметим, – даже несмотря на то, что ценности представляют собой идеи с идентифицируемым семантическим ядром, что влечет за собой концептуальную оценку чего-либо, – они не всегда объективированы и их не следует воспринимать как обеспечивающие хорошо организованную мысленную карту или подробные рецепты действий. На самом деле ценности включают в себя и когнитивные,

и аффективные, и мотивационные аспекты [17]. «Этическое воображение», которое Н. Лонг и Г. Мур [28] считают центральным элементом человеческой социальности, также относится и к ценностям. П. Каррутерс отмечает, что наши основные ценности не могут быть поняты только как структурированные репрезентативные состояния, скорее, они представляют собой установки наших мотивационно-оценочных механизмов реагировать на конкретные условия определенным типом аффективной реакции [14]. Он утверждает, что ценности оказывают влияние в основном посредством «аффективных валентностей», которые представляют «неконцептуальные представления о мире», приобретающиеся через предыдущий опыт (что-то вроде того, как жизненные переживания превращаются в диспозиции в теории габиту-са). Таким образом, ценности встраиваются в личность благодаря ее социальному и жизненному опыту. При этом ценности, будучи в тесной связке с потребностями и мотивами личности, актуализируются в различных социальных ситуациях (к которым можно отнести и военно-профессиональные).

Важная причина, по которой мотивы и потребности связаны с ценностями, заключается в ее зависимости от социальной формы [9]. Формализованные социальные формы в военных структурах, такие как служебные отношения, военная иерархия и пр., являются фундаментальными параметрами профессионального взаимодействия военнослужащих, тесно связанных с ценностными ориентациями, которые зафиксированы в Уставе. Как утверждает С. Андерсон [9], взаимодействие – это своего рода практика, которая, возможно, противоречит интуиции и зависит от поддержания ценностей. Воспроизводство формализованных социальных форм требует постоянного взаимодействия с опорой на ценности. Из этого следует, что «хорошая» социальность – это что-то вроде постоянного достижения, основанного на постоянной оценке. Часто, как в случае с датской школьной общительностью С. Андерсона [9], это затруднительное положение сводится к озабоченности «хорошей формой» как таковой, которая в значительной степени включает эстетические, а также этические и идеологические оценки. Иногда может потребоваться проанализировать отношения таким образом, чтобы понять, кто из субъектов имеет большее значение, большую ценность для участника этих отношений в зависимости от их потребностей и мотивов. В работе Дж. Ремме [31] подчеркивается ценностно-мотивационная направленность социальных отношений.

Однако стоит отметить, что ценности неоправданно идеализировались как позитивные явления, и они приобрели статус как само собой разумеющегося свойства субъекта, которое должно быть у любого члена общества. Однако, как утверждает Дж. Ремме [31] в своей статье, оспаривающей заурядные научные интерпретации, ценности не обязательно являются интегративными: их активация не всегда способствует эффективному социальному взаимодействию. Скорее, как замечает Дж. Ремме [31], они могут влиять на интеракции неожиданными и даже неконтролируемыми способами, что тесно связано с теми мотивационными образованиями, которые могут опосредовать ценностные ориентации. Таким образом, в некотором смысле они существуют больше как элементы многоопределенного и многократно последовательного потока, являясь частью потенциально неограниченных социальных процессов, которые включают социальный контекст и субъектов взаимодействия с их мотивами, потребностями, прошлым опытом, знаниями, эмоциями и пр.

Важным аргументом в пользу обращения к изучению мотивационно-ценностной структуры является то, что ценности представляют собой средство авторизации со стороны отдельных лиц. Важность ценности в этом отношении проявлена

А. Свидлер [35] в аспекте отвержения статических представлений о ценностях и ценностном влиянии, связанных с функционалистскими социологическими подходами к представлениям. Ценности, как и другие аспекты культуры, в значительной степени являются социальными ресурсами, которые в конкретных ситуациях гибко используются акторами взаимодействия в зависимости от их потребностей. В этом случае вызов ценностей, как и их применение институтами социализации, часто имеет более заметные «целенаправленно-рациональные», или стратегические, мотивы в отличие от «ценностно-рациональных» мотивов (в терминах М. Вебера [37]). Именно они являются средством убеждения и получения легитимности, признания, статуса и т. д.

Даже когда индивиды осознанно определяют для себя приоритет каких-либо ценностей в своем поведении, они сохраняют как инструментальное, так и терминальное значение. Обычно инструментальный и терминальный характер ценностей можно рассматривать как дополнение к утверждению Дж. Роббинса [32] о том, что ценности существуют в социальной жизни или используются в ней в основном в форме «образцов» через других людей или через социальные институты [20; 31; 32]. Бесспорно, ценности используются как общественные образцы или императивы – это является одним из способов, посредством которого они передаются в обществе [20]. Но остается еще один вопрос, относительно того, каким образом и как ценности являют себя в конкретных ситуациях. Эта проблема озвучена Дж. Роббинсом: «Где в мире ценности?» [32]. Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Их основное местожительство носит исключительно социальный характер. Будучи вовлеченными в социальную ситуацию межличностного взаимодействия, ценности ведут социальную жизнь, в процессе которой прямо или косвенно происходит их обмен, интериоризация и экстериоризация. Они обозначают условия жизни, имеют конкретное отношение к жизни и действиям индивида, управляют социальными отношениями и сложно организованными коллективами, политикой и экономикой и т. д. [24]. Однако бесконфликтное восприятие общественных идеалов и собственных мотивов возможно только при их согласованности в структуре личности. Согласно А. Блази и К. Глодис [10], самосогласованность – это фундаментальный мотив функционирования, который может быть удовлетворен соответствием между суждением и действием. То есть субъекты оценивают свое поведение, сравнивая его со своим личным моральным компасом, чтобы прийти к чувству собственной целостности [36].

Резюмируя теоретический экскурс в феноменологию отношений ценностей и мотивов, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что между ними имеется определенная связь. Более того, можно указать на зависимость – ценности влияют на возникновение мотивов, последние, в свою очередь, также оказывают влияние на доминирование в структуре личности тех или иных ценностей. Действительно, в ряде исследований, например [1], доказываемая, что повышение мотивации и успешность деятельности личности обусловлены осознанием собственных целей и смыслового наполнения деятельности. Ш. Шварц [33], разработавший ценностный опросник, считает, что ценности объединяются в типы, которые образуют интеграционную мотивационную структуру личности. Автор так и называет свою теоретическую модель – модель отношения между мотивационными типами личности. Ценности, выступая отражением и формой смыслов в структуре личности, имеют непосредственное отношение к осмысленной мотивации деятельности [2]. Вместе с тем остается открытым вопрос, связанный со спецификой этого взаимодействия в структуре личности военнослужащего. Согласно С. С. Соловьеву [7],

ценности оказывают влияние на мотивы служебной и внеслужебной деятельности. В исследовании А. Кьергада с коллегами [25] показано, что самостоятельность, универсализм и стимуляция были самыми высокими рейтинговыми и стабильными ценностями в структуре военнослужащих. В свою очередь, ценность достижения линейно увеличивалась с течением времени. В другом исследовании была продемонстрирована взаимосвязь между высокими потребностями в эффективной координации у военнослужащих с небольшим профессиональным стажем и возрастом командиров воинских частей ВВС Италии [30]. Изучение вклада личных ценностей в прогнозирование мотивации военнослужащих к лидерству ($N = 231$) показало, что самосовершенствование имело более тесные отношения с эмоциональной идентичностью и социально-нормативными качествами как показателями лидерского потенциала, чем ценности самотрансценденции. В свою очередь, ценности превосходства имели значительно большее отношение с низким лидерством [15].

В исследовании Т. Брайта с соавторами [12] посредством факторного анализа методом главной оси удалось установить, что для рейнджеров инструментальные ценности подразделяются на две группы, отражающие ценности, связанные с достижениями, и ценности, связанные с принадлежностью. Проведенный множественный регрессионный анализ показал, что рейнджеры, получившие высокие баллы по ценности достижений, продемонстрировали более сильную связь между следующими переменными: ясность ролей и удовлетворенность работой, моральный дух и соматизация; перегруженность работой, удовлетворенность работой и моральный дух. Напротив, баллы по ценности принадлежность только трижды усиливали взаимосвязь «стрессор – результат». С. Б. Перевозкин и Ю. М. Перевозкина [5] доказали взаимообусловленность учебной мотивации кадет и освоения профессиональной роли военнослужащего.

В отечественных исследованиях взаимодействия ценностей и мотивов также имеются данные об их взаимосвязи. Так, в исследовании Ю. А. Глебова [3] было показано, что дисциплинированность военнослужащих федеральной службы обусловлена такими мотивами, как ответственность, стремление реализовать свои знания, стремление внести собственный вклад в боеготовность своей войсковой части. Е. Н. Карлова [4] продемонстрировала зависимость ценностей от типа мотивации курсантов. Автор выделила три типа мотивации. Первый тип (прагматический) – с высоким уровнем мотивации: курсанты ориентированы на материальные ценности, стабильность, творчество, традиции. Второй тип (скептический) – с низким уровнем мотивации: курсанты проявляют меньше симпатии к институциональным ценностям военной профессии. Третий тип (идеалистический) – с высокой профессиональной и патриотической мотивацией: курсанты испытывают гордость за профессию, для них высока значимость норм и правил воинского устава. По данным А. С. Спирина с коллегами [6; 8], структурообразующими ценностями у курсантов с высоким уровнем саморегуляции являются дисциплинированность, патриотизм и честь.

Методы

С целью определения мотивационно-ценностной структуры военнослужащих было проведено исследование среди 167 военнослужащих на базе Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании приняли участие курсанты третьего года обучения (54 человека) и военнослужащие по контракту (113 человек).

Все респонденты были протестированы по четырем опросникам. Два из них позволяют измерить потребности и мотивации: Опросник Э. Шнейдмана, изучающий приоритеты из 20 потребностей; Мотивационный профиль (Ш. Ричи и П. Мартин), позволяющий измерить 9 потребностей или мотивационных факторов. Два других опросника направлены на исследование ценностей: Морфологический тест жизненных ценностей (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина), изучающий 8 жизненных ценностей в 6 социальных сферах; Методика для изучения ценностей личности (Ш. Шварц в адаптации В. Н. Карандашева) для исследования 10 ценностей на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов.

Для изучения структуры ценностно-мотивационной сферы использовался экспериментальный факторный анализ по методу главных компонент с вращением «Вари-макс нормализованных».

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты факторизации матрицы интеркорреляции ценностей и потребностей военнослужащих, содержащей 63 переменные, показали, что лучшим вариантом является решение, состоящее из шести факторов и объясняющее более 63 % изменчивости (см. табл.).

Таблица

Факторные нагрузки ценностей и потребностей по шести факторам

Переменные в модели	Фактор – 1	Фактор – 2	Фактор – 3	Фактор – 4	Фактор – 5	Фактор – 6
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
М Традиции	0,12	0,69	0,39	-0,01	-0,07	-0,20
М Доброта	0,12	0,71	0,33	0,11	0,08	-0,06
М Универсализм	0,02	0,68	0,47	0,05	-0,06	-0,23
М Самостоятельность	0,27	0,20	0,64	0,14	0,25	0,21
М Стимуляция	0,15	-0,04	0,64	0,11	-0,16	0,25
М Гедонизм	0,16	0,08	0,69	0,01	-0,02	0,31
М Достижения	0,23	0,10	0,80	0,01	0,13	0,22
М Власть	0,09	0,17	0,71	-0,12	0,11	0,19
М Безопасность	0,01	0,69	0,51	-0,06	0,00	-0,18
Л Конформность	0,18	0,65	-0,06	-0,10	-0,04	0,27
Л Традиции	0,24	0,65	0,12	0,08	-0,25	0,00
Л Доброта	0,25	0,75	-0,15	0,06	0,16	0,17
Л Универсализм	0,26	0,81	0,03	0,10	-0,05	0,06
Л Самостоятельность	0,23	0,08	0,17	0,13	0,20	0,74
Л Стимуляция	0,27	0,03	0,27	0,13	0,05	0,63
Л Гедонизм	0,29	-0,10	0,13	-0,06	-0,07	0,67
Л Достижения	0,40	0,06	0,07	-0,01	0,03	0,65
Л Власть	0,30	0,11	0,26	-0,10	-0,02	0,68
Л Безопасность	0,32	0,66	0,07	-0,13	-0,04	0,26
Саморазвитие	0,88	0,11	0,19	0,06	0,01	0,15
Духовное удовлетворение	0,86	0,15	0,10	0,11	0,15	0,16

1	2	3	4	5	6	7
Креативность	0,82	0,20	0,07	0,08	-0,19	0,10
Активные социальные контакты	0,89	0,14	0,13	-0,09	0,12	0,13
Собственный престиж	0,86	0,16	0,10	-0,08	-0,09	0,13
Достижения	0,84	0,16	0,06	0,05	0,24	0,12
Высокое материальное положение	0,71	0,09	0,09	-0,24	0,29	0,21
Сохранение собственной индивидуальности	0,85	0,10	0,12	0,14	0,02	0,17
Профессиональная сфера	0,87	0,17	0,11	0,11	0,15	0,11
Обучение	0,86	0,18	0,09	-0,09	0,12	0,14
Семейная жизнь	0,80	0,11	0,12	-0,07	0,07	0,14
Общественная жизнь	0,86	0,17	0,15	-0,14	-0,03	0,07
Увлечения	0,86	0,10	0,09	0,15	0,10	0,23
Физическая активность	0,84	0,13	0,09	0,07	0,03	0,19
Материальное вознаграждение	-0,01	0,11	-0,12	-0,61	0,35	0,12
Профессиональные условия	0,02	-0,07	0,09	-0,67	-0,28	-0,03
Социальные контакты	0,09	0,00	0,08	-0,19	-0,55	-0,04
В постановке цели	0,00	0,06	0,03	0,71	-0,06	0,07
В развитии как личности	0,04	-0,14	0,12	0,71	0,21	0,06
В потребности в общественной работе	0,03	0,16	-0,06	0,56	0,19	-0,01
Самоуничтожение	-0,19	0,02	-0,09	-0,09	-0,64	-0,10
Достижение	0,19	-0,02	0,06	0,07	0,54	-0,12
Агрессия	-0,04	0,15	-0,04	0,08	-0,54	0,10
Отвержение	-0,10	-0,06	-0,04	-0,08	-0,57	-0,24
Общая дисперсия по каждому фактору	32,66	9,90	6,85	5,94	4,28	4,20
Доля общей дисперсии	63,82					

В первый фактор, обладающий наибольшей объяснительной способностью (33 %), которая почти в четыре раза превышает остальные факторы, вошли переменные с положительными нагрузками, отражающие терминальные ценности и жизненные сферы, в которых они проявляются. Причем, по мнению авторов опросника, по которому они измерялись, сам конструкт «сферы жизнедеятельности» образован посредством базовой потребности в движении. Таким образом, можно утверждать,

что первый фактор, обладающий наибольшей интегративностью, образует сразу две исследуемые категории ценности и потребности. Следовательно, данный фактор ориентирован на индивидуальную систему ценностно-потребностной сферы военнослужащих и направлен на *ценностно-смысловое понимание действий*.

Второй фактор с дисперсией в 10 % объединяет переменные, связанные с ценностями на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов. Причем, его ядро составляют такие ценности, как универсализм, доброта, традиции и безопасность. Они имеют наибольший вес и дублируются на обоих уровнях. Более того, эти ценности образуют два типа мотивации – консерватизм и самотрансценденция, отражающих две грани двух биполярных осей, выделенных Ш. Шварцем, – открытость изменениям / консерватизм и самовозвышение/самотрансцендентность. Интересно, что в среде военнослужащих два положительных полюса этих осей объединились в один (все ценности вошли во второй фактор с положительными нагрузками). Иначе говоря, в результате сцепления возник новый фактор *самотрансцендентность + консерватизм*, а ранее определенные Ш. Шварцем оси перестают выполнять свою дифференцирующую функцию. Это означает, что для военнослужащих оба типа мотивации являются важными составляющими в профессиональной деятельности и могут бесконфликтно включаться в структуру личности. Действительно, известно, что в воинском коллективе традиции составляют одну из основных ценностей и условий как формального, так и неформального взаимодействий. А такая ценность, как защита благополучия всех людей и природы (универсализм) вообще является основной для военнослужащего как защитника Родины.

Третий фактор составили переменные, отражающие ценности открытости изменениям и самовозвышение, которые также имеют положительные нагрузки по третьему фактору с дисперсией 7 % с ведущей ценностью в достижении с положительной нагрузкой 0,8. К ним добавляется еще ценность безопасности (0,51). В данном случае можно наблюдать, как и во втором факторе, определенное сцепление противоположных осей, но при этом только на уровне декларируемых императивов, но не на уровне индивидуальных приоритетов. Необходимо отметить, что точно такие же ценности, но на уровне индивидуальных приоритетов составили шестой фактор. Следовательно, третий фактор отражает общепринятые ценности карьерного роста в профессиональной деятельности военнослужащего: *самовозвышение + открытость изменениям*, а шестой – *самовозвышение + открытость изменениям* на уровне индивидуальных приоритетов. В данном случае зафиксирован факт дифференциации, когда происходит разделение шкалы на две и более.

Четвертый фактор с дисперсией 6 % состоит из мотивационных факторов: материальное вознаграждение и профессиональные условия, составляющих отрицательный полюс данного фактора, и потребностей в постановке цели, в развитии личности и в общественной работе. В этом случае в мотивационно-ценностной структуре военнослужащих происходит дифференциация, подразделяющая потребности на два полюса одного фактора. Чем выше материальные потребности и мотивационные факторы профессиональных условий, тем ниже будут выражены потребности в целеполагании, развитии личности и общественной работе. Это позволяет заключить, что ценности, ориентированные на внешние атрибуты профессиональной деятельности, входят в противоречие с внутренними потребностями личности в развитии. Этот фактор демонстрирует *внешние ценности и потребности в развитии*.

Пятый фактор, с объяснительной силой 4 %, включает в основном деструктивные мотивационные факторы, связанные с профессиональной деятельностью во-

еннослужащего, составляющие отрицательный полюс этого фактора (входят с отрицательными нагрузками): самоуничтожение, агрессия и отвержение. Тогда как на положительном полюсе находится один мотивационный фактор – достижение. Этот фактор по своей сути отражает конфликтность самой профессии. С одной стороны, от любого военнослужащего требуют выполнения физических нормативов, достижения высоких результатов. С другой стороны, военнослужащие должны беспроблемно подчиняться офицеру, имеющему более высокое звание или занимающему в профессиональной иерархии более высокую должность, испытывая при этом как агрессию, так и отвержение. В этой связи этот фактор обозначает конфликтные потребности в профессиональной деятельности.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ценности и мотивы (потребности) в структуре личности военнослужащих тесно переплетаются, образуя определенную иерархическую структуру. Наибольшую интегративную силу имеет фактор, ориентированный на индивидуальную систему ценностно-потребностной сферы военнослужащих, который связан с ценностно-смысловым пониманием профессиональных действий.

Факторы в мотивационно-ценностной структуре военнослужащих подвергаются трансформации, проходя через призму личностных факторов, индивидуального опыта и опыта профессиональной деятельности. Третий и шестой факторы трансформируются под влиянием механизма сцепления и дифференциации, а второй фактор – демонстрирует действие механизма сцепления. Это позволяет сделать основополагающий вывод о том, что опыт военной деятельности влияет на мотивационно-ценностную сферу личности и способствует изменению ее структуры.

Полученные результаты могут стать хорошей отправной точкой для более масштабного и репрезентативного исследования.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. *Будинайте Г. Л., Корнилова Т. В.* Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 99–105.
3. *Глебов Ю. А.* Психологические особенности развития дисциплинированности у военнослужащих Федеральной службы охраны [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 9 (53). С. 65–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9910610> (дата обращения: 12.06.2021).
4. *Карлова Е. Н.* Типы мотивации курсантов и их связь с различными показателями отношения к военной профессии // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 95–104. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250000173-3>
5. *Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М.* Взаимодетерминация учебной мотивации подростков кадетского корпуса и ролевой идентичности [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 225–235. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39544363> (дата обращения: 01.07.2021).
6. *Перевозкина Ю. М., Спиринов А. В., Федоршин М. И.* Ценностно-рефлексивные детерминанты саморегуляции курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2 (52). С. 106–113. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43057504> (дата обращения: 01.07.2021).
7. *Соловьев С. С.* Трансформация ценностей военной службы [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 17–25. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/804/909/1216/02Solovev.pdf> (дата обращения: 29.06.2021).

8. *Спурин А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И.* Ценностные детерминанты саморегуляции в ситуации ролевого взаимодействия военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 1 (3). С. 69–76.

9. *Anderson S.* Fashioning a Mind of One's Own in the Good Company of Others // *Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2021. Vol. 31, Issue 1. Pp. 19–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2021.1865873>

10. *Blasi A., Glodis K.* The Development of Identity. A Critical Analysis from the Perspective of the Self as Subject // *Developmental Review*. 1995. Vol. 15, Issue 4. Pp. 404–433. DOI: <https://doi.org/10.1006/drev.1995.1017>

11. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. Pp. 241–258.

12. *Britt Th. W., Stetz M. C., Bliese P. D.* Work-Relevant Values Strengthen the Stressor – Strain Relation in Elite Army Units // *Military Psychology*. 2004. Vol. 16, Issue 1. Pp. 1–17. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327876mp1601_1

13. *Broesder W. A., Op den Buijs T. P., Vogelaar A. L. W., Euwema M. C.* Can Soldiers Combine Swords and Ploughshares?: The Construction of the Warrior-Peacekeeper Role Identity Survey (WPRIS) // *Armed Forces & Society*. 2015. Vol. 41, Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X14539326>

14. *Carruthers P.* Valence and Value // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2018. Vol. 97, Issue 3. Pp. 658–680. DOI: <https://doi.org/10.1111/phpr.12395>

15. *Clemmons A. B., Fields D.* Values as Determinants of the Motivation to Lead // *Military Psychology*. 2011. Vol. 23, Issue 6. Pp. 587–600. DOI: <https://doi.org/10.1080/08995605.2011.616787>

16. *Cropanzano R., Goldman B., Folger R.* Self-interest: Defining and understanding a human motive // *Journal of Organizational Behavior*. 2005. Vol. 26, Issue 8. Pp. 985–991. URL: <https://doi.org/10.1002/job.353>

17. *D'Andrade R.* The Development of Cognitive Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 272 p.

18. *Graaf de M. C., Giebels E., Verweij D. E. M.* On moral grounds: Moral identity and moral disengagement in relation to military deployment // *Military Psychology*. 2020. Vol. 32, Issue 4. Pp. 363–375. DOI: <https://doi.org/10.1080/08995605.2020.1774321>

19. *Graeber D.* Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. New York: Palgrave, 2001. 337 p.

20. *Herrmans I.* Ritual Sociality and the Limits of Shamanic Efficacy among the Luangans of Indonesian Borneo // *Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2021. Vol. 31, Issue 1. Pp. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2021.1886903>

21. *Jennings P. L., Hannah S. T.* The Moralities of Obligation and Aspiration: Towards a Concept of Exemplary Military Ethics and Leadership // *Military Psychology*. 2011. Vol. 23, Issue 5. Pp. 550–571. DOI: <https://doi.org/10.1080/08995605.2011.600158>

22. *Joas H.* The Genesis of Values. Cambridge: Polity Press, 2000. 250 p.

23. *Keane W.* Ethical Life: Its Natural and Social Histories. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 2015. 304 p.

24. *Kenneth S.* Introduction: Qualifying Sociality through Values // *Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2021. Vol. 31, Issue 1. Pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2021.1893153>

25. *Kjærgaard A., Leon G. R., Venables N. C., Fink B. A.* Personality, Personal Values and Growth in Military Special Unit Patrol Teams Operating in a Polar Environment // *Military Psychology*. 2013. Vol. 25, Issue 1. Pp. 13–22. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0094753>

26. *Laidlaw J.* The Subject of Virtue: An Anthropology of Ethics and Freedom. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 270 p.

27. *Lambek M.* The Ethical Condition: Essays on Action, Person, and Value. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015. 390 p.
28. *Long N. J., Moore H. L.* Introduction: Sociality's New Directions. In *Sociality: New Directions* [Электронный ресурс]. New York: Berghahn Books, 2013. URL: https://www.academia.edu/2296619/Introduction_socialitys_new_directions_with_Henrietta_L_Moore (дата обращения: 23.07.2021).
29. *Molendijk T., Kramer E.-H., Verweij D.* Moral Aspects of "Moral Injury": Analyzing Conceptualizations on the Role of Morality in Military Trauma // *Journal of Military Ethics*. 2018. Vol. 17, Issue 1. Pp. 36–53. DOI: <https://doi.org/10.1080/15027570.2018.1483173>
30. *Odoard C., Battistelli A., Guardela J. L. V., Mirko A., Di Napoli G., Piccione L.* Perceived organizational values and innovation: The role of transactive memory and age diversity in military teams // *Military Psychology*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/08995605.2021.1962177>
31. *Remme J. H. Z.* The Instability of Values: Tradition, Autonomy and the Dynamics of Sociality in the Philippine Highlands // *Journal of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2021. Vol. 31, Issue 1. Pp. 64–77. DOI: <https://doi.org/10.1080/00664677.2021.1875196>
32. *Robbins J.* Where in the World Are Values? Exemplarity, Morality, and Social Process // *Recovering the Human Subject: Freedom, Creativity and Decision* / ed. by J. Laidlaw, B. Bodenhorn, M. Holbraad. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Pp. 174–192.
33. *Schwartz S., Boehnke K.* Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // *Journal of Research in Personality*. 2004. Vol. 38, Issue 3. Pp. 230–255. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00069-2](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00069-2)
34. *Seiler S., Fischer A., Ooi Y. P.* An Interactional Dual-Process Model of Moral Decision Making to Guide Military Training // *Military Psychology*. 2010. Vol. 22, Issue 4. Pp. 490–509. DOI: <https://doi.org/10.1080/08995605.2010.513270>
35. *Swidler A.* Culture in Action: Symbols and Strategies [Электронный ресурс] // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51, Issue 2. Pp. 273–286. URL: <https://www.jstor.org/stable/2095521?origin=JSTOR-pdf> (дата обращения: 23.07.2021).
36. *Walker L. J.* Gus in the gap: Bridging the judgment-action gap in moral functioning // *Moral development, self, and identity* / eds. by D. K. Lapsley, D. Narvaez. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2004. Pp. 1–20.
37. *Weber M.* *Economy and Society* / eds. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

Дата поступления статьи: 05.08.2021

Тишкова Альбина Сергеевна

*старший преподаватель кафедры практической и специальной психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, umarowa.albina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3854-982X*

Елистратова Диана Эдуардовна

*магистрант факультета психологии, Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия, diana_elistratova@bk.ru*

ПРЕДПОСЫЛКИ РОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Аннотация. В статье представлено исследование предпосылок ролевой идентичности личности в контексте социальной сети Instagram. Рассмотрены теоретические представления о самопрезентации, виртуальной идентичности и ролевой идентификации личности в сети Интернет на примере социальной сети Instagram. Отмечено, что данная социальная сеть используется для самопрезентации и создания виртуальной идентичности посредством идентификации с ролями. Представлен анализ результатов эмпирического исследования ролевой идентичности личности в социальной сети Instagram с использованием авторского опросника и проективной методики «Калейдоскоп». Анализ полученных результатов показал, что пользователи используют Instagram преимущественно для демонстрации своей личной жизни и размещают какие-либо посты с текстом и фотографиями в своем профиле, идентифицируясь с определенными ролевыми моделями. Ролевыми моделями, с которыми идентифицируются большинство опрошенных пользователей социальной сети Instagram, являются роли девы, ведьмы и отца, отвергаемыми ролями выступают фигуры старухи, старика и трикстера, желаемыми являются роли девы, ведьмы, героя и отца. В заключение представлен обобщающий вывод по результатам теоретического и эмпирического исследований и отмечены перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: ролевая идентификация, ролевой профиль, социальная роль, идентичность, социальные сети, виртуальная идентичность.

Tishkova Albina Sergeevna

*Senior Lecturer of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, umarowa.albina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3854-982X*

Elistratova Diana Eduardovna

*Graduate Student of Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia, diana_elistratova@bk.ru*

BACKGROUND OF THE PERSONAL ROLE IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE INSTAGRAM SOCIAL NETWORK

Abstract. The article presents a study of the prerequisites of a person's role-based identity in the context of the social network Instagram. The theoretical concepts of self-presentation, virtual identity and role-based identification of a person on the Internet are considered on the example of the social network Instagram. It is noted that this social network is used for self-

presentation and creation of virtual identity through identification with roles. The analysis of the results of an empirical study of the role identity of a person in the social network Instagram using the author's questionnaire and the projective technique "Kaleidoscope" is presented. The analysis of the results obtained made it possible to note that users use Instagram mainly to demonstrate their personal life and post any posts with text and photos in their profile, identifying themselves with certain role models. The role models with which the majority of the surveyed users of the social network Instagram are identified are the roles of the maiden, the witch and the father, the rejected roles are the figures of the old woman, the old man and the trickster, the roles of the maiden, witch, hero and father are desirable for the subjects on the social network. In the conclusion, a generalizing conclusion based on the results of theoretical and empirical research is presented and prospects for further work are noted.

Keywords: role identification, role profile, social role, identity, social networks, virtual identity.

Актуальность исследования связана с происходящими в современном социуме изменениями: пандемией коронавируса, информатизацией и цифровизацией в образовании, повышением профессиональной и личностной мобильности, трансформацией базовых ценностей и потребностей, экономическими преобразованиями. В контексте динамических изменений общества людей интересуют вопросы изучения, развития и принятия собственной личности, а также определения своего места в социуме. В современных социокультурных условиях стремительного развития информационного пространства значительное место отводится самопрезентации личности в сети Интернет.

В мире существует большое количество социальных сетей, используемых не только для обмена информацией, но и для создания личных профилей. В России наиболее популярными социальными сетями в настоящее время являются «ВКонтакте», Instagram, Twitter, Facebook, TikTok и «Одноклассники». Особой популярностью среди людей различных возрастных категорий пользуется многофункциональная социальная сеть Instagram, созданная в 2010 г. и в которой первичной является визуальная составляющая. Основным жанром представления в социальной сети Instagram выступает пост, содержащий фотографию или видео, которые автор (при желании) может сопроводить текстом. Как отмечает Ю. В. Щурина [20], пост в Instagram – это всегда комбинированный (комплексный) жанр, который организуется на вербальном и невербальном уровнях. Как полагает Л. В. Чернавина [18], социализация и желание подчеркнуть свой статус является одной из функций Instagram, наряду с формированием общественного мнения о себе, коммуникацией, наблюдением за миром, отбором и комментированием информации и распространением культуры. В. В. Струганик [13] выделяет следующие функции Instagram: общение и знакомство, развлечение, источник информации, источник получения дохода, обучение, развитие творческих способностей.

По мнению многих исследователей, Instagram является одной из форм самоидентификации, самопрезентации, самоактуализации, управления имиджем и стремления к публичности личности [3; 5; 7; 17; 20; 23]. Самопрезентация в социальных сетях, как полагает С. А. Трифонова [14], может отражать желания и потребности, неудовлетворенные в реальной жизни, однако в некоторых случаях причиной создания виртуальной личности может выступать стремление получить новый опыт. Как отмечает А. Zheng с соавторами [25], социальные сети позволяют пользователям контролировать образ, который они транслируют в личном профиле, зачастую иде-

ализируя себя. Под образом в контексте визуального пространства, с одной стороны, понимается образ себя, создаваемый посредством самопрезентации, через публикацию фото, видео, текста. С другой стороны, образ в социальной сети – это создаваемое мнение о человеке в процессе визуально воспринимаемого образа, транслируемого им. А. А. Степанова [12] отмечает, что создаваемый пользователем социальной сети образ может быть как истинным (соответствующим действительности), так и ложным (не соответствующим действительности). Ch. Brands с соавторами [22] было эмпирически доказано, что в Instagram пользователи чаще всего публикуют тщательно отобранные и эстетичные фотографии. Именно визуальные эффекты, вызывающие сильные эмоциональные реакции и действующие на подсознание, по мнению авторов, играют решающую роль в восприятии личности в социальной сети. Вводя понятие визуальной самопрезентации, Ch. Brands с соавторами [22] отмечает, что внешность является важным фактором при формировании образа человека в социальной сети. Н. С. Козлова [4] указывает, что некоторые пользователи настолько вовлечены во взаимодействие в Instagram, что «вживаются в роль», транслируемую ими в личном профиле. Примечательно, что для них наиболее важно презентовать себя, чем наблюдать за другими. В результате проведенного авторами факторного анализа было выявлено три фактора, отражающих вовлеченность личности в социальную сеть: общение, самопрезентация и самоактуализация; инструментальный; интерес к другим. Первый фактор характеризуется направленностью на себя и потребностью в признании, демонстрации, одобрении у пользователей, ведущих активную социальную жизнь. Инструментальный фактор связан с использованием личного профиля в качестве нового опыта общения с техникой для развлечения, увлечения или дополнения к профессиональной деятельности и выражен в направленности «на дело». Третий фактор, отражающий интерес к другим, выражен в желании пользователя наблюдать за социальной активностью других людей.

Следует отметить, что самопрезентация в социальной сети непосредственно связана с процессом идентификации, в результате которого формируется идентичность личности. По определению Э. Эриксона [21], идентичность – это совокупность атрибутов, убеждений, ценностей и переживаний, присущих человеку, которые определяют его «Я». Идентичность, по Н. Spencer-Oatey [24], определяется как самооценка человека, состоящая из множества атрибутов собственной личности, в том числе отрицательно, нейтрально и положительно оцениваемых характеристик. Формирование идентичности происходит через освоение индивидом ролей, культурных норм и ценностей социума, в результате наблюдается становление его когнитивного, эмоционального и поведенческого сходства с социальным окружением как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Так, П. П. Горностай [2] определяет идентичность, обусловленную социальными ролями и культурно-примлемыми социальными ожиданиями к соответствующим видам поведения как ролевую идентичность. Как обозначает Т. Шибутани [19], чем больше социальных ролей способен исполнять индивид, тем более приспособленным к жизни он является. Важно отметить, что формирование ролевой идентичности может осуществляться в цифровой среде через социальные сети.

В научной литературе для обозначения идентификации личности в социальных сетях существует такой термин, как «виртуальная (или сетевая) идентичность», под которым понимают предъявляемый интернет-аудитории образ себя и идентификацию с ним [10; 16]. Причинами формирования виртуальной идентичности могут выступать: отсутствие удовлетворенности реальной идентичностью, высокая значимость социальных сетей для личности, стремление к самовыражению. Автора-

ми выделена структура виртуальной идентичности, включающая автономность/публичность, идеализацию/аутентичность, праздность/функциональность, конформность/нонконформизм, референтность/вторичность [10]. В проведенном Д. К. Франтовой [16] исследовании у большинства пользователей была выявлена тенденция к сходству реальной и виртуальной идентичности личности. В свою очередь, различие заключается в том, что в виртуальном пространстве социальной сети пользователь не придает широкой огласке происходящие с ним события реальной жизни.

Более детальное исследование реальной и виртуальной идентичности представлено в научной работе Е. А. Рыльской и Д. Н. Погорелова [11]. Авторы приходят к выводу, что причиной отождествления некоторыми пользователями реального и виртуального образа себя может выступать совпадение сферы интересов, поведения и коммуникации в жизни и сети. Однако существуют пользователи, которые не отождествляют реальный и виртуальный образы, что может быть обусловлено осознанным созданием анонимного и приукрашенного образа в сети, который характеризуется большей многоплановостью, креативностью, преобладанием позитивных эмоциональных состояний [11]. Более того, отмечается тесная взаимосвязь между личностной и сетевой идентичностью, заключающаяся в ответственной и тщательной самопрезентации в социальных сетях у лиц с личностной зрелостью [6].

Для виртуальной идентичности личности характерно отсутствие телесности, технологический способ взаимодействия и самопрезентации, анонимность, ориентация на реакцию другого, склонность экспериментировать, гибкость к изменениям образа. Более того, виртуальная идентичность позволяет пользователю выбирать определенные стратегии поведения и транслировать социальные роли, не всегда соответствующие ролям, демонстрируемым в реальной жизни [15]. Например, роли молодой матери, начинающего предпринимателя, политика, писателя, фотографа, блогера, актера, путешественника и т. д.

Существует такое понятие, как «виртуальный социальный статус», под которым Е. П. Белинская и П. Ю. Прилуцкая [1] понимают сочетающиеся самопрезентационные характеристики субъекта сетевой коммуникации, формирующие социально-перцептивный консенсус пользователя у других. При этом, как отмечает Т. М. Нетусова [8], в социальной сети Instagram чаще всего самопрезентация осуществляется пользователями посредством любительского автопортрета, который отражает принятые индивидом роли.

С целью изучения предпосылок ролевой идентичности в контексте социальной сети Instagram нами было проведено эмпирическое исследование с использованием авторского опросника (в онлайн-форме), содержащего 19 вопросов открытого и закрытого типа, и проективной методики «Калейдоскоп». В исследовании приняли участие 72 респондента (61 женского пола и 11 – мужского) – пользователи социальной сети Instagram в возрасте от 18 до 40 лет. В качестве тематики профилей в Instagram респонденты отмечали следующие сферы: личный блог о семье и жизни, профессиональная направленность (психология, фотосъемка, сфера быти-услуг, тату-мастерство, танцы), творчество, красота и эстетика, путешествия, саморазвитие, социальные проблемы, обзор книг. Некоторые участники опроса отметили, что в их личном профиле социальной сети нет конкретной тематики. Целью ведения блога для большинства пользователей является общение, публикация фото, поиск новостей и информации, развлечение, обучение, наблюдение за жизнью других, желание рассказывать о своей жизни, фиксация важных событий посредством фото, продажи и привлечение клиентов, трансляция личных интересов и хобби, поиск товаров, времяпровождение.

Представим процентное распределение полученных результатов. В первую очередь отметим, что 32 % респондентов указали, что проводят в Instagram от 30 до 60 мин. в сутки, 31 % – 1–2 часа, 23 % – менее 30 мин., а 14 % пользователей – проводят в социальной сети более 3-х часов. У 65 % респондентов профиль в Instagram является «открытым», т. е. общедоступным для любого заинтересовавшегося пользователя. В свою очередь, 35 % респондентов предпочитают «закрытый» личный профиль, что позволяет просматривать их страничку и публикации только тем пользователям, которых посчитают нужным добавить в свои подписки и которым одобряют просмотр своего профиля. Только 22 % пользователей отметили, что редко публикуют посты в личном профиле в Instagram, тогда как 78 % – регулярно размещают информацию. При этом примерно равное количество респондентов отметили, что публикуют в личном профиле фото, сопровождающиеся текстом (53 %) или без текстового сопровождения (47 %). Чаще всего пользователи размещают на главной странице личного профиля (аватар) в Instagram личное фото (89 %), тогда как картинку или фотографию без изображения человека используют лишь 4 %. Картинка на главной странице отсутствует у 3 %, наличие фото с изображением нескольких людей отметили 2 %, а рисунок с изображением лица другого человека присутствует на главной странице у 2 % респондентов.

Полученные данные в целом могут свидетельствовать о том, что пользователи проводят много времени в социальной сети Instagram, используя ее преимущественно для демонстрации своей личной жизни, предпочитая «открытый» (доступный для всех пользователей) профиль, а также используют в качестве аватара свое собственное изображение. При этом больше половины респондентов являются активными пользователями сети и регулярно размещают какую-либо информацию в своем профиле.

В процессе проведения опроса респондентам было предложено выбрать несколько фигур-изображений, используемых в проективной методике «Калейдоскоп» (авторы: Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева) [9], и дать им характеристику. Следует отметить, что изображения фигур, представленные на 10 карточках, отражают следующие ролевые модели: старуха, старик, мать, отец, дева, герой, ведьма, трикстер, ребенок (девочка), ребенок (мальчик) (рис. 1).

Рис. 1. Фигуры, используемые в методике «Калейдоскоп»

Испытуемые должны были выбрать ролевые модели из предложенных 10 фигур, с которыми они могли бы идентифицироваться/не идентифицироваться, и фигуру, на которую хотели бы походить в социальной сети Instagram (рис. 2).

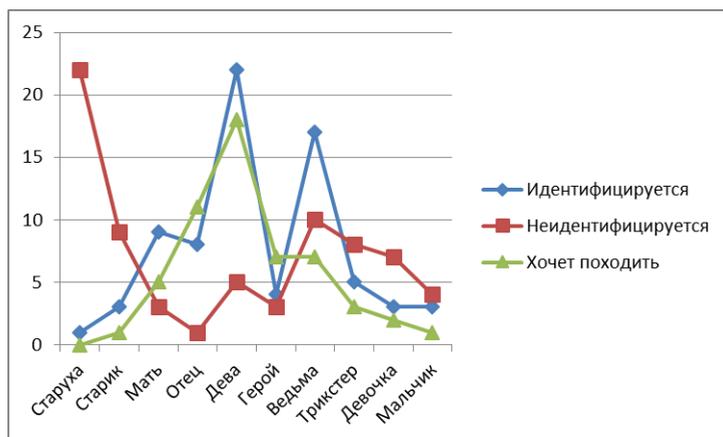

Рис. 2. Частота встречаемости предпочитаемых, отвергаемых и желаемых ролевых моделей в социальной сети Instagram по методике «Калейдоскоп»

В первую очередь респондентам было предложено выбрать одну из 10 фигур, с которой они идентифицируют себя при использовании социальной сети Instagram, и представить ее характеристику в свободной описательной форме. Частотный анализ полученных результатов показал, что ролевыми моделями, с которыми идентифицируются большинство опрошенных пользователей Instagram, являются роли девы (22 респондента) и ведьмы (17 респондентов), что может быть обусловлено преобладанием в выборке молодых респондентов женского пола, которые чаще всего идентифицируются с фигурами своего пола и возраста. Следует отметить, что идентификация с ролью девы, для которой характерными чертами являются красота, эмоциональность, нежность, покорность, мягкость и мечтательность, может указывать на желание респондентов демонстрировать позитивный образ притягивающего к себе человека. Так, при описании идентификации в социальной сети с данной ролевой моделью респонденты отмечали такие ее характеристики, присущие своему профилю в сети: желание соответствовать нормам и требованиям, открытость, задумчивость, заинтересованность, скромность, нежность, мечтательность, естественность, невинность, романтичность, одухотворенность, легкость в общении, естественность, искренность, чувственность, женственность, спокойствие. Представленные характеристики присущи большинству респондентов и могут указывать на их потребность в позитивной самопрезентации и демонстрации эстетического профиля, который бы привлекал других пользователей.

При идентификации с ролью ведьмы в социальной сети респонденты отмечали такие ее характеристики: демонстративность, красота и яркость, чувство стиля, харизматичность, аутентичность, уверенность в себе, надменность, раскованность, гордость, целеустремленность, независимость, беззаботность, неординарность, энергичность. Это указывает на то, что некоторые пользователи Instagram испытывают потребность в демонстративности, независимости, выходе за рамки обозначенных в сети правил, желаний показать свою индивидуальность и так называемую «теневую» (скрытую от других) сторону личности.

Некоторые респонденты в качестве идентификации в социальной сети отметили более статусные роли матери (9 респондентов) и отца (8 респондентов). Так, респонденты, выбравшие роль матери для демонстрации своего личного профиля в сети, отмечали такие характеристики, как изящность, красота, эстетика, честность, открытость, ответственность, искренность, скромность, забота, обыденность, сдержанность, включенность, доброта, душевность и спокойствие. Тогда как роль отца для пользователей социальной сети отражает презентабельность, уверенность в себе, естественность, дипломатичность, профессионализм, сдержанность и стиль. Следует отметить, что данные роли чаще всего «эксплуатируют» пользователи, которые ведут в Instagram бизнес-аккаунт и занимаются продвижением и продажей своих продуктов. Идентификация респондентов с ролями старухи, старика, героя, трикстера, ребенка (девочки), ребенка (мальчика) не была ярко выражена при использовании Instagram.

Далее респондентам из 9 оставшихся фигур было предложено выбрать одну, с которой он не идентифицирует себя при использовании социальной сети Instagram, и представить ее характеристику в свободной описательной форме. Частотный анализ полученных результатов показал, что ролевыми моделями, с которыми себя не идентифицирует большинство опрошенных пользователей Instagram, являются роли старухи (22 респондента), старика (9 респондентов) и трикстера (11 респондентов). Нежелание идентифицироваться с ролями старухи и старика в социальной сети респонденты связывают с пожилым возрастом фигур и присущими им характеристиками, которые пользователи бы не хотели демонстрировать на своей личной странице в профиле. Так, роль старухи пользователи связывают со стереотипностью, закрытостью, консервативностью, серьезностью, печалью, строгостью, занудством, наигранностью, низкой компетентностью, поучительностью, смирением, скромностью и ригидностью. Роль старика – с ворчливостью, агрессивностью, авторитарностью, безалаберностью, суровостью и угрюмым настроением. С ролью трикстера респонденты не желают идентифицироваться, так как отмечают присущие ей закрытость, двуличность, зависть, комизм, лживость, наигранность, подлость, демонстративность, лицемерие, скрытность, неестественность, противоборство. Однако одним из плюсов данной ролевой модели в процессе использования личного блога в сети респонденты отмечают анонимность и возможность не выкладывать личные фотографии, а «безлико» наблюдать за жизнью других пользователей. Таким образом, многие пользователи отвергают некоторую стереотипность и консервативность при использовании социальной сети и при этом желают оставаться интересными для других.

На последнем этапе респондентам из всех 10 фигур было предложено выбрать одну, на которую они хотели бы походить при использовании Instagram, и представить ее характеристику в свободной описательной форме. Частотный анализ полученных результатов показал, что ролевыми моделями, желаемыми для испытуемых в социальной сети, являются роли девы (14 респондентов), ведьмы (11 респондентов), героя (9 респондентов) и отца (8 респондентов). Так, похожими на роль девы в социальной сети респонденты хотят быть в следующем: открытость в общении, заинтересованность, красота, яркость, честность, мечтательность, романтичность, чувственность, вдохновенность, доброжелательность, искренность, спокойствие, женственность, трудолюбие, открытость новому, загадочность. Роль ведьмы привлекает пользователей сети демонстративностью, статусностью, уверенностью, красотой, инициативностью, харизмой, гордостью, любовью к себе, самодостаточ-

ностью, независимостью, стилем, властью, успешностью, закрепошенностью, целеустремленностью, самодостаточностью, раскованностью и сексуальностью. Желание идентифицироваться в социальной сети с ролью отца связано с потребностью в солидности, гениальности, уверенности, общительности, успешности, сдержанности, своеволии, профессионализме, перспективности, силе характера. Потребность презентовать себя в сети через роль героя связана с желанием быть уверенным в себе, самодостаточным, привлекательным, брутальным, стильным, утонченным, молодым и красивым. Потребность респондентов походить в социальной сети Instagram на роли старухи, старика, матери, трикстера, ребенка (девочки), ребенка (мальчика) не была ярко выражена.

Таким образом, в результате проведенного теоретического исследования было выявлено, что социальная сеть Instagram является одной из наиболее популярных среди пользователей интернет-пространства и используется для самопрезентации и создания виртуальной идентичности посредством демонстрации ролей. Эмпирическое исследование предпосылок ролевой идентичности в контексте социальной сети Instagram позволило отметить, что пользователи используют ее преимущественно для демонстрации своей личной жизни, предпочитая «открытый» (доступный для всех пользователей) профиль, и регулярно размещают какие-либо посты с текстом и фотографиями в своем профиле, идентифицируясь с определенными ролями.

Ролевыми моделями, с которыми идентифицируются большинство опрошенных пользователей социальной сети Instagram, являются роли девы и ведьмы. Это может указывать, с одной стороны, на потребность пользователей в позитивной самопрезентации и демонстрации эстетического профиля, а с другой – на желание выхода за рамки обозначенных в сети правил, чтобы показать свою индивидуальность и независимость. Нежелание идентифицироваться с ролями старухи и старика в социальной сети респонденты связывают с присущими им характеристиками, которые пользователи бы не хотели демонстрировать на своей личной странице в профиле: стереотипность, консервативность, закрытость. Роль трикстера отталкивает пользователей присущей ей закрытостью, лживостью, наигранностью, демонстративностью, лицемерием, скрытностью и противоборством. Однако некоторые пользователи, которые предпочитают оставаться анонимными и не выкладывают собственные изображения, могут наблюдать за другими пользователями. Чаще всего это респонденты, идентифицирующиеся в сети с ролью трикстера. Желаемыми для испытуемых в социальной сети, являются роли девы, ведьмы, героя и отца, что может указывать на потребность в ролевом многообразии, идентификации с позитивными ролевыми моделями и желании показать себя с лучшей стороны.

В качестве дальнейшей перспективы исследования может выступить сравнительный анализ реальной и виртуальной ролевой идентичности личности в контексте использования различных социальных сетей, что позволит охарактеризовать личность с учетом глобальной цифровизации.

Список литературы

1. *Белинская Е. П., Прилуцкая П. Ю.* Взаимосвязь виртуального социального статуса и личностных особенностей пользователей социальной сети Инстаграм // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 4. С. 116–130. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-116-130>

2. *Горноста́й П. П.* Личность и роль: Ролевой подход в социальной психологии личности. Киев: Интерпресс ЛТД, 2007. 312 с.
3. *Карпоян С. М.* Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-3 (54). С. 84–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24913605> (дата обращения: 06.04.2021).
4. *Козлова Н. С.* Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 387–390. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22148962> (дата обращения: 18.07.2021).
5. *Козлова Н. С., Сушков И. Р.* Стремление к публичности и самопрезентации как проявление специфических потребностей, реализуемых личностью в интернет-среде [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2013. № 6. С. 8. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21303708> (дата обращения: 27.06.2021).
6. *Кузнецова Е. В.* Виртуальная самопрезентация лиц с различным типом личностной идентичности [Электронный ресурс] // Вестник экспериментального образования. 2021. № 2 (27). С. 1–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46151635> (дата обращения: 15.06.2021).
7. *Наволока Ю. С.* Особенности самопрезентации непубличных персон в социальной сети «Инстаграм» [Электронный ресурс] // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сборник статей по материалам XIX международной научно-практической конференции (Москва, 15 октября – 25 ноября 2018 г.). М.: Международный центр науки и образования, 2018. С. 110–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36337916> (дата обращения: 05.06.2021).
8. *Нетусова Т. М.* Автофотопортрет как особая форма визуальной самопрезентации: социологический анализ [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 169–171. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23719891> (дата обращения: 14.06.2021).
9. Патент № 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Способ оценки психосоциального профиля личности [Электронный ресурс] / Ю. М. Перевозкина, Л. В. Паньшина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». № 2016105668; заявл. 18.02.2016; опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38267575> (дата обращения: 13.06.2021).
10. *Погорелов Д. Н.* Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 262–268. DOI: <https://doi.org/10.34772/KPJ.2020.141.4.037>
11. *Рыльская Е. А., Погорелов Д. Н.* Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1 (118). С. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-1-118-105-114>
12. *Степанова А. А.* Психологические особенности восприятия молодежью виртуальных образов (на примере социальной сети Инстаграм) [Электронный ресурс] // Молодёжь в меняющемся мире: вызовы современности: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Екатеринбург, 13 апреля 2017 г.): в 2 вып. Вып. 2. Екатеринбург, 2017. С. 305–313. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36544803> (дата обращения: 25.05.2021).
13. *Струганик В. В.* Основные направления использования возможностей социальной сети Инстаграм современными студентами [Электронный ресурс] // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 259–261. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43785934> (дата обращения: 19.07.2021).
14. *Трифонова С. А.* Социально-психологический анализ связи реальной идентичности пользователей и их самопрезентации в виртуальной среде [Электрон-

ный ресурс] // Мировые цивилизации. 2020. Т. 5. № 1–2. URL: <https://wcj.world/PDF/07PSMZ120.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).

15. Ухалова А. О. Особенности репрезентации «молодости» пользователями Instagram российского сегмента [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 179–183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24833736> (дата обращения: 23.06.2021).

16. Франтова Д. К. Социальные сети как пространство для конструирования виртуальной идентичности в восприятии пользователей разных возрастов [Электронный ресурс] // Прикладная психология на службе развивающейся личности: сборник научных статей и материалов XV Научно-практической конференции с международным участием (Коломна, 09–10 февраля 2017 г.) / под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Изд-во ГСГУ, 2017. С. 247–251. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29663377> (дата обращения: 10.05.2021).

17. Чеботарёва Н. А. Эстетизация жизни как особенность визуальной репрезентации в сети «Инстаграм» // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 12 февраля 2018 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. С. 175–176. DOI: <https://doi.org/10.21661/t-469250>

18. Чернавина Л. В. Инстаграм как форма автобиографической памяти [Электронный ресурс] // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 1 (5). С. 10–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27676791> (дата обращения: 25.05.2021).

19. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 544 с.

20. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>

21. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

22. Brands Ch., Kruike-meier S., Trilling D. Insta(nt)famous? Visual self-presentation and the use of masculine and feminine issues by female politicians on Instagram // Information, Communication & Society. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1962942>

23. Caldeira S. P., Bauwel S. V., Sander R. De “Everybody needs to post a selfie every once in a while”: exploring the politics of Instagram curation in young women’s self-representational practices // Information, Communication & Society. 2021. Vol. 24, Issue 8. P. 1073–1090. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1776371>

24. Spencer-Oatey H. Theories of identity and the analysis of face // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39, Issue 4. P. 639–656. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.12.004>

25. Zheng A., Duff B. R. L., Vargas P., Yao M. Zh. Self-Presentation on Social Media: When Self-Enhancement Confronts Self-Verification // Journal of Interactive Advertising. 2020. Vol. 20, Issue 3. P. 289–302. DOI: <https://doi.org/10.1080/15252019.2020.1841048>

Дата поступления статьи: 02.08.2021

ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

УДК 159.96+378

Федотова Вера Александровна

*магистр психологии, аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет; старший преподаватель департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия, vera_goldyreva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2189-9791*

АНТИЦИПАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СВЯЗИ С ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ К КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Иностранные студенты, обучающиеся в России, используют различные поведенческие, эмоциональные и когнитивные стратегии в процессе адаптации к образовательной среде вуза. Представленное исследование демонстрирует особенности копинг-стратегий, различия в шкалах социокультурной адаптации и в антиципационной состоятельности (в способности прогнозировать события) у студентов из Китая и стран СНГ. Было выявлено, что у студентов из стран СНГ – представителей низкоконтекстуальной, полихронной и реактивной культуры – доминирующими являются непрямая и пассивная стратегии совладания (осторожная модель поведения). Китайские студенты, культуру которых можно охарактеризовать как высококонтекстуальную, продемонстрировали доминирование просоциальной копинг-стратегии (модель поведения – поиск социальной поддержки). Установлены различия в шкалах социокультурной адаптации. Представителям высококонтекстуальной и реактивной культуры (китайским студентам) сложнее всего адаптироваться к особенностям учебного процесса, к требованиям, предъявляемым системой высшего образования, и к необходимости общаться на родном языке принимающей страны. Сделаны выводы, что личностно-ситуативная антиципационная состоятельность характерна для студентов из стран СНГ, а временная – для китайских студентов.

Ключевые слова: культура, копинг-стратегии, антиципационная состоятельность, социокультурная адаптация, шкалы адаптации.

Fedotova Vera Alexandrovna

*Master of Psychology, Postgraduate, Perm State National Research University;
Senior Lecturer of the Department of Management, National Research University
Higher School of Economics, Perm, Russia, vera_goldyreva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2189-9791*

ANTICIPATORY COMPETENCE AND COPING STRATEGIES OF INTERNATIONAL STUDENTS REGARDING THEIR CULTURAL AFFILIATION

Abstract. International students in Russia use various behavioural, emotional and cognitive strategies to cope with stress. Prevailing coping strategies help the students adapt to the unfamiliar learning environment. Our research shows the peculiarities of coping

strategies, reveals the differences in socio-cultural adaptation scales, and investigates the difference of anticipatory competence among students from China and students representing the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). The respondents who took part in this research are students from the CIS countries and from China studying in Russian institutions of higher education. We found that students from the CIS countries, representatives of low-context, polychromous and reactive culture, have the indirect coping strategy and the passive coping strategy (cautious model of behaviour) as their dominating strategies. Chinese students, whose culture may be characterised as high context, reactive with prevailing collectivism and femininity have shown the domination of pro-social behavioural strategy that is based on seeking social support. The scales of socio-cultural adaptation show differences in the students' academic adaptation and command of the Russian language. Representatives of high-context and reactive cultures (Chinese students) find it most difficult to adapt to the peculiarities of the learning process, to the requirements set by the higher education system and to the need to communicate in the native language of the hosting country. Personal and situational anticipatory competence is more typical for students from the CIS countries, and temporal anticipatory competence is stronger among Chinese students.

Keywords: culture, coping strategies, anticipatory competence, socio-cultural adaptation, adaptation scales.

Introduction

In the 21 century, many universities have internationalised their activity, making it their strategy of first importance. The number of international students is one indicator of how successful an institution is on the world market of educational services. We can notice the international character of modern education in the increase of academic mobility and the growth of numbers of international students. Most often, people adapt to a new socio-cultural environment by changing their stereotypes and behavioural patterns; however, they remain internally alienated from the social environment. Successful adaptation ensures fast integration into the learning process and overall increase in quality of education for those immature people.

So far, several papers have been written on the subject of adaptation of international students and related problems [3; 4; 6; 9; 12; 21; 24; 27]. All these works are theoretical. Also the adaptation programmes that were developed in the research's course are too generic and don't differentiate respondents by their culture. Besides, there is a contradiction, between the amount of empirical data on the adaptation of international students and the lack of research aimed at exploring the peculiarities of predicting troublesome situations in higher education and figuring out how to prevent them. Including all these facts into account, there is a need to study the peculiarities of adaptation, the dominant coping strategies and anticipatory competence of foreign students in connection with their culture.

The goal of the presented research is to study the characteristics of the socio-cultural adaptation of foreign students, depending on their belonging to a culture. The major objectives of the study are:

1. To study the features of the adaptation of foreign students to the new conditions of the educational environment of the university in connection with culture.
2. To study the anticipatory competence of foreign students associated with adaptation at the university.
3. To study the coping strategies of foreign students to the new conditions of the educational environment of the university in connection with their belonging to culture.
4. To determine the role of culture in the coping's formation strategy and anticipatory competence of foreign students in relation to culture.

Thus, the scientific novelty of the presented work is to identify coping strategies, factors of adaptation, and components of the anticipatory competence of foreign students, depending on their cultural affiliation. Previously the anticipatory competence of foreign students was not studied, especially in the cross-cultural aspect.

Background

A model of adaptation of foreign students

Adaptation is a process that is a prerequisite and a way of socialization, allowing individuals to actively engage in various elements of the social environment, which is complicated by the existing linguistic, climatic, intercultural, interethnic, motivational barriers. A theoretical analysis of the literature made it possible to plan a model of adaptation to the educational environment of a Russian university (see Fig.). The adaptation model includes the factors, types, conditions of adaptation, coping strategies, ability to predict troublesome situations (anticipatory competence). The structure of adaptation to the educational space of a university is represented by adaptation factors. As external factors of adaptation consider "environmental adaptation", "level of knowledge of the Russian language". Internal factors of adaptation include "interpersonal communication", "educational adaptation", "presence of interests, group involvement". Foreign students studying in Russian universities use various coping strategies (coping mechanisms with stress). Using coping strategies (active, prosocial, passive, direct, indirect, asocial) by foreign students is associated with cultural affiliation (high-context, low-context, polychromous, monochronous, polyactive, monoactive, reactive). In addition, the adaptation model includes the ability to predict hard situations (anticipatory competence). The typology of anticipatory competence includes temporal (difficulties in predicting hard situations related to time), personality-situational (difficulties in predicting hard situations associated with communication), spatial anticipation solvency (spatial orientation).

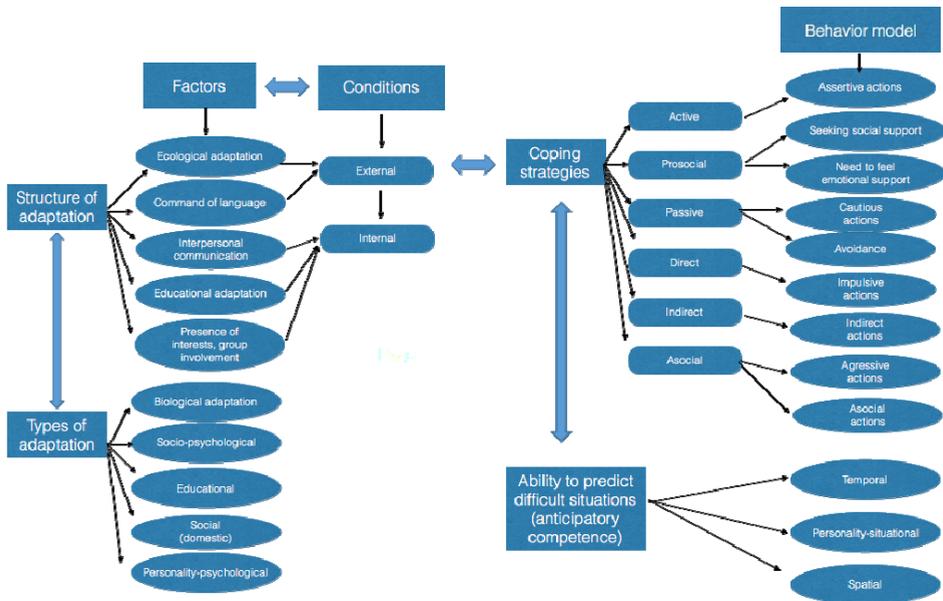

Fig. A model of adaptation of foreign students to new conditions of the educational environment

Coping behaviour strategies

Foreign students come to study in Russia from around the world, from different climatic zones. They are representatives of different cultures and traditions, values and norms of behavior. Despite some experience already gained in their native country, the specifics of education and the conditions of life in Russia are unusual for a foreign student. In addition, each foreign student has a different level of proficiency in Russian, special individual psychological qualities and specific strategies of coping with stress.

The aim of another study, held in Russia, was to determine the safe and unsafe types of defensive and coping behavior of students. The study involved 332 college and university students from the first to the fourth years of study (from 16 to 22 years old) from Ekaterinburg [19]. Because of the study, the author identified four types of defensive and coping behavior: adaptive, victim, neurotic, and altruistic. Many protective and coping behavior were divided into two grounds: safe or unsafe, directed at oneself or at others. "Adaptive" and "altruistic" types of behavior attribute to safe defensive and coping behavior and "neurotic" and "victim" types attribute to unsafe.

We shall mention several studies conducted outside of Russia that also had students' coping strategies as their object. It focused one of those studies on the coping strategies used by the students of the Faculty of Economy and Management at the Czech University, within the "Governmental management and regional development" study programme (n = 177). The research showed age differences between students, and differences between the groups of part-time and full-time students, regarding the following coping strategies: situational control, reaction control, positive self-teaching. Such coping strategies dominate among part time-students of the Faculty of Economy and Management at the Czech University [17].

Another study involved Turkish students as respondents: precisely, 12 EFL students who had finished their study practice at the Anadolu University. They suggested the participants to keep a diary where they had to describe their adaptation issues. The research data also included semi-structured interviews and field notes taken by researchers. The analysis of the data showed that it related the most serious adaptation problems to interpersonal communication inside a group, and the most successful coping strategy consisted in cooperating both with students who had a similar mindset and with teachers [16].

Research by Australian authors [11] used the quantitative approach to investigate problems that international students may encounter. Twenty-two international students from a university in Australia took part in 4 focus groups. It was found that the students' problems included their social isolation, their lacking English skills, academic struggles, expectations that weren't satisfied, a tight schedule, cultural shock and psychological discomfort. The main coping strategies implemented by the international students involved seeking additional information, leaving their comfort zone, interacting actively with native speakers in the hosting country, practising their social skills, developing time management skills, and going to the University centre for psychological counselling.

The results of another study show that in stressful situations international students used different stress coping strategies when compared to domestic students [22]. The study recruited 356 students: 258 host and 98 international students. Moreover, stress coping strategies used by international and domestic students were differently connected to health outcomes.

A series of studies was based on the responses of Chinese students [5; 8]. The methodology of consensual qualitative research (CQR) was used to analyse data gathered from semi-structured interviews. They performed the selection of respondents out of

Chinese students in various universities of the world. The authors defined several academic stressors and differentiated them according to frequency labels. The dominant sources of academic stress were: academic incompetence, cultural shock, different academic standards, and intercultural communication issues. As a result, it was found that Chinese students had been getting the main social support in the academic context from their compatriots of the same age. The results coming from the research data implied that their culture mainly influenced behavioural peculiarities of Chinese students and not by general academic context. Indian students were respondents in researches, dedicated to revealing the problems of adaptation in Russian universities [2; 24]. Authors have found that it is possible to make the adaptation process easier and faster by creating the conditions for the education and residence of students from different countries with a consideration of the historical and cultural heritage, and the national and religious characteristics of the individuals involved in the educational space [2].

Although there are several studies aimed at researching adaptation strategies used by international students, it is necessary to point out that most studies do not differentiate the students by their nationality and not to mention their culture-specific traits.; the studies do not provide any analysis of the differences between coping strategies used by representatives of distinct cultures.

Anticipatory competence

To the present day, many studies had been performed on anticipation and prediction in psychological science in various aspects, including general psychology, medical psychology, pedagogical psychology and ontogenetic aspect. The present article is an attempt to define the anticipatory competence of international students depending on their culture many.

The base category in our research is anticipation. Anticipation is the ability of a subject to act and decide with a certain space-time prediction of expected future events. The notions of “anticipation” and “anticipatory capacities” have the same meaning, which makes these categories identical in most psychological contexts [18]. Anticipatory or prognostic competence is the ability of an individual to expect the development of events with high probability, to predict how the situations will develop and how this individual will react to them, and to be a few steps ahead when taking action [15, p. 99]. Anticipatory competence describes a certain level of development of anticipatory abilities in an individual. Here, two terms, “anticipatory competence” and “prognostic competence”, have identical meanings.

At the present time, there are no studies aimed at exploring anticipatory competence with international students, especially in the aspect of cultural differences.

Features of Chinese and CSI students

Culture is not reduced to ethnicity. It is a system of certain stereotypes, norms of behavior among ethnic groups representatives. Culture is determined by the degree of awareness, the communication process within and outside the group, the strength of the cultural system [10]; attitude towards activities and planning [1; 10]; attitude towards time [11; 20] and relation to the members of ingroup and outgroups.

The Chinese culture is a high context culture, a reactive one, with predominating collectivism and femininity. A high context culture has several characteristic traits, such as a non-expressive and reserved manner of speaking, meaningful and many pauses in the speech, an important role of non-verbal communication and the skill of “speaking with one’s eyes”; they see detailed information as something excessive since the primary background knowledge is enough to communicate; dissatisfaction is never expressed

openly, whatever the conditions or the communication results are [10; 20]. In such cultures, it is typical to use a lot of innuendos, implications, figurative expressions etc. Because of this peculiarity, students find themselves poorly informed and in need for additional information to understand representatives of distinct cultures as they communicate. The Chinese culture gives a special place to respect and politeness. Representatives of this culture are introverted, taciturn, respectful, punctual, task-oriented; they avoid confrontation, their gestures and mimics are difficult to observe. For instance, the results of one research have showed that Chinese students, during their adaptation period, use a style of communication with the dominating coping strategy of “seeking social support” [13; 14]. One of the most problematic moments in the learning process of Chinese students is their Russian language level. Actually, their command of Russian language may be described as concerning. Most students (62,4 %) only have elementary knowledge of Russian. Just a few can speak Russian well or at least read texts in it without difficulty (the respective 7 % and 5 % of students).

Earlier, A. E. Serikov had studied the perception of time in Chinese culture. The author concluded that identifying the Chinese culture as mono-chronic or poly-chronic, the way they present it in some literature, is rather conventional. The timetables and schedules are flexible in the Chinese culture, like in a poly-active culture, but punctuality is strictly respected, which is typical for mono-chronic cultures [23]. It bases the perception of time in this culture both on the linear and cyclic models. As noted by R. Lewis, whether Chinese culture belongs to the monochromic or polychromous is still open [23].

There is scarce literature on the cultural features of the cultural peculiarities of the people from the CIS countries. To identify the culture of the CIS countries, we conducted an expert survey. It was an assessment by experts of the peculiarities of the CIS country’s culture. The expert group included 18 students of the National Research University Higher School of Economics – Perm from Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan. The instruction was: «Dear friend! We study the peculiarities of the culture of the CIS countries. We ask you to act as experts and fill out this questionnaire. Please follow the instructions carefully and do not skip questions. Below are the characteristics of cultures. Please read each description and consider how similar it is to your type of culture by checking “yes” or “no” in one box on the right». Respondents had to rate 21 statements. As a result, it was found that the culture of the CIS countries belongs to the low-context, polychromous and reactive type.

We compiled the questionnaire based on an analysis of the cultural characteristics of different countries [10; 20]. According to Hall, depending on the way of using time, cultures should be divided into two opposite types: monochromous, in which time is distributed in such a way that only one type of activity is possible at a time; polychromous, in which it performs several types of activity at the same time interval. According to Lewis [1], the reactive nations are polite, outwardly friendly, kind, wonderful listeners. Their cultures are called «listening cultures» [1; 20].

Materials and Methods

Participants

The respondents for this research originate from China, Uzbekistan and Kazakhstan. All of them are students in institutions of higher education in Perm, Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Kazan and Yekaterinburg. The overall number of respondents equals to 124 (see Table 1).

Socio-demographic characteristics of the study sample

Respondents	Number of respondents	Age
Chinese students	45	Min: 18 Max: 24 Average: 21
Representatives of Uzbekistan	37	Min: 18 Max: 23 Average: 20
Representatives of Kazakhstan	42	Min: 18 Max: 24 Average: 21

Chinese students who have been studying in Russia for one to five years are representatives of a high context and reactive culture, with prevailing collectivism and femininity. Students from the CIS countries belong to the low-context, polychromous and reactive culture. Representatives of Uzbekistan and Kazakhstan were conventionally united into one group, as representatives of the CIS countries.

Methods

To study the coping strategies, the peculiarities of socio-cultural adaptation and the anticipatory competence, we used the following research methods and approaches. Three questionnaires have been used in the research: “Revised Socio-cultural Adaptation Scale” (SCAS-R) [26], “Coping Strategies for Stress Situations” (Strategic Approach to Coping Scale – SACS) [25] and the “Anticipatory Competence Test” [15; 18]. We translated and adapted the questionnaires. Respondents could choose in which language they should fill out questionnaires. Russian-language questionnaires have been adapted and translated into English. The technique of “Revised Sociocultural Adaptation Scale (SCAS-R)” [26] was adapted into Russian. In the process of adaptation of the method, we performed a direct and reverse translation of the questionnaire. The scales of the method have a sufficiently high reliability according to the internal consistency of their points (Cronbach 0.76).

Revised Sociocultural Adaptation Scale (SCAS-R) [26]. It bases this method on a questionnaire that includes 21 statements. A respondent must assess their agreement or disagreement with the statements using a 1 to 5 scale. Afterwards, using the assessment key, a grade is calculated for each of the 5 scales that are contained in the method and selected by exploratory factor analysis using the principal components analysis with Varimax rotation applied to the correlation matrix (Interpersonal Communication, Academic/Work Performance, Personal Interests & Community Involvement, Ecological Adaptation, Language Proficiency). This method was tested and adapted within a doctoral dissertation by Jessie Kaye Wilson in 2013 (with over 2000 respondents) [26].

Coping Strategies for Stress Situations (Strategic Approach to Coping Scale – SACS) [25]. This method uses a questionnaire of 54 statements. Using the assessment key, a grade is calculated for each of the following scales: «assertive actions», «starting social contact», «seeking social support», «cautious actions», «impulsive actions», «avoidance», «indirect actions», «asocial actions», and «aggressive actions». According to the theory suggested by Hobfoll, the models of coping are characterised by three axes of an individual’s behaviour. The strategic direction of coping behaviour is supposed to be described by three coordinates: the pro-social/asocial strategy axis, the passive/active axis, and the direct/indirect (manipulative) action axis [25].

Anticipatory competence test [15; 18]. V. D. Mendelevich and G. D. Khafizova tested and approved the method in 2007. The authors researched the connection between anticipatory competence and volitional activities in patients with personality disorders [15]. Although the method «Anticipatory competence test» was originally used to identify personality disorders, according to the developers of the questionnaire: the development of the concept takes it beyond clinical psychology [18]. Anticipatory solvency is becoming the subject of study in other areas, including the educational one [7]. The possibility of a wide range of application of this technique allowed us to take it as a basis in the presented study, since the treatment of time and the features of the communicative can be because of cultural differences.

Procedure

During the study, we used three techniques. The questionnaire presented to the respondents included three methods at once. In collecting data, we had two questionnaires – in Russian and in English. The respondents had a choice, the questionnaire in which language to fill out. The survey of respondents was carried out in person, also questionnaires were provided and filled in by respondents in Google – forms. First, we identified the dominant coping strategies for people from unique cultures using «Coping Strategies for Stress Situations», calculating the average for each strategy. We also calculated the standard deviation for each of the variables and differences between groups. On the second step, we analyzed the data on the methods of the “Revised Sociocultural Adaptation Scale” and “Anticipatory competence test”, revealing the dominant values on the scales of adaptation and indicators of anticipatory consistency using the methods of descriptive statistics. The study involved young people studying in Russian universities from 1 year to 3 years of humanitarian and technical specialties. Students from Moscow, Astrakhan, Kazan, Nizhny Novgorod, St. Petersburg filled out an online questionnaire which was distributed through the department of working with foreign students in the Russian universities or distributed on social networks groups for international students. Foreign students of the Perm city filled out a questionnaire in the presence of an interviewer. Nevertheless, we should acknowledge the potential cognitive biases commonly associated with self-reported measures, such as the effect of social desirability. The respondents were unfamiliar with each other, and the purpose of the study was not indicated in the questionnaire itself. The primary analysis of the answers given by the respondents has enabled us to calculate the minimum, maximum and mean values, standard deviation for each variable, and differences revealed using Student’s t-distribution.

Results and Discussion

Coping strategies detection

The results got using the method called “Strategies for overcoming stress situations” [25] which is aimed at researching dominant coping strategies, are presented in the table 2. The primary analysis of the answers given by the respondents enabled us to calculate the mean value and the standard deviation for each of the variables (see Table 2).

Indicators of coping strategies among representatives of former CIS countries and China

Coping strategies	The models of coping	Students of former CIS countries		Chinese students	
		The severity of the overcoming models	St. Dev.	The severity of the overcoming models	St. Dev.
Active	Assertive actions	20,5	0,64	19,8	0,83
The pro-social strategy	Need to feel emotional support	22,5	0,95	26,2	0,90
The pro-social strategy	Seeking social support	21	0,73	28	0,74
The passive strategy	Cautious behaviour	22,85	0,99	24,2	0,69
Direct strategy	Impulsive actions	20,4	0,71	20,6	0,93
The passive strategy	Avoidance	19,65	0,68	22,6	0,84
Indirect strategy	Indirect actions	23,25	0,82	20	0,61
Asocial strategy	Asocial actions	19,95	0,9	24,58	0,85
Asocial strategy	Aggressive actions	21,05	0,82	22,16	0,75

The table shows that representatives of the CIS countries have mostly showed indirect and passive coping strategies, which are manifested in their cautious behaviour and indirect actions. Such behaviour models as avoidance and asocial actions have been the least expressed of all. We intend this strategy to cope with stress and reduce it, but as a result, the individual will function and developing at a lower functional level. From all the above, we can see that the representatives of Uzbekistan and Kazakhstan, whose culture may be characterised as low-context, polychromous and reactive culture, mostly ponder on all the choices and solutions; they typically avoid doing their best, unless we really need it, and prefer to save their resources; they do not trust others without proof and prefer to keep everything under control. The results of the study show that respondents from this culture can manipulate other people, play along with other people or mimic them to achieve their goals. However, it is rare that they commit asocial actions against other people. The respondents are less likely to postpone actions needed to resolve an issue, hoping it will resolve the problem on its own; they are also less likely to avoid decisive actions that require high concentration and responsibility for the outcome. Behavioural patterns like giving priority personal interests, even if it harms other people, showing power and superiority to reinforce one's authority, researching weaknesses in other people intending to use them in one's own interest, are very scarcely expressed with representatives of the CIS countries.

Chinese students in Russia have showed the prevalence of the pro-social coping strategy that expresses itself in seeking social support. Chinese respondents associate with other people when they need to resolve an issue, they ask advice from friends and relatives, and they ask for help. In hard moments, they need to feel emotional support coming from people close to them. Behavioural models based on avoidance and assertive actions are less typical of the Chinese respondents. The results got speak about that Chinese students may find it difficult to refuse when they are asked to do something; they feel awkward when others praise them or give compliments. They are less likely to manipulate other people, play along with them or mimic their actions, to withhold truth to achieve their goals. It does not relate asocial actions of Chinese students to cultural characteristics, perhaps this coping strategy acts as a protective mechanism for this group of foreign students.

Peculiarities of social adaptation

The results from the second part of the questionnaire that is focused on researching peculiarities of socio-cultural adaptation are shown in the table 3 [26].

Table 3

**Scales of sociocultural adaptation (using the Revised Sociocultural Adaptation Scale method)
(Student's t-test)**

Scales	Students from the CIS			Chinese students		
	Median	Min – max	St. Dev.	Median	Min – max	St. Dev.
Interpersonal communication	3,85	1–5	1,07	4,23	2–5	1,05
Academic (learning) adaptation	4,21**	3–5	0,75	3,2**	2–5	0,9
Presence of interests and group involvement	3,62	2–5	1,04	3,5	1–5	1,23
Ecological adaptation	3,3	1–5	1,06	3,25	1–5	1,29
Command of language	4,35*	1–5	1,09	3,7*	2–5	1,1

Note: ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

Students from the CIS countries have the highest grades in academic (learning) adaptation and language level self-assessment; they rarely experience problems with ecological adaptation that represents, according to the method, their adaptation to the noise level, density of population and the rhythm of life. Also, this group of respondents adapt more easily to the learning process, which implies that they successfully fulfil their academic duties, work together in groups with other students, receive feedback from teachers and group mates, and they can suggest and discuss ideas in a group of learners, using the manner of communication typical of the hosting country.

As for the Chinese students who attend Russian institutions of higher education, they have the highest grades on the “interpersonal communication” scale. This means that the respondents participate in social life, show empathy, build and maintain relations with other people and alter their behaviour depending on the rules, norms, beliefs and relationships.

We have detected significant cultural differences between the “academic adaptation” and “command of language” scales. Earlier research had shown that one of the major adaptation barriers experienced by Chinese students is the language barrier.

Anticipatory competence

The results are shown in the Table 4.

Table 4

Indicators of anticipatory competence

Indicators of anticipatory competence	Chinese students		Students from the CIS countries	
	Mean	St. Dev.	Mean	St. Dev.
Personal and situational anticipatory competence	164,2**	0,73	217,56**	0,81
Spatial anticipatory competence	48,4	0,34	69,5	0,58
Temporal anticipatory competence	44,6*	0,88	39*	0,76
Common anticipatory competence	247,2*	0,68	326,06*	0,75

Note: ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$

With Chinese students, the situational and personal aspect of anticipatory competence is less expressed than with students from Uzbekistan and Kazakhstan. Chinese students are less likely to be disappointed in other people, they rarely get offended and hold grudges against close friends and acquaintances, and they cannot predict how a person they know will act in a certain situation. They rarely think about things that may happen to them with the future, and if other people promise something to them, they will trust them as long as they can. They do not manifest the communicative aspect of anticipation and the ability to predict social situations as visibly in this group of respondents as it is with representatives of a culture similar to the Russian culture by its poly-chronicity and poly-activity.

Our research has also shown that students with this kind of cultural affiliation have a more expressed temporal anticipatory competence that represents chronometric abilities of an individual, i.e. the ability to predict the flow of time and manage it. Based on the data Chinese students are less likely to be late for class because of unpredictable factors on their way because they are eager to plan their time to the minute and keep track of their activities, planning how much time this or that activity will take up. They do not like when others are late for a meeting; they are punctual and expect the others to be the same.

The personal and situational component of anticipatory competence is higher with representatives of a low-context, polychromous culture. Students from the CIS countries can predict how a person they know will act in a certain situation; they are trying to think beforehand about any dangers; they fear uncertainty, and it is typical of them to be thinking what they would do if they were expelled from university or lost their job. They think only of the positive outcome, believing that this will lead to the desired outcome in reality. And yet, they rarely can be taken by surprise, and they do not fully trust people. Respondents from this type of culture—unlike people from a high context and reactive culture—seem to be less able to predict the time flow and manage it according to their needs. They are often late; they have troubles deciding how much time it will take to complete a task; they are not always punctual and not always able to plan their itinerary well enough to arrive on time to their appointments, and they rarely keep track of their daily tasks, unlike the students from China.

General anticipatory competence is higher with students from the CIS countries. Although there are differences between these two groups of students, we say that general anticipatory competence is higher than average score according to the technique for both groups (the grade exceeds 241).

Conclusion

Increasing popularity of the subject of international students and creating a favourable educational environment for them in Russia makes the researchers interested in studying the peculiarities of how such students adapt to new living and learning conditions. The respondents for this research originate from China, Uzbekistan and Kazakhstan. The Chinese culture is a high context culture, a reactive one, with predominating collectivism and femininity. At the same time there is a scarce literature on the cultural peculiarities of the cultural peculiarities of the people from the CIS countries. The present research has shown that students from the countries of the Commonwealth of Independent States, belong low-context, polychromous and reactive culture. They use indirect and passive (cautious behaviour model) coping strategies as their preferred ones. Chinese students choose the pro-social behaviour strategy as the dominant one. This strategy consists in seeking social support and establishing social contact. The “seeking social support” coping strategy is one of the most powerful coping resources. Social support reduces

the influence of stressors upon the body, thus protecting the health and well-being of the individual. The “social support” coping strategy may have both a positive and negative effect on the person; for example, it may find a manifestation in an excessively external locus of control, interpersonal dependence or defensive mechanisms, like confluence. The scales of socio-cultural adaptation have shown differences in academic adaptation and language command. Representatives of high-context and reactive cultures (Chinese students) find it most difficult to adapt to peculiarities of the learning process and academic requirements of the higher education system. Besides successfully completing academic duties, respecting rules and meeting requirements of higher education, academic adaptation also includes group work with other students, getting feedback from teachers and fellow students, positioning oneself in the study group. These behavioural patterns also prove difficult for Chinese students.

Researching anticipatory competence among international students has allowed us to reveal a significant difference between unique cultures regarding the situational and personal component and the temporal component of prognostic competence. The communicative aspect of anticipation and the ability to predict situations that involve communication are less developed with representatives of high-context and reactive cultures than with representatives of low-context, polychromous and reactive cultures. With that being said, respondents from the first cultures show a better ability to predict the time flow and manage it accordingly. The data, specifically, the ability to expect social situations, predict the time flow and manage time may become a foundation for developing adaptation programmes that could accompany international students coming from distinct cultures.

The results can be useful in the activities of a practical psychologist in the process of consultation and preventive work aimed at adapting foreign students to a Russian university. It can apply the methodological tools used in the complex, in the psychological service, in working with foreign students. The practical significance lies in using the results for the development of adaptation programs for foreign students to new conditions of the educational environment of a Russian university in connection with cultural affiliation (high-context, low-context, polychromous, monochromous, poly active, mono active, reactive) using students from China and the CIS countries as examples. The limitations of the study are the impossibility of disseminating the results to all representatives of the studied cultures, however, the results can serve as a reserve for further research in this area.

Список литературы

1. Булатова Т. А., Глухов А. П. Состояние межэтнических отношений в Томске в оценке образовательных мигрантов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 117–124. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/11>
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
3. Даниленко О. И. Антиципационная состоятельность как предиктор субъективного благополучия студентов [Электронный ресурс] // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 264–268. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antitsipatsionnaya-sostoyatel'nost-kak-prediktor-subektivnogo-blagopoluchiya-studentov/viewer> (дата обращения: 31.05.2021).
4. Лыкова Н. М., Караведо Интриаго Р. Стили совладающего поведения латиноамериканских и китайских студентов в период адаптации к условиям новой со-

циокультурной среды [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 1. С. 42–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13983077> (дата обращения: 30.05.2021).

5. *Никифорова Д. М.* К вопросу о безопасности защитного и совладающего поведения студентов в образовательной среде [Электронный ресурс] // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 113–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bezopasnosti-zaschitnogo-i-sovladayuschego-povedeniya-studentov-v-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 31.05.2021).

6. *Ничипоренко Н. П., Менделевич В. Д.* Антиципационная состоятельность в структуре совладающего поведения личности // Неврологический вестник. 2010. Т. 42, № 3. С. 47–50.

7. *Сериков А. Е.* Восприятие времени в китайской культуре [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2 (20). С. 50–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27681716> (дата обращения: 30.05.2021).

8. *Хафизова Г. Д., Менделевич Г. Д.* Взаимосвязь антиципационной состоятельности и волевой деятельности у пациентов с личностными расстройствами [Электронный ресурс] // Практическая медицина. 2007. № 3 (22). С. 52–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13295605> (дата обращения: 30.05.2021).

9. *Шкунов В. Н., Радченко Л. Р.* Обучение индийских студентов за рубежом [Электронный ресурс] // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 3 (11). С. 6–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-indijskih-studentov-za-rubezhom> (дата обращения: 31.05.2021).

10. *Abramova I. E., Ageeva N. A., Shapovalov G. N., Lysenko K. N., Samofalova M. V.* Russia-India: Indian student's adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilization and cultures [Электронный ресурс] // Periodico Tcheco Quimica. 2018. Vol. 15 (38). Pp. 87–94. URL: https://www.researchgate.net/publication/326989988_Russia-India_Indian_students'_adaptation_in_Russian_universities_in_the_context_of_the_dialogue_of_civilizations_and_cultures (дата обращения: 10.05.2021).

11. *Arthur N., Flynn S.* International Students' Views of Transition to Employment and Immigration [Электронный ресурс] // The Canadian Journal of Career Development. 2013. Vol. 12. No. 1. Pp. 28–37. URL: <https://ceric.ca/wp-content/uploads/2012/10/International-Students-Views-of-Transition.pdf> (дата обращения: 29.05.2021).

12. *Biserova G. K., Shagivaleeva G. R.* Socio-Psychological Adaptation of International Students to Learning and Professional Activities // Space and culture, India. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.20896/saci.v6i5.411>.

13. *Cao C., Meng Q., Shang L.* How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 63. Pp. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.12.002>

14. *Cao C., Zhu C., Meng Q.* Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties // Asian Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 20, Issue 2. Pp. 85–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajsp.12171>

15. *Gatwiri G.* The Influence of Language Difficulties on the Wellbeing of International Students: An Interpretive Phenomenological Analysis [Электронный ресурс] // Inquiries Journal. 2015. Vol. 7. No. 5. Pp. 23–29. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1042/the-influence-of-language-difficulties-on-the-wellbeing-of-international-students-an-interpretive-phenomenological-analysis> (дата обращения: 28.05.2021).

16. *Hall E. T.* The Dance of Life: The Other Dimension of Time. New York: Doubleday, 1983. 250 p.

17. *Khawaja N. G., Stallman H. M.* Understanding the Coping Strategies of International Students: A Qualitative Approach // Journal of Psychologists and Counsellors in Schools. 2011. Vol. 21, Issue 2. Pp. 203–224. DOI: <https://doi.org/10.1375/ajgc.21.2.203>

18. *Kolesnikov A. A., Nikulina D. E., Danilenko I. A., Zimovets N. V.* Social and psychological features of inter-cultural adaptation of Russian students in different universities // *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.18844/cjes.v14i1.3966>
19. *Lewis R. D.* When culture collide: leading across cultures [Электронный ресурс]. Boston; London: Nicholas Brealey International, 2016. URL: <https://utntyh.com/wp-content/uploads/2011/11/When-Cultures-Collide.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
20. *Magomedova E.* Psychological support of Korean students at the stage of cultural adaptation in the Russian university [Электронный ресурс] // *Espacios*. 2018. Vol. 39. No. 25. Pp. 13–19. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n25/a18v39n25p37.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
21. *Merç A., Subaşı G.* Classroom Management Problems and Coping Strategies of Turkish Student EFL Teachers // *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*. 2015. Vol. 6, Issue 1. Pp. 39–71. DOI: <https://doi.org/10.17569/tojqi.41736>
22. *Natovova L., Chylova H.* Coping Strategies Adopted by University Students – Part II: Role Conflict and Age // *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*. 2012. Vol. 5. No. 4. Pp. 226–238. DOI: <https://doi.org/10.7160/eriesj.2012.050405>
23. *Nishimura S., Nevgi A., Tella S.* Communication Style and Cultural Features in High/Low Context Communication Cultures: A Case Study of Finland, Japan and India [Электронный ресурс] // *Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki*. 2008. Pp. 783–796. URL: https://www.researchgate.net/publication/255646167_Communication_Style_and_Cultural_Features_in_HighLow_Context_Communication_Cultures_A_Case_Study_of_Finland_Japan_and_India (дата обращения: 02.03.2021).
24. *Ruzhenkova V. V., Ruzhenkov V. A., Morozova E. N., Lukyantseva I. S.* Affective disorders associated with educational stress among foreign medical students // *Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences*. 2018. Vol. 5. No. 7. Pp. 7021–7027. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.1324399>
25. *Sapranaviciute L., Perminas A., Pauziene N.* Stress coping and psychological adaptation in the international students // *Central European Journal of medicine*. 2012. Vol. 7. Pp. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.2478/S11536-011-0161-7>
26. *Wilson J. K.* Exploring the Past, Present, and Future of Cultural Competency Research: The Revision and Expansion of the Sociocultural Adaptation Construct [Электронный ресурс]: Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, 2013. 363 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41338074.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).
27. *Wu H., Garza E., Guzman N.* International Student's Challenge and Adjustment to College // *Education Research International*. 2015. Vol. 7. Pp. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.1155/2015/202753>

References

1. Bulatova T., Glukhov A. The state of inter-ethnic relations as assessed by education migrants. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 43, pp. 117–124. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/11> (In Russian)
2. *Vodopyanova N. Y., Starchenkova E. S.* *Burnout Syndrome: Diagnosis and Prevention*. St. Petersburg, Russia: Peter, 2008. 336 p. (In Russian)
3. Danilenko O. I. Anticipatory consistency as a predictor of the subjective well-being of students. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2018, vol. 7, no. 3 (24), pp. 264–268. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antitsipatsionnaya-sostoyatelnost-kak-prediktor-subektivnogo-blagopoluchiya-studentov/viewer> (In Russian)
4. Lykova N. M., Caravedo Intriago R. Styles of coping behavior of Latin American and Chinese students in the period of adaptation to the conditions of a new socio-cultural environment. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology*

- and Pedagogy*, 2010, no. 1, pp. 42–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13983077> (In Russian)
5. Nikiforova D. M. The question of defensive and coping student's behavior safety in the educational environment. *Siberian Journal of Psychology*, 2016, no. 62, pp. 113–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bezopasnosti-zaschitnogo-i-sovladayuschego-povedeniya-studentov-v-obrazovatelnoy-srede> (In Russian)
6. Nichiporenko N. P., Mendelevich V. D. Anticipation opulence in the structure of personal coping-behaviour. *Neurological Bulletin*, 2010, vol. 42, no. 3, pp. 47–50. (In Russian)
7. Serikov A. E. Perception of time in Chinese culture. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, 2016, no. 2, pp. 50–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27681716> (In Russian)
8. Khafizova G. D., Mendelevich G. D. Interrelation between anticipatory solvency and volitional activity in patients with personality disorders. *Practical medicine*, 2007, no. 3 (22), pp. 52–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13295605> (In Russian)
9. Shkunov V. N., Radchenko L. R. The Education of Indian students abroad. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2013, no. 3 (11), pp. 6–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-indiyskih-studentov-za-rubezhom> (In Russian)
10. Abramova I. E., Ageeva N. A., Shapovalov G. N., Lysenko K. N., Samofalova M. V. Russia-India: Indian student's adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilization and cultures. *Periodico Tehe Quimica*, 2018, vol. 15 (38), pp. 87–94. URL: https://www.researchgate.net/publication/326989988_Russia-India_Indian_students'_adaptation_in_Russian_universities_in_the_context_of_the_dialogue_of_civilizations_and_cultures
11. Arthur N., Flynn S. International students' views to employment and immigration. *The Canadian Journal of Career Development*, 2013, vol. 12, no. 1, pp.28–37. URL: <https://ceric.ca/wp-content/uploads/2012/10/International-Students-Views-of-Transition.pdf>
12. Biserova G. K., Shagivaleeva G. R. Socio-Psychological Adaptation of International Students to Learning and Professional Activities. *Space and culture, India*, 2019, vol. 6, no. 5, pp. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.20896/saci.v6i5.411>
13. Cao C., Men Q., Shang L. How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018, vol. 63, pp. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.12.002>
14. Cao C., Zhu C., Meng Q. Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties. *Asian Journal of Social Psychology*, 2017, vol. 20, Issue 2, pp. 85–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajsp.12171>
15. Gatwiri G. The Influence of Language Difficulties on the Wellbeing of International Students: An Interpretive Phenomenological Analysis. *Inquiries Journal*, 2015, vol. 7, no. 5, pp. 23–29. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1042/the-influence-of-language-difficulties-on-the-wellbeing-of-international-students-an-interpretive-phenomenological-analysis>
16. Hall E. T. (1983). *The Dance of Life: The Other Dimension of Time*. New York: Doubleday, 1983. 250 p.
17. Khawaja N., Stallman H. Understanding the Coping Strategies of International Students: A Qualitative Approach. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 2011, vol. 21, Issue 2, pp. 203–224. DOI: <https://doi.org/10.1375/ajcg.21.2.203>
18. Kolesnikov A. A., Nikulina D. E., Danilenko I. A., Zimovets N. V. Social and psychological features of inter-cultural adaptation of Russian students in different universities. *Cypriot Journal of Educational Sciences*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.18844/cjes.v14i1.3966>

19. Lewis R. *When culture collide: leading across cultures*. Boston; London: Nicholas Brealey International, 2016. URL: <https://utntyh.com/wp-content/uploads/2011/11/When-Cultures-Collide.pdf>

20. Magomedova E. Psychological support of Korean students at the stage of cultural adaptation in the Russian university. *Espacios*, 2018, vol. 39, no. 25, pp. 13–19. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n25/a18v39n25p37.pdf>

21. Merç A., Subaşı G. Classroom Management Problems and Coping Strategies of Turkish Student EFL Teachers. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, 2015, vol. 1, Issue 6, pp. 39–71. DOI: <https://doi.org/10.17569/tojqi.41736>

22. Natovova L., Chylova H. Coping Strategies Adopted by University Students. Part II: Role Conflict and Age. *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*, 2012, vol. 5, no. 4, pp. 226–238. DOI: <https://doi.org/10.7160/eriesj.2012.050405>

23. Nishimura S., Nevgi A., Tella S. Communication Style and Cultural Features in High/Low Context Communication Cultures: A Case Study of Finland, Japan and India. *Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki*, 2008, pp. 783–796. URL: https://www.researchgate.net/publication/255646167_Communication_Style_and_Cultural_Features_in_HighLow_Context_Communication_Cultures_A_Case_Study_of_Finland_Japan_and_India

24. Ruzhenkova V. V., Ruzhenkov V. A., Morozova E. N., Lukyantseva I. S. Affective disorders associated with educational stress among foreign medical students. *Indo American journal of pharmaceutical sciences*, 2018, vol. 5, no. 7, pp. 7021–7027. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.1324399>

25. SapranaVICIUTE L., Perminas A., Pauziene N. Stress coping and psychological adaptation in the international students. *Central European Journal of medicine*, 2012, vol. 7, pp. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.2478/s11536-011-0161-7>

26. Wilson J. K. *Exploring the Past, Present, and Future of Cultural Competency Research: The Revision and Expansion of the Sociocultural Adaptation Construct*. Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, Wellington, 2013. 363 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/41338074.pdf>

27. Wu H., Garza E., Guzman N. International Student's Challenge and Adjustment to College. *Education Research International*, 2015, vol. 7, pp. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.1155/2015/202753>

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Дата поступления статьи: 21.06.2021

Чанова Анна Викторовна

педагог-психолог I категории, Городской центр психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник», Новосибирск, Россия, anna.chanova@gmail.com

Гладышев Дмитрий Юрьевич

педагог-психолог I категории, Городской центр психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник», Новосибирск, Россия, genealog-dmitriy@mail.ru

ТРЕНИНГОВЫЕ ЗАНЯТИЯ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ АДАПТАЦИИ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНВАЛИДОВ С ДЕТСТВА С НАРУШЕНИЯМИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются история создания, цель и задачи работы клуба «Мечта». Показаны основные формы работы специалистов с совершеннолетними инвалидами с детства в рамках клуба. Рассмотрены особенности работы с данной категорией лиц. Авторы приходят к выводу, что тренинговая работа клуба «Мечта» является одним из инструментов адаптации совершеннолетних инвалидов с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития.

Ключевые слова: инвалид с детства, адаптация совершеннолетних инвалидов с детства, общественные организации инвалидов, опыт работы организации инвалидов.

Chanova Anna Viktorovna

Educational Psychologist of the 1st Category, Urban Center of Psycho-pedagogical Support of Young People «Rodnik», Novosibirsk, Russia, anna.chanova@gmail.com

Gladyshev Dmitry Yurievich

Educational Psychologist of the 1st Category, Urban Center of Psycho-pedagogical Support of Young People «Rodnik», Novosibirsk, Russia, genealog-dmitriy@mail.ru

TRAINING SESSIONS AS ONE OF THE TOOLS FOR THE ADAPTATION OF ADULTS WITH DISABILITIES FROM CHILDHOOD WITH INTELLECTUAL DISABILITIES AND SOCIAL DEVELOPMENT

Abstract. The article presents the history of the creation, the purpose and objectives of the club “Dream” are presented. The main forms of work of specialists with adult disabled people from childhood within the club are shown. The features of working with this category of persons are considered. The author comes to the conclusion that the “Dream” club is one of the tools for the adaptation of adults with disabilities from childhood with disabilities in the field of intellectual and social development.

Keywords: disabled person from childhood, adaptation of adult disabled people from childhood, public organizations of disabled people, work experience of organizations of disabled people.

В Новосибирской области проживает значительный процент людей с инвалидностью, в том числе инвалиды с детства. Согласно данным Федерального реестра в Новосибирской области 24 531 инвалидов с детства, что составляет 13,54 % от общей численности инвалидов в РФ [15]. По статистике, опубликованной на сайте

Федерального реестра инвалидов, в Новосибирской области 15 150 лиц с инвалидностью в возрасте от 31 до 40 лет, что составляет 8,36 % от общей численности инвалидов по возрастным группам в разрезе субъектов РФ [14]. Согласно представленным статистическим данным, значительную часть от общего числа людей с инвалидностью составляют инвалиды с детства, к которым относятся взрослые люди с нарушениями развития, проживающие в семьях или интернатах и имеющие иной социально-экономический статус, чем большинство людей с типичным развитием.

Инвалид с детства – это инвалидность, которая «устанавливается гражданам старше 18 лет, когда инвалидность вследствие заболевания, травмы или дефекта, наступила до достижения возраста 18 лет» [9]. Инвалиды с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития (разные степени олигофрении) являются одним из наиболее социально незащищенных слоев населения. По достижении совершеннолетия часть из них продолжает обучение в училищах в рамках программы «Доступное образование». Значительная часть инвалидов с детства живут в семьях изолированно от общества, без интеграции в социальную среду. Сужение круга общения, отсутствие регулярной отработки универсальных навыков со временем приводят к деградации данной категории лиц [4]. Инвалиды с детства нуждаются в создании учитывающих их индивидуальные особенности условий для адаптации в обществе.

Субъективная важность адаптации в обществе и социальной поддержки инвалидов с детства подтверждается в исследованиях С. А. Хазовой и Н. С. Шиповой, согласно которым наличие поддерживающих отношений с окружающими людьми позитивно влияет на самовосприятие и наличие целей, а также является ключевым фактором высокого качества жизни инвалидов с детства [13].

В рамках принятой в 2006 г. Конвенции о правах инвалидов в Новосибирске регулярно проводятся мероприятия, которые направлены на привлечение внимания к проблемам инвалидов, в том числе инвалидов с детства. Комплекс мер направлен на оказание дополнительной помощи данной категории лиц, на проявление внимания к ним и заботы о них, в том числе на «содействие полному осуществлению инвалидами своих прав человека и основных свобод», что «позволит укрепить у них ощущение причастности и добиться значительных успехов в человеческом, социальном и экономическом развитии общества» [6, с. 2].

Согласно статье 33 главы V закона РФ от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалидами и/или лицами, представляющими их интересы, для решения задач интеграции инвалидов могут быть созданы общественные организации инвалидов – «организации, созданные инвалидами и лицами, представляющими их интересы, в целях защиты прав и законных интересов инвалидов, обеспечения им равных с другими гражданами возможностей, решения задач общественной интеграции инвалидов, среди членов которых инвалиды и их законные представители» [12]. Отметим, что общественные организации, созданные для решения задач общественной интеграции инвалидов, необходимы для адаптации инвалидов с детства, так как данные организации позволяют обеспечить необходимые условия, чтобы люди данной категории могли почувствовать себя причастными к конкретной группе и к жизни общества.

В работе О. Б. Колпащикова было выявлено, что люди с инвалидностью, находящиеся в специально созданных условиях для развития способностей к адаптации, отличаются от людей вне данных условий. Различия проявляются в том, что люди с инвалидностью в процессе развития способностей к адаптации имеют большую

самостоятельность, которая проявляется в более частых выходах из дома (в любую погоду), они чаще пользуются «недоступной» для других инвалидов средой; у них развиваются коммуникативные способности, они больше контактируют с людьми, чаще выходят в гости или встречают гостей, чаще обмениваются сообщениями между членами сообщества и новыми людьми, больше контактов являются долгосрочными; расширяется поле социальной активности, что проявляется в участии в творческой и профессиональной деятельности [5]. Создание специальных условий способствует развитию универсальных навыков, необходимых для интеграции в общество инвалидов с детства, и процессу адаптации к жизни в социуме.

Комплексная работа, целью которой является адаптация инвалидов с детства, сопровождается специалистами различных направлений и ориентирована на повышение социально-психологической компетентности, оказание психологической помощи в групповом или индивидуальном формате [12].

Клуб инвалидов с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития «Мечта» является организацией, целью которой выступает оказание помощи в адаптации инвалидов с детства к повседневной жизни. При формулировании цели клуба «Мечта» мы ссылались на определение адаптации В. И. Лубовского с соавторами, в котором адаптация в широком смысле рассматривается как приспособление человека к окружающей среде в биологическом и психологическом аспекте. В своей работе мы рассматриваем психологический аспект адаптации инвалидов с детства как приспособление личности к жизни в обществе с учетом требований среды и индивидуальных потребностей, интересов и мотивов. Образование, воспитание и отработка навыков – основные средства психологической адаптации [7].

Клуб «Мечта» возник в Новосибирске в декабре 2000 г. Он был создан сотрудником Новосибирского городского центра профессиональной ориентации молодежи и психологической поддержки населения Г. Е. Буравцевой. За 20 лет существования в клубе «Мечта» сменился руководитель, изменились структура, время и место проведения занятий, однако остается потребность в работе клуба со стороны участников. На данном этапе встречи клуба проводятся с сентября по июнь один раз в неделю с 10:00 до 14:00.

Состав участников клуба: инвалиды с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития и их законные представители (родители, опекуны). Возраст участников варьируется от 31 года до 78 лет. Участники клуба – взрослые инвалиды с детства – называют себя «мечтянами». Ведущими клуба являются практикующие специалисты Городского центра психолого-педагогической поддержки «Родник» в области психологии и педагогики – И. В. Быстрова, Д. Ю. Гладышев, А. В. Чанова.

При составлении программы клуба «Мечта» был проведен теоретический анализ основных положений специальной психологии, закономерностей отклонений в развитии, представленных в трудах В. И. Лубовского с соавторами [7], Ю. В. Саенко [10], В. М. Астапова [2], Е. В. Милюковой [8]. Это позволило подобрать методы работы в рамках клуба и адаптировать их с учетом особенностей участников. Далее представлено описание программы работы клуба «Мечта» с примерами упражнений, описан опыт применения арт-терапевтического подхода при создании газеты «Наша „Мечта“». В работе клуба используются следующие методы работы: анкетирование, наблюдение, дидактические методы, методы индивидуального и группового консультирования, арт-терапия, танцевально-двигательная терапия, игровые практики.

На первом занятии в учебном году проводится исследование структуры досуговых интересов и повседневных занятий участников клуба (анкеты для инвалидов с детства и их родителей). Согласно полученным данным формируется план занятий на год.

План занятий клуба состоит из следующих видов деятельности: общение на свободную тему, общение на заданную тему (животные, погода, состояние, события и т. д.), оформление газеты (выбор тем и изображений, написание статей), рукоделие (шитье, ДПИ), изобразительное искусство (рисунок красками, карандашами, крупами и т. д.), фотография, физическая активность (зарядка, танцевально-двигательная терапия, комплексы упражнений для групп мышц), чтение вслух (проза, стихи), пение, прослушивание, угадывание мелодий, обсуждение фильмов, пересказ, анализ поведения героев.

За прошедшее время можно выделить несколько творческих тематических блоков: «Народные ремесла», «Портрет (в рисунке и фотографии)», «Поздравительные открытки», «Техника папье-маше», «Времена года», «Краски неба», «Мир цветов и деревьев», «Весь растительный мир», «Мир праздников», «Декоративно-прикладное искусство», «Фигура человека», «Мультфильм», «Написание статей». Количество и содержание тематических блоков постоянно корректируется в зависимости от запросов участников клуба.

Проведенный анализ литературы (В. М. Сорокин, Л. Н. Блинова, Т. П. Аргунова) позволяет выявить основные особенности, на которые обращается особое внимание в процессе работы с инвалидами с детства: операциональные характеристики деятельности, коммуникативная активность и адекватность, навык построения связного высказывания, представление о слове и предложении, формирование представлений о явлениях, изображенных в рассказе, аффективные и эмоциональные особенности ребенка (деятельностный, коммуникативный и эмоциональный критерии) [1; 3; 11]. Таким образом, внесение изменений в программу занятий проводится с учетом основных особенностей актуального состояния участников. Ведущие клуба «Мечта» уделяют особое внимание выявлению особенностей в рамках деятельностного (операциональные характеристики деятельности, скорость реакции), коммуникативного (коммуникативная активность и адекватность, навык построения связного высказывания, понятие о слове и предложении, формирование знаний о явлениях, представленных в рассказе) и эмоционального (аффективные и эмоциональные особенности ребенка) критериев в ходе занятий.

Каждое занятие содержит свободное общение и поздравление именинников, игры, чаепитие (важно, что в сервировке стола и уборке принимают участие сами «мечтяне» (участники клуба)), зарядка, творческие занятия (рисование, лепка, ДПИ). Часть упражнений направлена на развитие и тренировку памяти, внимания, мышления, координации движения, речи.

Структура клубного занятия предполагает, что в самом начале проводятся двигательные упражнения, танцы. Потом следует чаепитие, после которого идет круг обратной связи по итогам недели, где участники рассказывают о том, что было важного у них за прошедший период. Далее небольшая разминка (подвижные игры, танцы), за которыми следует деятельность по желанию участников (развивающие игры, арт-терапия, фотография, чтение, музыкотерапия и др.).

Стоит отметить, что во время физических нагрузок каждый участник самостоятельно выбирает доступные для него упражнения, так как значительной доле участников физические нагрузки противопоказаны.

В ходе работы нами было проведено упражнение, целью которого являлось обучение технике рисования человека. Перед началом рисования нами была обозначена тема. В группе было проведено обсуждение, что важно отобразить на рисунке при изображении человека. Так как большинство участников с легкостью копируют представленные движения, далее нами была озвучена подробная инструкция с демонстрацией того, как надо держать карандаш, как проводить линии по бумаге. Каждое упражнение проходит с учетом индивидуальных особенностей, поэтому если в процессе выполнения упражнения у участников возникают затруднения, каждый из специалистов, работающих с группой, приходит на помощь для решения задачи.

Стоит отметить, что по структуре, представленной выше, проходят занятия, посвященные декоративно-прикладному искусству, в том числе русским народным ремеслам, во время которых «мечтяне» (участники клуба «Мечта») знакомятся с теорией и изготавливают изделия из картона.

Занятия художественным творчеством позволяют интенсифицировать вхождение инвалида в общество. В рамках клуба проводятся выставки работ, на которых участники могут продемонстрировать свои поделки и рисунки. Дополнительно участники демонстрируют свои работы на выставках вне клуба. Например, летом 2007 г. в частной галерее «Чернофф» проходила выставка творческих работ членов клуба «Мечта». Были представлены изобразительные и декоративно-прикладные изделия. Подобного рода акции способствуют интеграции людей с ограниченными возможностями в общество, повышают их самооценку. В то же время такие акции позволяют обществу по-новому взглянуть на инвалидов, способствуют восприятию их как обычных людей, но с ограниченными возможностями.

Ежегодно нами проводятся выездные занятия – экскурсии в музеи и по городу, в том числе прогулки на парходе. После экскурсии проводится обсуждение, в ходе которого мы делимся впечатлениями, вспоминаем интересные моменты и факты. По итогам экскурсии участники пишут статьи в газету.

В результате у инвалидов с детства появляется возможность сформировать свой взгляд на мир во всем многообразии его проявлений, расширяется кругозор, происходит тренировка навыка понимания и выражения своих чувств и мыслей, развиваются творческие способности.

Нами издается газета клуба, которая называется «Наша „Мечта“». Глобальная цель издания данной газеты – социализация авторов статей, развитие коммуникативных навыков. Создание газеты – деятельность, которая охватывает период пребывания участника дома, на занятии, на выездном мероприятии.

Газета издается в печатном формате с 2006 г. и в онлайн-формате с 2020 г. Новый номер выходит каждый месяц с сентября по июнь. Газета до 2006 г. называлась «„Родник“ по пятницам» и представляла собой лист формата А1 с наклеенными кармашками, которые заполнялись листами со статьями по темам.

Работа над газетой способствует информированию участников клуба о текущих новостях как в клубе, так и за его пределами; развитию коммуникативных навыков (через информирование о сборе материалов, об интересующих темах, обсуждение прочитанных после публикации статей); развитию познавательного интереса, так как для каждой статьи автор выбирает тему, которую хочет исследовать; развитию навыка письменной речи, навыка формулирования мыслей. В процессе создания газеты авторы могут опубликовать фотографии своих работ (рисунков, поделок).

В клубе есть специалист, который отвечает за сбор статей у авторов и дальнейшую передачу преподавателю – верстальщику газеты. Стоит отметить, что некото-

рые авторы сами набирают статьи на компьютере и отправляют их по электронной почте верстальщику. Возможность регулярно практиковать набор текста на персональном компьютере, используя программу Microsoft Office Word, и отправление сообщений с документом по электронной почте, способствует развитию технической грамотности участников клуба «Мечта», их памяти и мелкой моторики.

Авторами статей являются инвалиды с детства и их родители. Темы статей подбираются в соответствии с интересами каждого участника. За каждым автором закреплен список интересующих его тем, который может меняться в процессе занятий в клубе. Кроме того, на некоторых занятиях участники клуба пишут статьи на заданную тему, например «Как я провел зимние каникулы», «О международном женском дне», «Как я посетил выставку», «Мое любимое время года» и др. Каждый участник может разместить в газете свои визуальные работы, рисунки, фотографии, фотоколлажи. После мероприятий клуба публикуются совместные фотографии с кратким описанием.

Программа клуба «Мечта» составлена таким образом, чтобы инвалиды с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития в ходе работы могли формировать и отрабатывать навыки, необходимые в процессе адаптации. Данные результаты достигаются благодаря созданию благоприятных психолого-педагогических условий и созданию программы на основе интересов и увлечений участников клуба.

Клуб «Мечта» помогает инвалидам с детства понимать и выражать эмоции, связанные с затронутыми на занятиях сторонами жизни, развивать навыки самораскрытия, письменной и устной речи, формировать представление о многообразии явлений, развивать мелкую моторику и мыслительные процессы в ходе упражнений, игр и работы с различными художественными материалами, расширять представление о разных проявлениях жизни, что способствует адаптации к повседневной жизни.

Таким образом, клуб совершеннолетних инвалидов с детства с нарушениями в сфере интеллектуального и социального развития «Мечта» является одним из инструментов их адаптации. Проводимая работа способствует формированию и тренировке навыков, необходимых в процессе адаптации, с учетом деятельностного, коммуникативного и эмоционального критериев. В дальнейшем планируется проведение занятий клуба «Мечта» и привлечение новых участников с введением стандартизированного диагностического материала для отслеживания динамики участников группы.

Список литературы

1. *Аргунова Т. П.* Интеграция детей-инвалидов в социум посредством социально-педагогической реабилитации [Электронный ресурс] // Наука и образование. 2009. № 1. С. 105–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12787829> (дата обращения: 29.07.2021).
2. *Астапов В. М.* Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии: учебное пособие. М.: Знание, 1991. 110 с.
3. *Блинова Л. Н.* Диагностика и коррекция в образовании детей с задержкой психического развития: учебное пособие. М.: НИЦ ЭНАС, 2001. 136 с.
4. Доступное образование (для граждан с инвалидностью) [Электронный ресурс]. URL: <http://minobr.nso.ru/page/6251> (дата обращения: 20.07.2021).
5. *Колпацников О. Б.* Экстрабилити людей с инвалидностью в инклюзивном социальном проектировании [Электронный ресурс] // Экстрабилити как феномен ин-

клюзивной культуры: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 12 декабря 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2019. С. 31–42. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/76923> (дата обращения: 17.07.2021).

6. Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 22.07.2021).

7. *Лубовский В. И., Розанова Т. В., Солнцева Л. И.* [и др.] Специальная психология: учебное пособие. М.: Академия, 2005. 464 с.

8. *Милюкова Е. В.* Специальная психология: учебное пособие. Курган: Изд-во КГУ, 2009. 54 с.

9. Приказ Минтруда России от 28.11.2019 г. № 742н (ред. от 17.11.2020 г.) «Об утверждении Порядка установления причин инвалидности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.07.2021).

10. *Саенко Ю. В.* Специальная психология: учебно-методическое пособие. Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2002. 142 с.

11. *Сорокин В. М.* Специальная психология: учебное пособие / под научн. ред. Л. М. Шипицыной. СПб.: Речь, 2003. 216 с.

12. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.06.2021).

13. *Хазова С. А., Шипова Н. С.* Качество жизни взрослых инвалидов с детства [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23, № 3. С. 96–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30621549> (дата обращения: 15.07.2021).

14. Численность инвалидов по возрастным группам в разрезе субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-vozrastu?territory=undefined> (дата обращения: 14.07.2021).

15. Численность инвалидов по причинам инвалидности в разрезе субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-prichinam?territory=undefined> (дата обращения: 12.05.2021).

Дата поступления статьи: 02.08.2021

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «СМАЛЬТА»

Международный научно-практический и методический журнал «СМАЛЬТА» (ISSN 2312-1580) – официальное издание, учрежденное ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (ПИ № ФС77-76348 от 19 июля 2019 г.), в котором публикуются оригинальные (ранее не опубликованные) статьи научно-практической и методической направленности в области психологии, педагогики, философии. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за оригинальность и научно-теоретический уровень публикуемого материала.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты психологии и других наук о человеке.
2. Актуальные экспериментальные исследования психологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области психологии и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).

Журнал индексируется в системе РИНЦ.

Периодичность выпуска – 4 раза в год. Полнотекстовые статьи размещаются на сайте журнала после размещения номера в системе РИНЦ.

Материалы для публикации принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям журнала.

Подробная информация о журнале, условиях публикации и выпуски журнала размещены на сайте журнала <http://smalta-ckt.ru>

Общий порядок опубликования

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к присылаемым материалам. К рассмотрению (рецензированию) допускаются только полностью соответствующие требованиям статьи. Материалы для публикации необходимо оформлять в соответствии с российскими и международными профессиональными требованиями к научным статьям.

В журнале публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие результаты исследований актуальных в научном российском и международном сообществе вопросов и достижений, имеющих научную теоретическую и практическую значимость в психологии и смежных науках о человеке.

1. Регистрация поступивших материалов.

Материалы для статей, подготовленные в соответствии с правилами оформления научно-исследовательской публикации и принятыми редакцией журнала стандартами, регистрируются редакцией. При регистрации присваивается дата поступления и регистрационный номер статьи. Датой представления статьи в журнал считается день получения редакцией окончательного варианта материалов статьи. Статьи высылаются авторами на почту журнала smalta.journal@gmail.com

Редакция журнала высылает автору подтверждение о получении статьи.

2. Порядок лицензирования.

2.1. Заключение лицензионного договора.

Для публикации статьи в научном журнале «СМАЛЬТА» необходимо заключить с издателем журнала Лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

После регистрации статьи редакцией автору/авторам высылается Лицензионный договор. Автор направляет в редакцию подписанный Лицензионный договор на право использования научного произведения в научном журнале «СМАЛЬТА».

2.2. Лицензионный договор.

В лицензионном договоре необходимо заполнить оставшиеся графы. Оригинал лицензионного договора с подписью автора необходимо направить на почтовый адрес Издателя (630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, тел. (383) 244-00-77), при положительном решении о публикации.

С момента заключения договора автор на безвозмездной основе передает издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения выше указанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое научное произведение.

Если у автора возникнут вопросы по тексту договора и необходимость в корректировке текста, то необходимо предварительно согласовать изменения с издателем. Без согласования изменения в договоре не принимаются. Финансовых взаимоотношений по лицензионному договору *не предусмотрено*.

3. Порядок рецензирования.

Журнал «СМАЛЬТА» – рецензируемое научное издание. Принятые к рассмотрению материалы проходят несколько этапов рецензирования.

3.1. Первичная экспертиза на соответствие требованиям и профилю журнала.

О поступлении статьи и ее дальнейшей экспертизе и рецензировании редакция сообщает авторам посредством уведомления на электронную почту автору-отправителю. Зарегистрированные материалы для статей проходят первичную экспертизу на соответствие требованиям, тематике и профилю журнала. К рецензированию допускаются статьи, прошедшие оценку в системе Антиплагиат (оригинальность текста статьи не менее 70 %). Только прошедшие первичную экспертизу материалы, принимаются к дальнейшему рассмотрению. Началом экспертизы материалов статьи редакцией является дата регистрации поступивших материалов.

Редакция журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

Не принимаются к публикации в научном журнале:

- статьи, не соответствующие тематике журнала;
- статьи, оформленные без соблюдения правил оформления;
- статьи, авторы которых отказываются от доработки статей в соответствии с пожеланиями редакции, конструктивными замечаниями рецензентов или аргументировано не опровергают их;
- статьи, содержащие ранее опубликованные материалы.

3.2. Процесс рецензирования.

3.2.1. Журнал осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются квалифицированными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет.

Принятые к рассмотрению материалы направляются на рецензирование для оценки их научного содержания нескольким специалистам соответствующего профиля, членам редакционной коллегии или приглашенным специалистам, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи. Оригинальные научные статьи, содержащие методы математической статистики, редакция направляет эксперту по статистическому анализу.

Процесс рецензирования осуществляется с гарантией, что рецензенты независимы от авторов.

3.2.2. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство просвещения Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

3.2.3. Решение о принятии к публикации основывается на поступивших рекомендациях рецензентов журнала. Рецензия содержит указания на недочеты и несоответствия рукописи критериям оценивания. Рецензия может содержать рекомендации авторам по улучшению качества статьи для публикации, но рецензенты не обязаны предоставлять авторам детальное конструктивное обоснование всех несоответствий. Если по мнению рецензента рассматриваемая рукопись не соответствует критериям для публикации, то в рецензии указываются только основные причины отказа. Наличие положительной рецензии членов редакционной коллегии и редакционного совета не является достаточным основанием для публикации статьи.

При принятии решения «рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных недостатков», автору направляются рекомендации и вопросы для исправления.

Рукопись статьи, скорректированная автором, повторно направляется на рецензирование. Автору необходимо мотивировать внесенные изменения.

Рукописи статей, не рекомендованные к публикации, повторно не рассматриваются.

3.2.4. Исправление статьи. При наличии нескольких авторов (соавторов) редакция ведет переписку с автором, ответственным за переписку и указанным в сопроводительном письме как *Ответственный автор*. *Ответственный автор* выступает контактным лицом между редакцией и соавторами, самостоятельно согласовывает все изменения в статье с соавторами. На указанную электронную почту *Ответственный автор* будет получать уведомления о статусе статьи, отзывы рецензентов, замечания редакторов и любую информацию, связанную со статьей. *Ответственный автор* отвечает за целостность и правильность сопроводительных документов, направляемых в редакцию. *Ответственный автор* обязан:

- отправить статью на электронную почту журнала и собрать все необходимые документы, согласовав их и подписав у соавторов;
- при отправке статьи указать свою электронную почту;
- информировать соавторов и привлекать их к принятию решений по вопросам публикации: ответы на комментарии рецензентов, исправление статьи и утверждение итогового варианта;

- оперативно отвечать на запросы редакции, профессионально и в кратчайшие сроки – на вопросы рецензента;
- быть доступным для общения с редакцией во время отправки статьи, рецензирования и редактирования, после публикации.

Доработка статьи не должна занимать более двух месяцев с момента отправки сообщения авторам о необходимости изменений. Доработанная автором статья повторно направляется на рецензирование.

В случае несогласия с мнением рецензента автор статьи предоставляет в редакцию журнала аргументированный ответ. Если у автора и рецензентов возникли неразрешимые противоречия относительно рукописи, редколлегия вправе направить рукопись на дополнительное рецензирование. В конфликтных ситуациях решение принимает главный редактор.

3.2.5. Отказ от исправления статьи. В случае отказа от доработки материалов авторы должны в письменной или устной форме уведомить редакцию о своем отказе от публикации статьи. *Если авторы не возвращают доработанный вариант по истечении 3 месяцев со дня отправки рецензии, даже при отсутствии сведений от авторов с отказом от доработки статьи, редакция снимает ее с учета.*

3.2.6. Изменения в авторстве. Порядок перечисления и количество авторов статьи должны быть определены исследователями совместно и до направления статьи к публикации. Если авторы просят исключить, добавить автора или поменять порядок следования авторов после направления или публикации статьи, *Ответственный автор* должен уточнить причину изменений (в случае добавления автора нужно указать его вклад). Исправленный список авторов должен быть заново подписан всеми авторами, в том числе письменное согласие исключенного или включенного автора.

3.3. Сроки рецензирования.

Экспертиза и рецензирование осуществляются бесплатно. Общий срок рецензирования составляет не менее 1 месяца в соответствии с порядком рецензирования.

4. Оформление материалов статьи для публикации.

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к материалам. К рассмотрению (рецензированию) допускаются только полностью соответствующие требованиям материалы для статей.

4.1. Общие сведения.

Формат текста: Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf). Допускается архивация с помощью RAR или ZIP.

Формат страницы: А4 (210×297 мм).

Ориентация: книжная, альбомная ориентация запрещена.

Поля (верхнее, нижнее, левое, правое): 2,5 см.

Шрифт: Times New Roman, размер (кегель) – 14.

Абзацный отступ (красная строка): 1,25.

Межстрочный интервал: 1,25.

Объем статьи: 12–25 с. (до 40000 знаков).

Переносы и номера страниц не ставятся.

Таблицы, рисунки и графики имеют сквозную нумерацию и названия, вставляются как внедренные объекты и входят в общий объем публикации.

Содержание статьи должно быть проверено автором на отсутствие грамматических, стилистических и других ошибок и быть оформлено в международном научном стиле.

Название файла должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора (напр.: Бугрова_НВ или Bugrova_NV).

Материалы высылаются на электронную почту журнала smalta.journal@gmail.com

4.2. Структура авторского резюме (метаданные) содержит: УДК, адресные сведения об авторе, название статьи, аннотация статьи, ключевые слова, пристатейный список литературы.

Сопроводительные сведения к статье: полные сведения об авторе (авторах) без сокращений и аббревиатур; оригинал Заключения направляющей организации на предмет отсутствия в рукописи автора сведений, составляющих государственную тайну, и возможности их открытого опубликования в международных системах (с подписью и печатью); авторский лицензионный договор (заполненная форма договора с подписью автора).

4.2.1. УДК.

4.2.2. Публикуемые сведения к статье на **русском языке:**

- **Фамилия, имя, отчество автора** (полностью).

- **Адресные сведения об авторе без сокращений и аббревиатур:** ученая степень, ученое звание, место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация), место работы по проекту (при наличии), занимаемая должность (для студентов/магистрантов/аспирантов – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение), город, страна, e-mail, ORCID (желательно).

При наличии нескольких авторов (соавторов), информация о них представляется поочередно. Шрифт полужирный, размер шрифта – 14, выравнивание текста по центру.

- **Название статьи.**

- Через пропущенную строку: **Аннотация** статьи, не менее 450–500 и не более 1500 знаков (50–200 слов); развернутая аннотация сохраняет структуру статьи и содержит компоненты: проблема и цель исследования, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Не допускается в аннотации цитирование и ссылки на другие работы. Размер шрифта – 12.

- **Ключевые слова** (5–7 слов), размер шрифта – 12.

4.2.3. Ниже на **английском языке** дублируется следующая информация:

- **Фамилия, имя, отчество автора** (полностью).

- **Адресные сведения об авторе без сокращений и аббревиатур:** ученая степень, ученое звание, место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация), место работы по проекту (при наличии), занимаемая должность (для студентов/магистрантов/аспирантов – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение), город, страна, e-mail, ORCID (желательно).

При наличии нескольких авторов (соавторов), информация о них представляется поочередно. Шрифт полужирный, размер шрифта – 14, выравнивание текста по центру.

- **Название статьи.**

- **Аннотация (Abstract)** статьи, не менее 450–500 и не более 1500 знаков (50–200 слов); развернутая аннотация сохраняет структуру статьи и содержит компоненты: проблема и цель исследования, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Не допускается в аннотации цитирование и ссылки на другие работы. Размер шрифта – 12.

• **Ключевые слова (Keywords)**, 5–7 слов, размер шрифта – 12.

4.3. **Текст статьи.** Через пропущенную строку размещается текст статьи. Размер шрифта – 14.

Содержание научно-исследовательской статьи формируется с соблюдением следующей структуры: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме; методология (материалы и методы); результаты исследования, обсуждение; заключение (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

4.4. **Пристатейный список литературы** (на русском языке).

4.4.1. Содержит не менее 10 научно-исследовательских источников (для теоретических обзоров – не менее 30 источников), в т. ч. не менее 30 %, опубликованных за последние 3–5 лет в научных изданиях, индексируемых в базах данных РИНЦ, SCOPUS.

4.4.2. Оформляется согласно **ГОСТ 7.0.5-2008** (см.: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>). **Все источники по возможности должны иметь DOI или URL-адрес национального архива (электронные ссылки в пристатейном списке литературы должны быть активны).** За достоверность представляемых библиографических данных ответственность несут авторы вплоть до отказа в праве на публикацию.

4.5. **Библиографические ссылки** в тексте указываются в квадратных скобках, их список приводится в конце текста (по алфавиту); каждому номеру соответствует один источник; на каждый источник, указанный в списке литературы, дается ссылка по тексту статьи. В случае цитирования страницы указываются рядом с номером источника, например «Текст цитаты...» [3, с. 32]. Использование подстрочных ссылок не допускается.

Списки литературы признают идеи других авторов и помогают избежать обвинения в плагиате; позволяют читателям найти источники материалов, на которые ссылается автор; демонстрируют масштаб исследований автора (через возможное, не более 25 %, цитирование своих публикаций).

Пример оформления материалов для публикации приведен в *приложении 1*.

4.6. Статьи аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии письменного положительного отзыва научного руководителя. Информация о научном руководителе размещается после пристатейного списка литературы: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация), город, страна, e-mail*.

4.7. На отдельной (последней) странице размещаются полные сведения об авторе/авторах и не входят в общий объем статьи (Приложение 2):

- фамилия, имя, отчество (на русском и английском языках);
- ученая степень, ученое звание (на русском и английском языках);
- занимаемая должность (на русском и английском языках);
- место работы: кафедра, факультет, учебное заведение или организация с указанием адреса организации без сокращений и аббревиатур (на русском и английском языках), для магистрантов/аспирантов – при наличии;
- место учебы (для студентов/магистрантов/аспирантов) – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение (на русском и английском языках);
- почтовый адрес с указанием страны и индекса;
- e-mail;
- контактный телефон.

Если авторов несколько – сведения оформляются отдельно на каждого.

Полные сведения об авторе используются для создания базы данных статей журнала для внутреннего пользования и администрирования, являются конфиденциальной информацией и применяются в соответствии с законодательством об использовании персональных данных.

5. Редакционная подготовка и оплата публикации.

Материалы, принятые к публикации, проходят редакционную подготовку – литературное редактирование, сверку всех данных, корректуру, форматирование, макетирование.

Общий срок редакционной подготовки составляет не менее 3-х месяцев в соответствии с периодичностью публикации выпусков. Вопросы, возникающие в процессе редактирования, высылаются авторам для согласования.

На основе калькуляции работ в соответствии с объемом редакционной подготовки с автором заключается договор на оплату издательских услуг на условиях, действующих на момент заключения договора.

6. Публикация.

Журнал является изданием с открытым доступом, это означает, что журнал открывает опубликованные статьи в бесплатном свободном доступе для пользователя или его учреждения на своем сайте и на сайтах библиографических индексирующих систем, с которыми сотрудничает редакция журнала, в сроки, установленные соответствующими договорами. Журнал распространяется по электронной подписке.

Пользователям разрешается читать, скачивать, копировать, распространять, распечатывать, искать, ссылаться на полные тексты статей или использовать их для любых законных целей, без предварительного разрешения от издателя или автора при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Общий срок публикации (от регистрации до размещения на сайте журнала при условии качественной подготовки рукописи статьи автором) составляет в среднем 3 месяца (12 недель).

7. Ответственность.

Редакционная коллегия журнала «СМАЛЬТА» в своей работе стремится соблюдать и поддерживать стандарты этического поведения на всех этапах процесса публикации; ориентируется на общепринятые международным научным сообществом нормы редакционно-издательской этики, этики научного рецензирования и авторства научных публикаций, а также законодательство Российской Федерации об авторском праве и опирается на следующие основополагающие документы:

– рекомендации международного Комитета по публикационной этике (Committee of Publication Ethics – COPE, Кодекс этики научных публикаций), Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций» и Будапештской инициативой открытого доступа – Budapest Open Access Initiative (<http://www.budapestopenaccessinitiative.org/read>);

– положения главы 70 Гражданского кодекса Российской Федерации «Авторское право».

Редакция журнала прилагает усилия для предотвращения возможных нарушений (возможная фальсификация данных, плагиат, манипуляция с изображениями, неэтичные исследования, предвзятые представления, злоупотребление авторством, избыточные или дублирующие публикации, незаявленный конфликт интересов) и оставляет за собой право отклонить публикацию статьи при нарушении указанных принципов и правил.

Редакция обязуется предпринимать все меры для устранения содержательных, грамматических, стилистических и иных ошибок при их обнаружении; опубликовать исправления, разъяснения, опровержения и извинения, когда это необходимо.

Редакция журнала размещает статьи в открытом доступе после принятия решения к опубликованию материалов и заключению с авторами Лицензионного договора; авторские права сохраняются за авторами.

Любая рукопись, полученная для публикации и рецензирования, рассматривается как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам без согласия редакции журнала.

Авторы несут ответственность за оригинальность, достоверность и объективность представленных для публикации материалов (подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений) и соответствие публикуемых исследований этическим и юридическим нормам, принятым в научном сообществе. В то же время **редакция не несет ответственность** за достоверность информации, приводимой авторами

Авторы гарантируют, что представленные материалы ранее нигде не были опубликованы, не направлялись к рассмотрению и в настоящее время не рассматриваются в другом издательстве (редакции), в том числе и на других языках. Указывают финансовую поддержку исследования в тексте статьи.

Авторы обязаны уведомить редакцию журнала (издательство) при обнаружении существенных ошибок и неточностей или признаков нарушения публикационной этики в представленной или опубликованной статье для скорейшего исправления выявленных неточностей или изъятия публикации.

Все стороны публикационного процесса обязаны сообщить об отсутствии или о наличии в рукописях финансовых или других существующих конфликтах интересов с издателем, спонсором, соавтором, типографией и т. д.

Редакция (издательство) вправе отклонить любые материалы, нарушающие вышеизложенные принципы.

По вопросам публикации обращаться: Альбина Сергеевна Тишкова, 630126, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28, каб. 406 факультета психологии (кафедра практической и специальной психологии) ФГБОУ ВО «НГПУ»; тел. +7 (383) 244-18-93; smalta.journal@nspu.ru

Пример оформления материалов для публикации

УДК ...

Бугрова Нина Владимировна

педагог-психолог I категории, Городской центр психолого-педагогической поддержки, г. Новосибирск, Россия, bugrova@yandex.ru

ФОРМЫ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА С ПРИЕМНЫМИ РОДИТЕЛЯМИ

Аннотация. В статье анализируются трудности, связанные с воспитанием приемных детей. Особое внимание уделено... Показаны формы работы психолога с приемными родителями. <...> На основе изучения... установлено... Автор приходит к выводу, что...

Ключевые слова: приемная семья, детско-родительские отношения, психологическое сопровождение.

Bugrova Nina Vladimirovna

Educational Psychologist of the 1st category, Urban Center of Psycho-pedagogical Support, Novosibirsk, Russia, bugrova@yandex.ru

FORM OF PSYCHOLOGISTS' WORK WITH FOSTER PARENTS

Abstract. The article analyzes the difficulties of raising adopted children. <...> Shows the form of psychologists' work with foster parents...

Keywords: foster family, parent-child relationship, psychological support.

На Всероссийском форуме приемных семей, прошедшем в Москве в феврале 2015 года, обсуждались трудности, связанные с воспитанием приемных детей [2]. <...>

В процессе реализации программы родители-опекуны:

- обсуждали семейные нормы и правила поведения;
- анализировали наиболее распространенные стереотипы отношений в семье.

Таким образом, работа по сопровождению опекунских семей помогает улучшить качество различных сфер их жизнедеятельности, гармонизировать взаимоотношения в системе «ребенок-опекун», способствует успешной социализации детей и интеграции в общество.

Список литературы

1. *Арестова Т. З.* Подготовка опекунских семей // Актуальные вопросы социальной работы. 2012. № 3. С. 23–26. DOI...
2. Материалы Всероссийского форума приемных семей [Электронный ресурс]. URL: <http://cipv.cipv.cipv.cipv.cipv.ru> (дата обращения: 30.08.2019).
3. *Ослон В. Н.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
4. *Morgan G.* Image of organization. Beverly Hills, 1986. 335 p.

Пример заполнения формы сведений об авторе

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество: (на русском и английском языке)	Бугрова Нина Владимировна Bugrova Nina Vladimirovna
Ученая степень, звание: (на русском и английском языке)	нет
Занимаемая должность (на русском и английском языке)	педагог-психолог I категории educational psychologist of the 1 st category
Место работы с указанием адреса: (на русском и английском языке) – кафедра, факультет, – учебное заведение или организация Для магистрантов/аспирантов – при на- личии	г. Новосибирск, ул. Ленина, д. 2. Novosibirsk, st. Lenin, 2. Городской центр психолого-педагогической поддержки Citycenter of psychological and pedagogical support
Место учебы для студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей, адъюнктов: (на русском и английском языке) – курс, направление обучения, – факультет, учебное заведение	нет
Почтовый адрес (полностью)	Россия, 630000, г. Новосибирск, ул. Ленина, 1, кв. 1.
Контактный телефон	+7- ___ - ___ - ___ - ___
e-mail:	bugrova@yandex.ru

Факультет психологии ФГБОУ ВО «НГПУ» приглашает на обучение (очная и заочная форма) по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (имеются бюджетные места на всех формах обучения, кроме аспирантуры).

Контакты для дополнительной информации: Алексей Михайлович Захаренко, технический секретарь отборочной комиссии факультета психологии, раб. тел.: +7(383)244-00-77, e-mail: zaharenko.aleksey94@mail.ru ; сайт университета <https://nspu.ru/abiturientu/>

БАКАЛАВРИАТ

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ		ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ (ЕГЭ)	ФОРМА ОБУЧЕНИЯ	
Психология	Психология	Русский язык Биология Обществознание	Очно-заочная	Внебюджетное
	Психология семейных отношений		Очно-заочная	Внебюджетное
	Консультативная психология		Очная	Бюджетное, внебюджетное
Психолого-педагогическое образование	Психология образования		Очная, заочная	Бюджетное, внебюджетное
	Психология развития и воспитания личности		Очная, заочная	Бюджетное, внебюджетное
Специальное (дефектологическое) образование	Специальная психология		Русский язык Биология Математика (профильный)	Очная, заочная

37.03.01 Психология

ПСИХОЛОГИЯ

Студенты приобретают компетенции в области:

- индивидуального, семейного и группового консультирования;
- работы с персоналом организации с целью отбора кадров и создания психологического климата, способствующего оптимизации производственного процесса;
- применения технологий организационно-управленческого консультирования, кадровой и тренинговой работы;
- применения психодиагностических, консультативных и психокоррекционных методов помощи семье;
- применения методов социально-психологического сопровождения человека в трудной жизненной ситуации и др.

Сфера профессиональной деятельности выпускников:

- психологические службы;
- психологические центры;
- различные компании и организации, где требуются психологи.

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Студенты приобретают компетенции в области:

- взаимоотношений между супругами, родителями и детьми;
- разными поколениями семьи;
- проблем разделения труда, прав и обязанностей в семье;
- предупреждения и коррекции дезорганизации и аномалий супружеских и семейных взаимоотношений;
- природы конфликтов в семье и их конструктивного разрешения;
- проблемы разводов и постразводных ситуаций;
- психологии воздействия родителей на детей, а детей на родителей;
- диалектики развития чувства любви, супружеской дружбы.

Сфера профессиональной деятельности выпускников:

- учреждения социальной защиты и молодежной политики,
- детские дошкольные учреждения,
- организации общего и дополнительного образования,
- психологические центры и службы психолого-педагогического сопровождения детей и взрослых.

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Студенты приобретают компетенции в области:

- проведения индивидуального консультирования в рамках различных направлений;
- работы с семьями и парами;
- проведения групповых занятий и тренингов по различной тематике;
- проведения психологической диагностики и подготовке психологических заключений;
- проведения научных исследований и представления их результатов на научных семинарах, конференциях, школах и в печати.

Сфера профессиональной деятельности выпускников:

- образовательные учреждения дошкольного или среднего образования;
- психологические и социально-психологические центры;
- подбор, обучение и оценка персонала;
- психологическая экспертиза;
- частная практика.

44.03.02 Психолого-педагогическое образование

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Студенты приобретают компетенции в области:

- психологии личности и группы;
- психологических аспектов развития обучающихся;
- организации педагогической работы;
- психологического сопровождения педагогических процессов;
- психолого-педагогической оценки отдельной личности;
- анализа и оценки эффективности педагогического процесса;
- применения технологий взаимодействия с разными категориями детских коллективов и детей.

Сфера профессиональной деятельности выпускников: образовательные учреждения – детские сады, школы, гимназии, лицеи, колледжи.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Студенты приобретают компетенции в области:

- психологии и педагогики для разных возрастов обучающихся;
- дефектологии;
- психолого-педагогической диагностики;
- психолого-педагогического сопровождения общего образования, профессионального образования, дополнительного образования и профессионального обучения.

Сфера профессиональной деятельности выпускников:

- образовательные учреждения;
- учреждения культуры;
- учреждения здравоохранения;
- учреждения социальной защиты населения.

44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Студенты приобретают компетенции в области:

– коррекционно-педагогической деятельности – изучение, образование, развитие, реабилитация и социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями здоровья как в специальных (коррекционных) дошкольных образовательных учреждениях и общеобразовательных учреждениях, так и в условиях структур здравоохранения, социальных структур, в том числе и в образовательных учреждениях, реализующих программы совместного (интегрированного) обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и нормально развивающихся детей;

– диагностико-консультативной деятельности – психолого-педагогическое изучение особенностей психофизического развития и образовательных возможностей лиц с ограниченными возможностями здоровья; оказание консультативной помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья, членам их семей и педагогам по вопросам воспитания, проблемам образования;

– исследовательской деятельности – сбор, анализ и систематизация информации в сфере теории и практики специального (дефектологического) образования;

– культурно-просветительской деятельности – формирование общей культуры лиц с ограниченными возможностями здоровья, организация культурного пространства образовательного учреждения; пропаганда толерантного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья среди широкой общественности.

Сфера профессиональной деятельности выпускников:

- учреждения дошкольного образования, общего образования, профессионального образования, дополнительного образования и профессионального обучения;
- центры развития детей;
- учреждения здравоохранения;
- учреждения социальной защиты населения.

СПЕЦИАЛИТЕТ

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ		ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ (ЕГЭ)	ФОРМА ОБУЧЕНИЯ	
Психология служебной деятельности	Психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников правоохранитель- ных органов	Русский язык Биология Обществознание	Очная	Бюджетное, внебюджетное
Педагогика и психология девиантного поведения	Психолого- педагогическая профилактика девиантного поведения		Очная	Бюджетное, внебюджетное
	Психолого-педа- гогическое сопро- вождение детей и подростков группы риска		Очная	Бюджетное, внебюджетное

44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ; ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА**

Студенты приобретают компетенции в области:

– своевременной диагностики, коррекции и предупреждения девиантных проявлений в группах риска, в том числе у детей и подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию;

– психологической, педагогической и правовой поддержки детей и подростков, склонных к зависимому, суицидальному, агрессивному, противоправному поведению, сексуальным перверсиям;

– выявления социальных и образовательных рисков, их предупреждения и преодоления;

– обучения детей и взрослых навыкам конструктивного поведения, в том числе в ситуации конфликта, сложного жизненного выбора;

– обеспечения правового консультирования подростков, родителей, семей, в том числе приемных и замещающих, в трудных жизненных ситуациях;

– организации взаимодействия общественных институтов (образования, полиции, социальной защиты и др.), ответственных за здоровое взросление личности.

Сфера профессиональной деятельности выпускников:

- образовательные учреждения;
- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения;
- органы управления образованием;
- органы опеки и попечительства;
- органы по делам молодежи;
- органы управления здравоохранением;
- учреждения службы занятости;
- органы внутренних дел.

37.05.02 Психология служебной деятельности

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Студенты приобретают компетенции в области:

- осуществления психологической помощи в реабилитации и адаптации сотрудников правоохранительных органов, вернувшихся из «горячих точек»;
- оказания психологической помощи семьям сотрудников МВД;
- применения технологий диагностики готовности к службе, построению психологического портрета преступника, сопровождению детей и подростков в юридически значимых ситуациях;
- применения технологий ведения переговоров в случаях захвата заложников и похищения людей.

Сфера профессиональной деятельности выпускников: психологическое сопровождение сотрудников учреждений Министерства внутренних дел РФ, ГУФСИН РФ и других государственных служб.

МАГИСТРАТУРА

37.04.01 Психология

Консультативная психология и психотерапия

44.04.02 Психолого-педагогическое образование

Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков в «трудной жизненной ситуации»

Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса кадетов и военнослужащих

Психологическое сопровождение школьной службы медиации

Педагогическая психология

Девиантология

44.04.03 Специальное (дефектологическое) образование

Специальная психология

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ	МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА	ФОРМА ОБУЧЕНИЯ	
		Очно-заочная	Внебюджетное
Психология	Консультативная психология и психотерапия	Очно-заочная	Внебюджетное
Психолого-педагогическое образование	Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса кадетов и военнослужащих	Заочная	Бюджетное, внебюджетное
	Девиантология	Заочная	Бюджетное, внебюджетное
	Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков в «трудной жизненной ситуации»	Очная	Бюджетное, внебюджетное
	Психологическое сопровождение школьной службы медиации	Заочная	Бюджетное, внебюджетное
	Педагогическая психология	Заочная	Бюджетное, внебюджетное
Специальное (дефектологическое) образование	Специальная психология	Заочная	Бюджетное, внебюджетное

37.04.01 Психология

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

Руководитель: Ю. М. Перевозкина, доктор психол. наук, профессор кафедры практической и специальной психологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку квалифицированных компетентных и конкурентоспособных на современном рынке труда психологов, обладающих компетенциями, позволяющими профессионально решать проблемы общения и взаимодействия людей; конструктивно разрешать конфликтные ситуации, а также удовлетворять потребности общества, развития психологической науки, рынка образовательных услуг и рынка труда в различных динамично меняющихся ситуациях их научной и практической деятельности.

44.04.02 Психолого-педагогическое образование

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В «ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ»

Руководитель: М. И. Кошенова, канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку специалиста, способного решать вопросы сопровождение детей и подростков в трудной жизненной и юридически значимой ситуации.

Учебный план подготовки формировался с учетом анализа «белых пятен» психолого-педагогического сопровождения детей и подростков, их семей, находящихся в социально и (или) психологически уязвимом положении, актуального запроса специалистов из сферы социальной защиты и образования. Вопросы помощи ребенку и подростку в ситуации кризиса, насилия, психологической травмы, работы с детьми-мигрантами, досудебного (следственные действия) и судебного сопровождения, суицидального поведения детей и подростков, а также сопровождения за-

мещающих семей и семей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, психолого-педагогической экспертизы программ профилактики и коррекции, оценки социальных и образовательных рисков стали основанием для разработки учебных дисциплин и программ практик.

Сформированные компетенции позволят магистрам обеспечить работу с «трудными» детьми и семьями в учреждениях соцзащиты и образования, оказывать консультативную помощь управленцам, педагогам, социальным работникам, детям и их семьям, проводить коррекцию и реабилитацию детей и подростков с опытом психологической травмы, координировать межведомственную помощь специалистов.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАДЕТОВ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Руководитель: И. А. Федосеева, доктор пед. наук, профессор кафедры практической и специальной психологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку магистра к управленческой психолого-педагогической деятельности, психолого-педагогическому сопровождению в системе среднего общего образования, среднего профессионального образования, кадетских корпусов, военных институтов.

Сформированные компетенции позволят магистрам участвовать в разработке психолого-педагогических проектов, обеспечивающих эффективное взаимодействие участников образовательного процесса, в том числе и в аспектах толерантности, патриотизма, гражданственности; руководить организацией и проведением мониторинговых исследований, разработкой и реализацией исследовательских и научно-исследовательских проектов, анализом, обобщением и представлением результатов собственной профессиональной деятельности; участвовать в проектировании и создании психологически комфортной и безопасной образовательной среды; осуществлять психолого-педагогическое сопровождение деятельности по реализации инновационных проектов.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ СЛУЖБЫ МЕДИАЦИИ

Руководитель: Н. Я. Большунова, доктор психол. наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку высококвалифицированных профессионалов, обладающих глубокими знаниями в сфере педагогики и психологии, способных осуществлять профессиональную деятельность в области урегулирования конфликтов; владеющих теорией и практикой альтернативного метода разрешения споров и конфликтов в сфере социального взаимодействия; владеющих научно-исследовательскими, экспертными, психодиагностическими, коррекционными, медиаторными методами и техниками.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Руководитель: О. А. Шамшикова, канд. психол. наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку выпускника, владеющего понятийно-терминологическим аппаратом педагогики начального образования, базовыми знаниями психологии и педагогики, знаниями о современных проблемах и направлениях

развития педагогики и начального образования, определенными педагогическими технологиями.

ДЕВИАНТОЛОГИЯ

Руководитель: М. Г. Чухрова, доктор мед. наук, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку выпускника, способного выявлять факторы риска возникновения «отклонений» в поведении, дифференцировать психопатологию, прогнозировать возникновение деструктивного поведения с учетом социальных и личностных факторов, организовывать межведомственную работу по предупреждению зависимого, преступного, суицидального и других форм деструктивного поведения.

Освоение данной программы позволит магистру работать с «группами риска» и девиантного поведения любого возраста, в образовательных организациях (любой степени образования) и учреждениях социальной защиты, молодежных и спортивных организациях, диагностических центрах; выпускник способен координировать межведомственную деятельность, осуществлять консультативную помощь специалистам, ответственным за процесс социализации.

44.04.03 Специальное (дефектологическое) образование

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Руководитель: О. К. Агавелян, доктор психол. наук, профессор ФГБОУ ВО «НГПУ».

Программа направлена на подготовку высококвалифицированных профессионалов – специальных психологов, обладающих современными интегративными научными знаниями и владеющих эффективными технологиями решения фундаментальных и прикладных задач специальной психологии; способных проводить мониторинг эффективности коррекционно-педагогического, абилитационного и реабилитационного процессов в образовательных организациях; владеющих современными технологиями психологического обеспечения образования, реабилитации и социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья.

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ	МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА	ФОРМА ОБУЧЕНИЯ	
		Заочная	Внебюджетное
Психологические науки	Возрастная психология	Заочная	Внебюджетное
	Общая психология, психология личности, история психологии	Заочная	Внебюджетное
	Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред	Заочная	Внебюджетное

37.06.01 Психологические науки**37.06.01 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, НАПРАВЛЕННОСТЬ: ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ (по новой номенклатуре научных специальностей – 5.3.1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ)**

Программа направлена на подготовку аспирантов к овладению необходимыми компетенциями для подготовки к защите научно-квалификационной работы (диссертации) на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

Программа ориентирована на проведение фундаментальных исследований психологических механизмов и закономерностей происхождения и функционирования психики, сознания, самосознания, личности; применение выявленных закономерностей для решения практических задач диагностики, консультирования, экспертизы, профилактики; осуществление исторического и методологического анализа психологических теорий, концепций и воззрений, разработку исследовательской и прикладной методологии, создание и адаптацию методов психологического исследования и практической работы.

37.06.01 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, НАПРАВЛЕННОСТЬ: ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ (по новой номенклатуре научных специальностей – 5.3.7. ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

Программа направлена на подготовку аспирантов к овладению необходимыми компетенциями для подготовки к защите научно-квалификационной работы (диссертации) на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

Программа ориентирована на проведение фундаментальных исследований в области биологической и социальной детерминации психического развития человека; изучение процессов развития и формирования психики человека на разных этапах жизненного цикла (от пренатального периода, возраста новорожденности до зрелости, старения и старости); исследование культурно-исторического развития психики; выявление объективных и субъективных факторов, способствующих или препятствующих развитию и реализации человеческого потенциала; разработку методов исследования и диагностики психического развития человека, а также нормативных показателей психического развития.

37.06.01 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, НАПРАВЛЕННОСТЬ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (по новой номенклатуре научных специальностей – 5.3.4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД)

Программа направлена на подготовку аспирантов к овладению необходимыми компетенциями для подготовки к защите научно-квалификационной работы (диссертации) на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

Программа ориентирована на проведение фундаментальных исследований психологических фактов, механизмов, закономерностей учебной деятельности и действий индивида и группы; особенностей и характеристик педагогической деятельности и действий педагога и педагогического коллектива; изучение специфики процесса взаимодействия субъектов образовательного процесса; исследование психологического влияния содержания и форм организации образовательного процесса; исследование влияния различных видов учебной деятельности на проявление психологических новообразований у обучающихся и их личностное развитие.

IN MEMORIAM

Марина Викторовна Шпехт (05.09.1965 – 13.07.2021)

После тяжелой болезни безвременно ушла из жизни Марина Викторовна Шпехт, руководитель Центра практической психологии факультета психологии, заместитель главного редактора международного научно-методического и практического журнала «СМАЛЬТА».

Марина Викторовна была в первую очередь другом и профессионалом-психологом, осуществлявшим поддержку и сопровождение участников образовательного

процесса не только факультета психологии, но и вуза в целом. Благодаря ее помощи многие студенты, находящиеся в кризисной ситуации, нашли в себе силы преодолеть трудности, поменять подход к жизни.

Марина Викторовна совместно со студентами факультета психологии организовывала и проводила обучающие, просветительские и профориентационные мероприятия среди учащихся и педагогов образовательных организаций, тем самым она внесла значительный вклад в усиление практико-ориентированного компонента их учебной деятельности.

Большую работу Марина Викторовна вела как член Федерации психологов образования России. Она являлась активным участником мероприятий по формированию психологической безопасности образовательного пространства факультета психологии и всего университета, в том числе по профилактике суицидального и аддиктивного поведения молодежи. Организовывала и проводила социально-психологическое тестирование по выявлению у студентов склонности к рискам такого поведения. Активно работала в совете по профилактике суицидального поведения несовершеннолетних в сфере образования при министерстве образования Новосибирской области.

Марина Викторовна принимала непосредственное участие в подготовке и проведении научно-практических семинаров, мастер-классов и научно-практических конференций, организованных вузом, факультетом психологии для специалистов сферы образования и социальной защиты населения.

В основе любой деятельности Марины Викторовны лежали инициатива, творчество, глубокий профессионализм. Ей были свойственны оптимизм, целеустремленность, настойчивость. Она обладала широкой профессиональной эрудицией, которую успешно проявляла в научной и общественной жизни факультета и университета, и пользовалась авторитетом как у студентов, так и у коллег и сотрудников вуза.

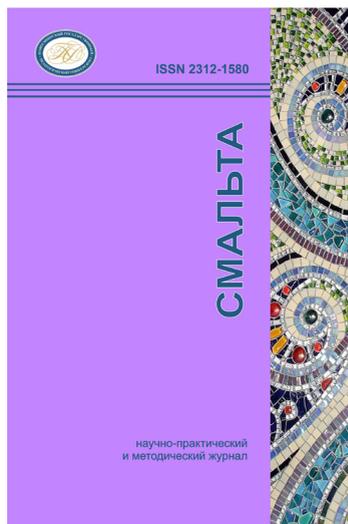
Светлая, открытая, активная, талантливая, внимательная, остроумная и никогда не унывающая – такой мы ее запоем.

Память о Марине Викторовне и ее делах сохранится не только в истории факультета психологии, но и в результатах деятельности выпускников, добившихся выдающихся успехов в образовательной деятельности и занимающихся научной работой.

Редакция журнала «СМАЛЬТА» и коллектив ФГБОУ ВО «НГПУ»

О журнале

Международный научно-практический и методический журнал «СМАЛЬТА» (год основания – 2014, ISSN 2312-1580, учредитель ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет») публикует научные статьи, практические и методические разработки по психологии, педагогике, философии и приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты психологии и других наук о человеке.
2. Актуальные экспериментальные исследования психологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области психологии и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).

Журнал индексируется в системе РИНЦ.

Периодичность выпуска – 4 раза в год.

Материалы для публикации принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

Выпуски журнала (полнотекстовые статьи) размещаются на сайте журнала после размещения № в системе РИНЦ.

Главный редактор – **О. О. Андронникова**, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, профессор кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.